

63.40/
10.90

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

Крестовые походы

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

OLIVIA COOLIDGE

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Tales of The Crusades

16

63,307

К90

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

Крестовые ПОХОДЫ

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

УДК 820
ББК 84(7Сое)
К90

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ»
выпускается с 2002 года

Разработка серийного оформления
художника *И.А. Озерова*

Кулидж Оливия
К90 Крестовые походы / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. —
М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 221 с. — (По-
пулярная история).

ISBN 5-227-01854-5

Увлекательное повествование о наиболее ярких эпизодах движения, возник-
шего тысячу лет назад и длившегося четыреста лет. Как оно изменяло границы
мира и его обычаи. Как повлияло на развитие трех цивилизаций — восточно-хри-
стианской, западно-христианской и мусульманской.

УДК 820
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-227-01854-5

© Перевод, ЗАО «Издательство «Центрполи-
граф», 2002
© Художественное оформление серии, ЗАО
«Издательство «Центрполиграф», 2002

Крестовые ПОХОДЫ

ВВЕДЕНИЕ

Невозможно в нескольких коротких рассказах представить полную картину движения, действовавшего почти четыреста лет и затронувшего три цивилизации — средневековую христианскую, греко-христианскую и мусульманскую. Каждому писателю-беллетристу, выбравшему тему крестовых походов, приходится выбирать и дальше.

О чем же, в таком случае, стоит рассказать? Ответ напрашивается сам собой — остановиться на успехах крестовых походов. Но историки тут же поспешат убедить нас, что таковые отсутствуют. Созданное на Востоке государство оказалось недолговечным и не оставило после себя существенного следа. Контакты между Востоком и Западом, завязавшиеся в результате возникновения этого государства и даже военных столкновений, были менее плодотворны, чем соприкосновение двух культур на Сицилии или в Испании, где они веками сосуществовали рядом. И торговля процветала не благодаря крестовым походам, а скорее вопреки им.

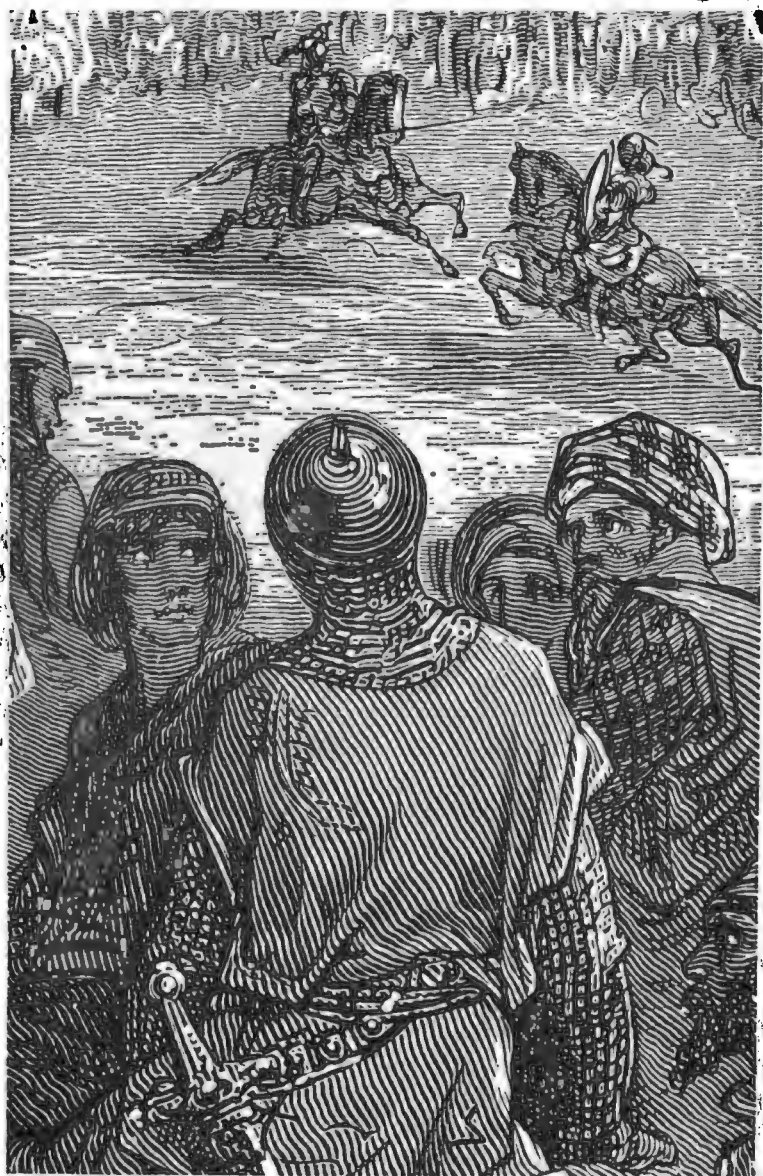
Крах Византийской империи и общее разочарование папством и церковью историки, по-видимому, считают серьезными отрицательными результатами. Но при

внимательном изучении их связь с крестовыми походами оказывается сомнительной. В начале того периода Византийскую империю донимали и мусульмане с Востока, и христиане с Запада, и трудно себе представить, что она могла бы просуществовать долго, даже если бы крестовых походов вовсе не было. Разграбление Константинополя во время четвертого крестового похода нельзя не считать великой трагедией, но нельзя возлагать на крестоносцев всю вину за уже происшедшие разрушения. Точно так же справедливо, что папы находили удобным подчинить армию церкви. Очень скоро им захотелось использовать ее против германских императоров и других правителей, тем более что в то время не существовало ясных различий между политическими и религиозными притязаниями. Эти действия навлекли на папство и крестовые походы дурную славу. Более того, папы сочли возможным за плату освободить крестоносцев от их обетов и создать более эффективное наемное войско. Ведь далеко не всякий паломник был воином. Тем не менее условия, извратившие идеальный план папы Урбана, возникли бы и без крестовых походов. Светская и церковная власти непременно пришли бы к конфликту, который заставил бы церковь действовать ничуть не лучшими методами, чем те, что использовали ее противники.

Не следует ли нам, в таком случае, оценить крестовые походы как ошибочное движение, которому за весь период его существования не удалось оставить заметный след (разве что ислам после крестовых походов стал более воинственной и менее терпимой верой, чем был прежде). Однако такое решение кажется несправедливым по отношению к громадным усилиям, которые несколько столетий прикладывал Запад, и особенно Франция.

Что нам действительно следует сделать — это не думать о том, что могло бы случиться, а внимательнее приглядеться к тому, что действительно произошло. За время крестовых походов Запад тесно вошел в контакт с Востоком, разрушил Константинополь, разочаровался в папской власти, его доверие к церкви пошатнулось. Эти события произошли за время крестовых походов, хотя могли случиться в иное время и иным путем. В крестовых походах люди щедро расточали свою веру и энергию, проявляли жадность и глупость. Крестовые походы вошли в историю не потому, что достигли своей цели или непреднамеренно привели совсем к другим результатам, а потому, что с их помощью средневековый мир решал свои проблемы.

Это позволяет нам взглянуть на крестовые походы с точки зрения реалиста. Что с их помощью намеревались сделать люди и как изменялись эти намерения по прошествии веков? Сколько веры и отваги и в то же время эгоизма было в них вложено? Совершенно недостаточно просто оглянуться на крестовые походы из нашего времени и тут же забыть о них, заявив, что их причины были несостоящими, а последствия оказались отрицательными. История — это рассказ о событиях, а не о том, что мы о них думаем. Крестовые походы олицетворяли дух Средних веков, они становились другими с изменением этого духа и прекратились вместе с его угасанием. Таким образом, они составили часть узора, который без них выглядел бы совершенно иначе. После них история изменилась, поскольку в Средние века общественная ситуация развивалась через крестовые походы, а не какой-либо другой идеал.

ИМПЕРАТОР

1094 год

В Константинополе дул ветер, порывами нагоняя с запада облака, которые неслись, словно отряды вторгшейся армии. Ветер кружил вокруг башен на широченных тройных стенах города, перелетал через них, мчался вдоль гребня, со свистом проносился через сводчатые галереи сказочных торговых рядов, принуждая горожан натягивать на уши отороченные мехом шляпы. Императору римлян, ехавшему верхом по улицам города в составе процессии, направлявшейся в церковь Богоматери, приходилось сносить удары ветра как простому смертному. Ветер рвал его одежды из шелковой парчи и даже пытался сбросить тяжеленный головной убор, украшенный драгоценными камнями и жемчужинами размером с голубиное яйцо. Алексей Комнин стойко, как положено солдату, выдерживал эту атаку, лишь моргая, когда от холода накатывала слеза. Трусивший на белом осле патриарх, епископ Божий, придерживал свое облачение, стараясь не дать ветру поднять его выше колен.

В церкви Алексея приняли монахи, служившие Богоматери. В это время ветер, сбросив с крыш несколько

черепиц и окунув в сточные канавы несколько шляп, с ревом устремился через проливы в Малую Азию. Он скрылся на широкой дороге, давным-давно проложенной персидскими царями, а затем тысячу лет принадлежавшей римским императорам. Теперь эта дорога была потеряна для Римской империи, а с ней и земли, к которым она вела: прославленная святым Павлом Малая Азия; родина Христа; святой Гроб Господень; другие, еще более далекие, когда-то христианские земли. Эти края стали мусульманской территорией, и уже над ней ветер двигал свои облачные войска, оставив в зловещей тишине Константинополь, в прошлом столицу половины мира.

Лишь к полудню вернувшийся из церкви Алексей дал аудиенцию в восьмиугольном тронном зале, где пол был выполнен из порфира и ценного мрамора, украшен яркой мозаикой и сверкал под огнями огромных золоченых люстр. Пламя бесчисленных свечей сияло на позолоченных стенах и мерцало на золотых львах и грифонах, охранявших стоявший в арочной нише трон. Алексей сидел совершенно неподвижно, сложив руки на коленях, настолько закутанный в шелковую парчу, сверкающую золотыми нитями, настолько усыпанный драгоценными камнями, что мог бы показаться частью трона, если бы не темные глаза, выступающий клюв носа и короткая черная борода.

Камергеры ввели варваров, приблизительно человек двадцать, довольно молодых, но видавших виды, с нестриженными, ниспадающими на плечи волосами и светлыми усами. В соответствии с полученными инструкциями, подойдя к красному кругу, они опустили на колени и склонили головы. И словно по сигналу золотые львы подняли хвосты и зарычали, а грифоны зашвистели и захлопали крыльями.

В полном смятении варвары вскочили на ноги. Их молодой вождь, носивший золотую повязку, потянулся к поясу за оружием, но его там не было. Однако, увидев, что звери не двигаются с места, он бросил взгляд на воина-варвара с топором, стоявшего рядом с треном, будто ожидая подсказки.

Глаза стражника поймали взгляд молодого человека и скользнули в сторону, остановившись на втором, зеленом, круге на полу, на котором должно было происходить второе действие отдания почестей. Успокоившись, молодой человек сделал несколько шагов вперед и снова преклонил колени. Спустя мгновение за ним последовали остальные. Сразу наступила тишина, и золоченные чудовища замерли в первоначальных позах. Варвары поклонились еще раз, и в тот же миг на золоченом дереве справа от трона задвигались и защебетали птицы.

Молодой человек поднялся на ноги и посмотрел на дерево. Чего только не слышал он о самом могущественном городе земли, но оказался не готов узнать, что секреты рая здесь известны и неодушевленные твари двигаются и издают звуки. В третьем, золотом, круге его колени сами собой подогнулись, и он склонил голову до самого пола.

Птицы замолчали, но раздалось гроыхание. Молодой вождь опасливо поднял глаза, и рот его раскрылся, придав лицу довольно глупое выражение. Напротив находились семь ступеней, ведущих к трону. Рядом с ними стоял стражник с топором на плече. По обе стороны располагались придворные сановники в блестящих одеждах. А золотой трон и император исчезли.

Стражник с топором бросил взгляд вверх, и молодой человек обнаружил императора под потолком, вероятно парившего в воздухе. Алексей сидел там неподвижно,

как и прежде, устремив глаза на Богоматерь, изображенную на противоположной стене.

Молодой человек был поражен. Он добросовестно вызубрил все, что требовалось сказать, но ему пришлось сильно запрокинуть голову, и от этого говорить с человеком, находившимся так высоко над ним, было неудобно. Молчание затянулось, но никто не двигался. Ждали придворные, совершенно неподвижно сидели золоченые звери и птицы. В конце концов, молодой вождь сглотнул и откашлялся.

— Я, Свейн, сын Эдгара, сына Моркара, бывшего до прихода Завоевателя графом Нортумберлендским, пришел сюда с этими моими телохранителями, чтобы поступить на службу в вашу варяжскую стражу.

Он говорил по-саксонски, а один из камергеров позади него переводил его слова на греческий. Не удостоив его взглядом, император лишь слегка кивнул. Белый шелковый занавес опустился перед нишей, полностью скрыв ее от глаз. Свейн и его сопровождающие, неуклюже пятясь и низко кланяясь, вышли из зала приемов.

С таким достоинством император всегда держался на аудиенциях. В своих личных покоях, не менее богатых, он не производил того же впечатления. Алексей Комнин был невысок, коротконог и широкоплеч. Лицо его теперь, когда ему было позволено иметь какое-либо выражение, выглядело усталым. Под глазами набухли мешки, лоб прорезали морщины, однако седина еще не тронула ни волос, ни бороды. Он уселся на стуле со спинкой, а ближайшие советники — его брат Исаак, патриарх и главный дворецкий — сели на скамьях.

На Алексее было яркое платье, почти такое же великолепное, как то, что он надевал для приема. Однако одежда придворных, красиво блестящая в свете золоченых люстр, теперь оказалась довольно грязной на

подоле и вытертой на локтях. Эта церемониальная одежда хранилась во дворце и выдавалась придворному лишь на время официального визита. Главный дворецкий продолжал носить платье своего отца, которое было ему мало. Исаак Комнин немного усох с возрастом, и его платье казалось мешковатым.

— И это величайший город мира, — жаловался Алексей, — город с миллионным населением. А мне, императору римлян, приходится принимать внука мелкого саксонского вождя, и зачем? Чтобы он привел двадцать человек служить в мою стражу.

Это замечание никому не адресовалось, поэтому лишь Исаак, самый привилегированный из присутствующих, осмелился ответить.

— Прошло почти тридцать лет, — сказал он, предварив свое заявление официальным поклоном в сторону брата, — с тех пор, как Вильгельм Норманн завоевал Англию. В нашей страже служит много саксов, но они постарели. Эти молодые люди, рожденные в изгнании, будут последними рекрутами из Саксонской Англии. Несколько лет ни один скандинав не поступил к нам на службу. За золото их больше не купишь.

— Я натравил наших врагов друг на друга, — со вздохом произнес Алексей, — и выиграл для нас хоть какую-то передышку. Мы должны защищаться, или нас завоюют. С севера на нас давят племена варваров. На западе — болгары. Норманны захватили у нас Италию и вторглись в Грецию. Тем временем в Малой Азии, у самых наших ворот, стоят турки. Я должен получить людей!

Он посмотрел на патриарха, и тот какое-то время тербил бороду, удивляясь, что с ним консультируются по военному вопросу. Тем не менее, поклонившись императору, он ответил, как подобало его положению:

— Наш город принадлежит Божьей Матери, чья милость нас охраняет. С нами Истинный Крест и неисчислимые святые мощи. Разумеется, Господь будет сражаться на нашей стороне!

— Даже армия Господа, — сказал Исаак, дождавшись взгляда брата, разрешающего говорить, — сражается человеческими руками. Милость Божьей Матери не смягчит неверные сердца. — Он помолчал и хмуро добавил: — Мы потеряли возможность набирать людей в Малой Азии.

Это было так очевидно для главного дворецкого, знавшего толк в военных делах, что он тяжело вздохнул. Однако Алексей, главный военачальник, не согласился.

— Матерь Божья и Истинный Крест найдут нам людей, а святые придадут им силу. Я думаю попросить добровольцев у папы римского.

— Он не истинный епископ Рима, — быстро произнес патриарх, — а еретик и раскольник.

Алексей пожал плечами:

— С этим разрывом можно покончить. О чем идет речь, кроме латыни, языка неуклюжего до такой степени, что римский епископ запинается при определении таинств Господа? Я уверен, что этот Урбан, выгнанный из Рима враждующими партиями и даже не признанный папой на той территории, которую германцы называют Римской империей, будет очень рад отделаться от части энергичной знати. Он уже посылает их сражаться с неверными в Испанию, называя это священной войной.

— Не существует никаких священных войн! — вскричал возмущенный патриарх.

— В самом деле не существует. Но в глазах Божьих не лучше ли защищать христианство от языческого во-

инства, чем убивать соседей-христиан? Вражда этих варварских народов никогда не кончится, их мужчины появляются на свет, чтобы воевать. Кроме того, папе Урбану, наверное, важно примириться с истинной церковью.

Патриарх, более искусный по части споров, взглядом выражал сомнение, но Алексей и не думал позволить ему возразить.

— Я направляю мое посольство, — сказал он. — Так как речь идет об очень деликатном обсуждении, то я сам его проинструктирую.

Исаак вздохнул. Посольства Алексея славились ловкостью, с которой они достигали своей цели, но, когда опасность торопила, посланцы двигались слишком медленно.

— Какие силы сможем мы собрать для весенней кампании? — спросил он.

ПАПА

1095 год

Адемар, епископ из Пюи, попал в число счастливи-ков, получивших комнаты в Клермонском монастыре, который, хотя и имел огромные площади, не смог вме-стить двести пятьдесят старших священнослужителей Франции и всех их сопровождающих. Многих аббатов поселили в домах богатых купцов и даже просто скром-ных торговцев. Город был настолько переполнен, что младшие служки радовались, если им вообще удавалось получить постель, а представителям знати, прискакав-шим из отдаленных замков поглазеть на папу Урбана, пришлось ночевать в палатках, несмотря на ноябрьские холода.

Урбан намеренно поместил Адемара поближе к себе, поскольку вынашивал грандиозный план и нуждался в помощнике. Трудно было найти человека надежнее Аде-мара, тактичнее его, более способного к восприятию воз-вышенных проектов, более мудрого и осторожного. Эти двое были старинными друзьями, к тому же теперь их связывала общая тайна, поэтому не прошло ни одного дня великого собора, чтобы между ними не состоялась приватная беседа.

Если правда вообще стала известна, то эти разговоры мало что решали, поскольку Урбан все обдумывал до встреч с Адемаром. На самом деле задача епископа, видимо, заключалась в том, чтобы просто подбадривать своего друга, на котором тяжелым бременем лежала обязанность принимать решения.

— Кто бы мог вообразить, — сказал Адемар в последний вечер, — лишь несколько лет назад, что эти французские епископы осмелятся объединиться с вами и отлучат от церкви собственного короля!

— Он безбожник, — заявил Урбан, с недобрым чувством вспоминая историю своей ссоры с королем Филиппом. — Его прелюбодеяние — чудовищно.

Он подвигал ногами в камышинках, покрывавших холодный каменный пол, и с горечью подумал о том времени, когда он был монахом и презирал мирские удобства. Теперь он стал чувствовать холод, и перед отходом ко сну ему нужно выпивать чашу подогретого вина. Он сделал глоток, разрываясь между удовольствием и негодованием.

Адемар отставил в сторону свою чашу и нагнулся вперед понюхать неровно горящую свечу. Это был круглолицый человек с мягкими манерами, медленной речью и невзрачной внешностью. Возможно, чтобы возместить этот последний недостаток, он вел себя по-светски, довольствуясь ролью важного сеньора, а не духовного лица. Взглянув на эту пару, никто бы не подумал, что из них двоих именно Адемар в духе романтической преданности бросил все и совершил паломничество в Иерусалим, из которого ему посчастливилось вернуться живым. Тем временем папа Урбан, последователь святого Бруно и сам обладавший красотой святого, боролся с неотесанными королями, политическими методами отстаивая интересы Божьего дела и могущество его церкви.

Они улыбнулись друг другу, чувствуя взаимное расположение. Каждый из них находил в другом качества, которыми ему хотелось бы обладать.

— Бог по-прежнему действует в этом мире, — мягко произнес Адемар. — Завтра мы увидим тому подтверждение!

Усталым движением папа откинул великолепную голову на спинку стула.

— Все христиане грешат, — твердо вымолвил он, — никого нельзя считать праведником. Они бы служили хорошо, если б Господь укрепил их дух.

Страх толпы внушил ему это замечание, интуитивно почувствовал Адемар. Папа так долго лелеял свой великий план, так тщательно его готовил, так осмоторительно прощупывал вождей и драматично объявлял большую речь, что воображение уже рисовало ему полный провал. Адемар остался спокоен, он удержался и не стал предлагать поддержку святой Марии из Пюи и других святых.

— Как хорошо, — прозаично заметил он, — что у вас такой громкий голос и вы родились во Франции. Я могу говорить так, чтобы меня поняли в соборе, но пасую перед громадной толпой на открытом воздухе. Вся страна собралась здесь: бароны, разносчики, нищие в отрепьях, бедные крестьяне, которые до этого дня никогда не удалялись от дома даже на пять миль. Из-за объявленного церковью перемирия пришли помолиться даже известные разбойники, до которых дошел слух, что папа даст им отпущение грехов.

— Так и будет, — энергично подтвердил Урбан. — У Господа найдется работа для всех, кто готов свернуть с греховного пути. Но скажи мне, Адемар, присоединятся ли могущественные сеньоры? До крестьян мне дела нет!

— Вы же получили слово Раймонда, графа Тулузского. Куда бы он ни повел, за ним последуют многие.

Урбан, соглашаясь, кивнул:

— Слава Богу и всем его святым. Завтра я раскрою народу наш великий замысел.

— Так хочет Бог! — воскликнул Адемар, и его черные глаза сверкнули на непримечательном лице.

Папа поймал его взгляд и кивнул:

— Истинно говоришь, так хочет Бог.

ПРОПОВЕДНИК

1095 год

У Маленького Петра бывали видения. Богоматерь, например, являлась ему точно в таком виде, как ее изобразили на картине Судного дня, висевшей в церкви его детства, где он прислуживал на мессе грязному и старому священнику и вообще был ему слугой. Она явилась Петру там во сне и сказала: «Вставай, Петр, и ступай за мной». Он тотчас встал и вышел из лачуги священника, где спал среди свиней. После побоев у него болело все тело, но он последовал за Марией. Божья Матерь вела его окольными путями, защищала, поэтому его не схватили и не вернули обратно как бежавшего раба. В конце концов, он сам поставил себе хижину у Сен-Гобена, недалеко от Суассона, и стал жить отшельником, выходя просить хлеб на большую дорогу. Здесь Мария снова говорила с ним, и не однажды, а очень часто. Как правило, ее голос звучал нарушая течение его собственной мысли и сообщая, например, что портрет в церкви Сен-Гобена совершенно на нее не похож.

Часто его видели в соседних деревнях, потому что, хотя он знал «Отче наш», «Аве, Мария» и отрывки из

мессы на латыни, его тяга к Богу требовала постоянного действия. Поскольку он никогда не мылся и довольствовался грубой одеждой и слишком большим для него старым плащом, а ноги зимой обвязывал тряпками, то местные крестьяне считали его своим, только более благочестивым, чем они. Петр никому не отказывал в совете, основываясь иногда на собственной проницательности, но иногда на велениях Богоматери, звучавших в его голове с обычной внезапностью.

Таким же способом Мать Божья велела ему призвать проклятие на голову одного негодяя, ограбившего и убившего на большой дороге старого разносчика. Под ее воздействием Петр настолько красноречиво описывал муки ада, виденные им на картинах в церкви, что с двумя женщинами тут же случилась истерика, а еще несколько человек покаялись в грехах, о которых до того момента никто и не слыхивал. Правда, убийца не сознался, но вскоре сама Дева Мария его наказала. Менее чем через три месяца через деревню пронеслась чума и забрала с собой несколько человек. Среди них оказался убийца, в бреду признавший свою вину и умерший, не приходя в сознание.

Этот случай принес Петру великую славу, он начал проповедовать на рынках и у ворот городов, расположенных в радиусе двадцати миль. Дар красноречия, которым наградила его Богоматерь, не пропал, а видения расширили первоначальные границы. На его пути встречалось много церквей, все они были ярко расписаны. Его внутренний глаз выбирал святого или демона и сообщал Петру, что это изображение совершенно достоверно. Таким образом, мир Петра наполнился золотом и славой, огнем, серой и адскими чудовищами.

Вскоре о Петре распространилось множество легенд. Он совершил немало чудес, и его импульсив-

ность порождала все новые и новые слухи. Рассказывали, например, как он, проповедуя у ворот Суассона, увидел выезжавшего через ворота бедняка на осле. Прервав свои речи, Петр подошел к нему, взял поводья и помог владельцу спуститься на землю. Затем он сам забрался на спину ослу, поблагодарил Богоматерь за подарок и, благословив хозяина, озадаченно глазевшего на него, уехал восвояси.

После этого территория странствий Петра еще больше расширилась, а его осел стал почти так же знаменит, как и он сам. В самом деле, Петру вскоре пришлось собрать группу учеников, которым в обязанности вменялась, в числе прочих, защита несчастного животного, поскольку широко распространилось верование, что волос из его хвоста не только спасает от болезней плоти, но, вероятно, хотя в этом убежденности было меньше, дает право на вход в царствие небесное.

Папа Урбан посмотрел на окружавший его мир и обнаружил, что он скверен. Маленький Петр сделал то же самое открытие. Не имело значения, скольких человек он побудил к покаянию, все равно дьявол оставался могущественным, как никогда раньше. Повсюду царил грех, грубый, грязный, жестокий, и мир был полон отвратительных вещей. Как всегда, внезапно Богоматерь запретила ему проповедовать об аде и приказала направлять взгляды людей на золотые башни рая. Когда Петр ей подчинился, прежняя его аудитория разошлась. Чтобы делать добро, люди должны были бояться, потому что представляли себе ад, но не представляли рая.

И снова Петр стал бродить в одиночестве, сомневаясь в своем пути. Он находился в самом центре Франции, когда аббаты и епископы начали съезжаться на большой Клермонский собор. Их процессии обгоняли

Петра на дороге, и слуги говорили ему, что сам папа собирается огласить свой ответ мировому злу. Притягиваемый этим магнитом, Петр последовал за ними.

В толпе любопытствующих, стекавшейся к Клермону, запах немытого тела Маленького Петра и вытянутое лицо, напоминавшее его осла, не производили впечатления. Здесь встречались святые люди любого сорта: знахари, прорицатели, проповедники, и многие из них собирали вокруг себя группы последователей. Маленький Петр прибыл без шума и, расположившись вместе с ослом на клочке общинной земли, наблюдал за сооружением в чистом поле помоста для папы Урбана. Он смотрел, как сопровождавшая папу процессия князей церкви, не менее красочная, чем любая картина в церкви, змейкой выползала из восточных ворот.

Урбан Второй походил на святого Петра, чьи изображения его маленький тезка видел во многих церквях. Голос папы доносился до самого дальнего уголка поля, словно звук трубы. Есть такой город, город римлян, выкрикнул папа, который мог бы сравниться с самим Иерусалимом. Он окружен тройной золотой стеной, а за ней — святые мощи, Истинный Крест и неслучные церкви. Неверные стоят у его ворот. Петр уже это знал, поскольку паломники время от времени отправлялись в страну, где распяли Спасителя и где его родила Дева Мария. Некоторые из них возвращались, вырвавшись из когтей смерти, и приносили истории. Никогда до речи папы Урбана эти рассказы и видения Петра не сливались в единое целое.

Они должны отправиться в Иерусалим, сказал папа Урбан, чтобы отвоевать, вернуть себе эту страну, где язычники теперь убивают христиан, жгут церкви и оскверняют святые реликвии самого Бога. Да станут разбойники воинами Христа. Да станут наемники, сра-

жавшиеся за золото, биться во спасение. Да станут все, кто нападал на своих братьев-христиан, разить врагов Божьих.

— Приведите в порядок ваши дела! — кричал папа Урбан. — Не откладывая, принимайте обёт и отправляйтесь по домам собирать все необходимое. Как воинам Христа вам будут отпущены грехи, а те, кто погибнут в сражении, отправятся прямо в рай. Те, кто останутся в живых, получают не только небесное, но и земное вознаграждение, ибо возьмут в землях неверных богатую добычу. Тем временем я беру под свою защиту ваш домашний скарб, и никто не сможет причинить вам вред в ваше отсутствие.

— Так хочет Бог! — вскричал Адемар де Пюи, и все стоявшие рядом подхватили его крик, и он откликнулся в каждом уголке обширного поля.

— Так хочет Бог! — кричал Маленький Петр, чьи глаза застилало туманное видение башен Иерусалима — ослепительно золотых, будто солнце на небе, райских башен.

На помосте Адемар преклонил колени перед папой, испрашивая разрешения отправиться в путь. Папа с радостью дал разрешение и провозгласил Адемара вождем войска. Затем он преподнес ему сделанный из белого шелка крест — прикрепить на мантию.

Другие стали проталкиваться вперед к помосту: впереди — знать, за нею следовала обслуга, а после — простой люд. Не всем удалось подняться по лестнице, но папские слуги вынесли корзины с крестами, служившими знаками, что их носители дали обет сражаться в армии Божьей. Так велико было давление добровольцев, что кресты быстро закончились. Люди резали материю, обтягивающую помост, навес над ним и плащи людей, отдавших их для этой цели. Кресты

эти были всех цветов, шелковые и бархатные, из тонкого полотна и грубые, домотканые. Петр получил крест из горностая, вырванный из подкладки плаща богатого вельможи. Он держал крест в руке, поскольку у него не было заколки, но вскоре одна женщина крепко его пришила, чем утвердила его вступление в Божью армию. И Петр, отмеченный знаком Бога, пошел направлять взгляды людей к золотым башням рая, как велела Дева Мария.

МЕЧТАТЕЛИ

1096—1097 годы

В апреле участок был вспахан. Эта работа приносила крестьянам мало пользы, потому что хозяин был скуп и никогда не кормил обедом, скорее он мог отпустить их домой в полдень. В прошлом году перед сбором урожая был голод, а в этом они уже теперь испытывали нужду. Женщины выходили искать листья одуванчиков и выкапывали дикий чеснок. Кривой Жан повез на рынок поросят, решив продать их по любой цене. Лучше было не думать, что станется с семьей, когда придет Михайлов день.

Алиса ждала его на закате, но городок находился не близко, за землями замка и монастырем. Огонь она разводила лишь по воскресеньям и поэтому дала сыновьям только хлеба, а Бертю покормила грудью. Они легли на солому, но без Жана Алиса мерзла. Она знала, на что он способен, когда рядом есть пивная, а в кошельке — пара монет. Ее мучила мысль, не стоило ли послать с ним Робера или пойти самой и оставить Бертю с мальчиками.

Возвращаясь рано утром из города, Жан увидел Алису и старшего сына Робера, собиравших хворост.

— Брось это, Алиса, — сказал он ей. — Нам больше не нужно разводить огонь. Мы отправляемся в Иерусалим. Я вернулся за вами.

— Ты пьян, — угрюмо отозвалась Алиса, почувствовав беду.

Жан не обратил внимания на ее слова. Его светло-голубые глаза неотрывно глядели на далекое солнце, поднимавшееся над горизонтом во всем своем величии.

— Иерусалим, — произнес он, — место, где Господь Бог восседает на троне рядом с Девой Марией и все сияет золотом. Молочные реки текут там по улицам, Алиса, а хлеб растет, как фрукты. Никогда никакого голода.

— Ты с ума сошел! — вскричала ошеломленная Алиса.

— Я встретил человека, — медлительно, как обычно, сообщил Жан, — святого человека в длинном плаще, верхом на осле. Он берет нас с собой в Иерусалим, и, когда мы туда попадем, все будем ходить в золотых коронах и жить как князья. Ты получишь платье из розового шелка, Алиса, как у жены нашего сеньора.

Алиса заметно заколебалась. Ничего, что показалось бы ей слишком неправдоподобным, она не услышала. Это известно всем — Бог живет в раю с Иисусом, Марией, Михаилом и ангелами. Раньше она не знала, что туда можно попасть — дойти, доехать, — но, наверное, близился конец света. Опустив глаза, она посмотрела на свое платье из грубой домотканой материи, обтрепанное в подоле, залатанное на коленях, в котором она и работала, и спала. Медленно, неумело, будто никогда не делала этого раньше, Алиса улыбнулась.

— Синее, — сказала она. — Синее, как у святых в церкви.

Жан кивнул.

— Значит, синее, — согласился он. — Сам я надену зеленое платье, отороченное мехом.

Если бы послушаться Жана, то им следовало зайти домой, взять Берту с Бартольфом и немедленно отправляться в путь. Но Берта еще не умела долго ходить, и нужно было захватить с собой муки и горшок для готовки. Алиса считала, что дорога может занять несколько дней.

— Нам необходима повозка, — решительно сказала она.

Погруженный в свои мысли, Жан не сразу понял, что ей нужно, но потряс головой и заставил себя очнуться. Разве что продать старую свиноматку? Те гроши, которые удалось выручить за поросят, он отдал нищему, не думая, что они им понадобятся. Когда Алиса спросила, чем они будут питаться в путешествии, он озадаченно почесал лохматую голову и ответил, что это не важно. Если они умрут, то еще скорее попадут в Иерусалим. Затем он подумал еще немного.

— Но лучше бы увидеть Иерусалим живыми глазами, — заключил он.

В конце концов, все они отправились на рынок: Алиса с Бертой на руках, Жан с мукой и горшком для готовки и мальчики, прутьями подгонявшие свинью по дороге. Алиса с Жаном надели сыромятную обувь, а дети пошли босиком. Дома у них не осталось никакой утвари, кроме кормушки для свиней, лопаты, грабель, резака и веревки для связывания хвороста. Всю одежду они носили на себе. Стояла весна, и ночи становились все теплее.

Они собирались продать свиноматку, здоровое животное, которое хорошо поросилось. На рынке они оказались в толпе крестьян, съехавшихся со всей округи

и тоже что-то продававших. Всем были нужны повозки, и никто не хотел свинью, хотя бы и очень хорошую. Что касается осла или вола, то их здесь вообще не было ни одного.

Жан колебался, всматривался в далекий горизонт и, вздыхая, опускал глаза. Рядом с ними появился разносчик с повозкой, шатким сооружением на двух колесах, достаточно большим для мешка с мукой, горшка для готовки и малышки Берты, если, конечно, расположить их теснее друг к другу. Был и пес, чтобы тащить повозку, огромное пятнистое существо, напоминавшее мастифа. Жан рассеянным взглядом окинул экипаж, и внезапно у него перехватило дыхание. У пса была черная морда и довольно темное туловище, но спереди, на груди под ошейником, он был помечен белым крестом.

— Мою свинью за твою собаку и повозку, — доверительно предложил он разносчику, не сомневаясь, что Господь придержал это животное именно для него.

Разносчик поторопился согласиться. Собаку он украл, и совсем недавно видел в городке ее хозяина. Жан погрузил на повозку муку, горшок, ребенка и повел пса к Иерусалиму. Солнце перевалило за полдень.

Пару часов спустя колесо ударилось о камень и отлетело. Инструмент, необходимый для ремонта, у Жана отсутствовал, да и кузницы поблизости не было видно.

Они сели у дороги и стали ждать, пока Господь им поможет; дети расспрашивали об Иерусалиме, интересовались, как долго еще туда идти. Через какое-то время из-за поворота появилась повозка, запряженная волами, с намалеванным на борту красным крестом и чернобородым крестьянином, управлявшим экипажем.

Подъехав ближе, он остановился и окликнул их. Назвавшись Вальтером, он сказал, что едет в Иерусалим.

В повозке находилась его жена, и ей была нужна женская помощь.

Алиса забралась в повозку и стала на колени. Затем с сердитым видом она подняла голову.

— Как это похоже на мужчин! — презрительно выкрикнула она. — Зачем поехал? Не мог подождать несколько дней? Ладно, согрей-ка воды в горшке. Жан, разведи огонь.

Когда солнце село, на свете стало еще одним паломником больше — родилась маленькая девочка. Она сильно раскричалась, пока Алиса укладывала ее в повозке рядом с матерью. Наутро все они вместе продолжили путь; женщины ехали с детьми в повозке, а Жан шел впереди, ведя пса на веревке.

Маленький Петр двигался к Кёльну, с ним шла целая армия паломников, опустошавшая местность не хуже саранчи. Правда, у него появились богатые сторонники, поэтому ехал он в повозке, имел серебряные деньги и мог покупать продовольствие. Но какую бы цену ни приходилось платить, немного оставалось на долю тех, кто проходил там после, спеша догнать Петра. Стараниями пестрой толпы, следовавшей за Жаном, мука в его мешке скоро закончилась. Наступило время знамений и чудес. В небе возникали огромные облачные дворцы. Падали кометы. По ночам из леса доносился визг демонов, сожалеющих о потерянных для них душах грешников, защищенных силой креста. Набожные юродивые демонстрировали кресты, оставленные на их коже небесными ангелами. В каждой деревне, куда они заходили, знак на шкуре собаки вызывал удивление. Сила Божья лежала на этом псе, и люди замечали, что он шел на шаг впереди Жана, будто вел его за собой.

Жан шагал как во сне, устремив светлые глаза вперед, на золотые башни. За ним, ведя волов в поводу,

шел Вальтер. Алиса ехала в повозке с Бертой, Маргаритой и малюткой. Мальчики делали что хотели, обычно они держались поближе к ослу, на котором ехал плут и жулик по имени Ламберт. Он бы набожным человеком — умел насвистеть веселый мотив, но петь отказывался, поскольку дал зарок не петь больше песен с такими дурными словами.

Они двигались тем путем, какой указывал Ламберт, успевший уже немало побродить по свету. Он умело направлял их по большому кругу в стороне от дороги, по которой прошла армия Петра. Когда они подходили к деревне, он посылал мальчиков просить милостыню от имени пса с чудесной отметиной. Окрестив их группу Отрядом Пса, Ламберт начал про запас собирать дань в натуральной форме с тех, кто желал совершить путешествие под святым покровительством. Отряд вырос с двадцати человек до ста, затем прибавилось еще сто, появились вьючные животные, стадо овец, несколько гусей, палатка для Ламберта, еще одна для Жана и пса, кошелек с деньгами. Если Жан и замечал, как растет его процессия, то не придавал этому значения. Он редко говорил с кем-либо, кроме Алисы.

— Долог путь в Иерусалим, — заметил он однажды, — но это забудется, как только мы туда попадем.

— У Маргариты молоко кончается, — сказала Алиса. Жан даже не ответил. Он уже захрапел.

Отлучив от груди маленькую БERTУ, Алиса начала кормить младенца, а Маргарита целый день пролежала в повозке, и каждое движение давалось ей с трудом.

— Никогда я не буду в Иерусалиме, — прошептала она как-то вечером.

На следующее утро ее нашли мертвой. Вальтер зарыдал над телом, а Жан сказал, что она уже попала в Иерусалим и они встретятся с ней там. Алиса поинте-

ресовалась, как они смогут ее узнать, если земное тело будет лежать в земле, в месте, название которого им было неизвестно.

— Она нас узнает, — уверенно ответил Жан.

В ближайшей деревне Маргариту похоронили по-христиански, там же священник окрестил малышку, дав ей имя Мария. После полудня отряд продолжил свой путь, а на следующий день Вальтер пришел в себя и, как обычно, посвистывал волам.

Маленький Петр расположился лагерем у Кёльна, людей там собралось больше, чем, по предположению Жана, их насчитывалось во всем мире. Там были голоногие шотландцы из-за моря, нормандские пираты, немцы, бретонцы, люди дикого вида, не говорившие ни на одном из известных языков. Целые деревни бросали дома и шли за Петром, некоторые делились своими запасами, другие держались обособленно, некоторые укрывались от дождя в палатках, другие жались под навесами из дерна или соломы, третьи спали под телегами. Шум, издаваемый детьми, животными и женщинами, разносился далеко по всей округе, и повсюду валялись отбросы.

Среди этой толпы двигался Маленький Петр, оборванный и грязный, как всегда. Меховой крест у него на одежде наполовину облез, и Петр подмалевал его раствором, применявшимся против блох, после чего крест приобрел красноватый оттенок. Когда он приближался к группе людей, все бросались на колени и просили у него благословения, как у святого. Стремясь приблизиться к нему, они так боролись между собой, что стражники, окружавшие ехавшего на осле Петра, рисковали оказаться затоптанными. Слезы струились по заросшим щекам, дрожащие руки тянулись к Петру.

— Молись за меня, Маленький Петр! Благослови меня! Вспомни обо мне на небесах!

Тогда Петр вскидывал руку вверх, и падала тишина. Он рассказывал им о святых, с которыми они должны встретиться, о прекрасной одежде, которую они будут носить, об исцелении скрюченных рук и ног, слабых глаз и отвратительных болезней. Он не скрывал, что предстоял долгий путь, на нем их подстерегали голод, дикие звери и злые люди. Пусть каждый мужчина вооружится, говорил он, возьмет нож, рогатину, шишковатую дубину. Бог их не оставит, приведет в Землю обетованную, хотя бы все дьяволы ада преграждали им путь. Петр поворачивался к восходящему солнцу, вслед за ним поворачивались остальные и смотрели в сторону горизонта, за которым лежал Иерусалим, златой град Божий.

Тем временем Петр выбрал людей, которым поручалось обойти весь лагерь и обязать каждую семью присоединиться к какой-либо группе. Хлеба хватало на всех, поскольку богатые жители Кёльна и расположенных вокруг городов во славу Божью выделили много зерна. И воды было довольно — отбросы, навоз и стирка одежды не загрязняли такую быструю реку, как Рейн.

В лагере встречалось много злых людей, но присутствие пса защищало весь отряд. Никто не осмеливался рассердить его, ибо с ним был Бог. Алиса не отходила далеко от своей палатки, кудахча над детьми, как курица над цыплятами, но Робера и Бартольфа очень испортили недели, проведенные в праздности, и она не могла за ними уследить. От Жана, постоянно погруженного в мечты, помощи ждать не приходилось.

— В этом мире люди такие злые, — говорил он, — но в раю все будет иначе.

— Ты должен посадить Бартольфа на привязь, — предложила Алиса. — Как только я поворачиваюсь к нему спиной, он исчезает, а это место не годится для прогулок семилетнего мальчика.

Она нашла подходящую веревку и взяла с Жана обещание задать сыну порку, но, когда наступила ночь, Бартольф к ним не вернулся.

В поисках сына Алиса намеревалась обойти весь лагерь, но Жан крепко взял ее за руку и не позволил уйти. Это было бы сумасбродством — женщине выйти из палатки ночью. Бог защитит Бартольфа и в конце концов приведет его в рай. Эта жизнь не имела никакого значения.

Всю ночь Алиса проплакала, и даже новая женщина Вальтера, сама потерявшая ребенка, не смогла ее утешить. Утром Жан отправился на поиски, с ним пошли Ламберт и другие мужчины из их отряда, но Бартольф как в воду канул.

— Бог о нем позаботится, — сказал Жан, но даже он выглядел расстроенным, а лицо Алисы покрылось морщинами, как у старухи.

Алиса привязала Берту веревкой к своему поясу и заставила Жана надеть на пса двойной поводок, чтобы в пути он мог держать один его конец, а Робер — другой. О Бартольфе она перестала говорить, но у нее появилась привычка пристально вглядываться в толпу, пытаясь его высмотреть. Однако с тех пор она его больше не видела.

Петр и его армия двинулись через Германию, когда все луга пожелтели от первоцвета, а в лесу появились колокольчики. Для людей, привыкших к тяжелому труду, поход стал настоящим праздником. Из-за детей и скота они не могли двигаться быстро, и на остановках Отряд Пса громко затягивал гимны, кото-

рым их научил Ламберт. Жители встречавшихся на пути городов, опасаясь грабежей, щедро одаривали их хлебом. Животные вытаптывали и объедали пшеницу, поэтому местные крестьяне осыпали их проклятиями, но Ламберт говорил, что они получают по заслугам за свою жадность. Не решились присоединиться к паломникам и теперь станут добычей дьявола. Раз так, путники не упускали случая стащить жирного гуся. Некоторые члены отряда превратились в самых настоящих воров, и еда у них стала вкуснее.

В дождь дела обстояли хуже. Не все могли где-то укрыться, и очень не хватало хвороста или кустарника, чтобы устроить ложе, поэтому многие спали на мокрой земле. В лагере началась дизентерия. Алиса кашляла, а маленькая Мария постоянно кричала. Жан считал ее обузой, ему казалось, с матерью в Иерусалиме ей было бы лучше, но Алиса после исчезновения Бартольфа привязалась к малышке, находя в ней утешение. Совсем скоро путь следования армии можно было определять по отставшим больным и телам умерших, брошенных без погребения. Но Петр продолжал идти вперед, а пес вел за ним Жана.

К тому времени, когда они добрались до Венгрии, их отряд перестал быть толпой. Грабежи не обходились без стычек, и они осознали, что необходимо вооружиться. Богобоязненные люди, встречавшиеся на пути, ради спасения своей души предлагали оружие и доспехи, тогда как многим не столь набожным приходилось совершать это благодеяние под принуждением. Иногда на добытом таким образом оружии оставалась кровь бывшего владельца. Ламберт нашел профессиональных наемников и уговорил их обучить отряд военному ремеслу. Даже у Жана появился меч, а свой нож он на всякий случай отдал Алисе.

В Венгрии города попадались реже, и поэтому не хватало хлеба, которого прежде они получали вдоволь из вместительных печей. Увидев, по каким богатым землям пролегал их путь, они перестали беречь свой скот. Даже волов Вальтера уже съели, и шкур хватило на новую обувь для всех. Алиса шла, привязав ребенка к спине, маленькая Берта ехала на ослике между корзинами.

В этих краях было принято собирать урожай в скирды и молотить зерно по мере надобности. Повсюду в полях стоял хлеб, всякий мог его взять, протереть колосья и приготовить что-то вроде каши. Но это была кропотливая, противная работа, и варево, получаемое в результате, не всякому приходилось по вкусу. Однажды Ламберт со своими людьми внезапно напал на деревню, захватил молотилку и обработал колосья на глазах у хозяев.

Все могло кончиться хорошо, поскольку проклятия местное население бормотало на варварском языке, а вооружением оно значительно уступало людям Ламберта. Однако оказалось, что в тех местах варили крепкое пиво. Поэтому день, начавшийся с посещения молотилки, закончился пьяной свалкой, во время которой паломники вытаскивали из домов деревенских девушек и разбивали головы деревенским мужьям, чтобы те сидели спокойно. Полетели камни, один попал Ламберту в бок и сбил с ног. Пилигримы достали из ножен мечи, крестьяне сбегали по домам за косами и серпами. В конце концов люди Ламберта отошли, забрав своего предводителя и оставив после себя трупы на улице и горящие дома.

С тех пор путь армии был отмечен столбами дыма. Маленький Петр ходил по всему лагерю и проповедовал сдержанность, но Ламберт заявил, что святые люди

должны предоставить возможность сражаться тем, кто знает в этом толк. Паломников убивали каждый день, по ночам приходилось выставлять сильную охрану, чтобы оказывать достойный отпор бандам разъяренных крестьян.

Если бы Жан слышал слова Ламберта, он бы с ними не согласился, но в тот момент он вместе с собакой отправился на поиски священника, так как в отряде не было ни одного. С малышкой Марией сделался припадок, и лицо ее посинело. Вскоре она вовсе перестала дышать. Похоронить ее на освященной земле не удалось, но священник помолился и сказал, что она безусловно оказалась вместе с матерью. Священник был хорошим человеком, он расспросил Жана об отряде, имевшем, по его словам, дурную славу. От удивления Жан широко распахнул голубые глаза.

— Все они паломники, идут в Иерусалим, — ответил он.

Священник посмотрел на Жана и вздохнул:

— Благочестивый Петр беспокоится, ведь они убивают христиан.

Жан побледнел и промолчал, поскольку не привык спорить. Но когда армия пошла дальше, он обратил внимание на храмы, заметил несколько придорожных крестов и открыл для себя, что они действительно проходили по христианской стране. Он сказал об этом Ламберту.

Страдавший от боли в груди из-за двух сломанных ребер, Ламберт ответил зло.

— Ты ведь ешь, что мы приносим, но остаешься в лагере с женщинами, — рявкнул он. — Что вы с Маленьким Петром понимаете в военном деле?

В тот вечер Жан есть не стал, на следующее утро — тоже. Алиса решила, что он заболел, и заставляла

его взять еду. Наконец, заламывая руки, она взмолилась:

— Если ты упадешь по дороге, что станется со мной и детьми?

Жан обдумал ее слова. Ему не приходило в голову, что он может не попасть в Иерусалим живым, об Алисе он также прежде не беспокоился, полагая, что все в руках Господа. Но даже своим рассеянным взглядом он многое замечал в армии, слышал рассказы, но не передавал их Алисе. Взяв из ее рук пищу, он поел. После этого случая всякий раз, вспомнив о ней, он искал ее глазами и подзывал к себе.

В спешке они переправились через реку Саву и вступили в Белград. Это была уже территория императора Алексея. К тому времени все знали, что направлялись они в город Константинополь — отдохнуть и набраться сил, прежде чем вступать на землю неверных. Но войска императора заставили переправиться, попытавшись прижать их всех к одному броду, в результате произошло сражение, в котором пленных не брал никто. Паломники ворвались в Белград, заставив жителей спасаться бегством, и разграбили город.

Уходили они из горевшего города. Алиса прихватила крестьянский плащ и прикрыла свои лохмотья, выглядевшие уже совсем непристойно. Армия снова разбогатела достаточно, чтобы покупать продовольствие. Частично по этой причине, но также и потому, что властитель провинции собрал значительный гарнизон, у них не возникло никаких проблем, когда они достигли Ниша. Маленький Петр оставил залог и заплатил за муку настоящими серебряными монетами. В лагере установили большие печи, и все пекари Ниша пришли делать хлеб.

— Нужно смолоть наше зерно, — сказал Ламберт.

У отряда тогда было несколько собственных мешков, которые везли на ослах. Ламберт собрал вооруженных людей, и они поскакали к реке позаботиться о деле.

Армия уже выступила в сторону Софии, как всегда беспорядочно, на мили растягиваясь по дороге. Когда арьергард стал собираться в путь, женщины и дети из Отряда Пса, ждавшие Ламберта, забеспокоились.

С реки слышались вопли. От мельниц поднялись клубы дыма. Арьергард сразу же заволновался, раздались крики: «Предательство!» Во весь опор, с окровавленным мечом прискакал обратно Ламберт и послал на дорогу гонца остановить армию. Самые горячие головы, многие из которых относились к Ламберту с уважением, собрались вокруг него, готовые броситься выручать своих товарищей. Уже было заметно, как сильно горят мельницы, отбрасывая в небо огромные языки пламени. Кучки людей бились на берегу или отступали в сторону лагеря. Ламберт сформировал кавалерийский отряд на пони, ослах, мулах, даже на волах и повел его в наступление.

Они спасли Отряд Пса, рассеяли горожан и на том могли закончить сражение. Но пешие воины, которым давно не нравился Маленький Петр как вождь, начали кричать, что преподадут жителям Ниша хороший урок. Хлынув вперед, они ринулись к стенам города и стали нападать не только на тех, кто бежал от мельниц, но и на мирных горожан, осмелившихся выйти за ворота поглазеть на происходящее.

Атака была настолько внезапной, что местным жителям не удалось закрыть восточные ворота из-за потока людей, в панике устремившихся вернуться в город. На

башнях не оказалось никого, кроме нескольких часовых; и обезумевшие горожане мешали воинам объединиться.

В городе воцарилась полная неразбериха, однако в крепости правителя находился отряд, набранный в степях Южной России. Эти представители кочевых племен ездили на лохматых низкорослых лошадях, одевались в овчину, были вооружены короткими копьями, луками, ножами и с детства были приучены воевать. Именно их отправил правитель через другие ворота, и они, проскакав вокруг городских стен, стремительно напали на толпу паломников.

Раздались вопли ужаса. Люди бросали оружие и пытались бежать, но к Нишу возвращались основные силы. Выдвигаясь на помощь, они надавили на арьергард, превратив его в беспомощную массу перед опьяневшими от убийств кочевниками, чьи руки по локоть покраснели от крови.

Алиса и Жан скорчились позади повозки, служившей заслоном для охваченных паникой людей, топтавших друг друга под натиском осатаневших кочевников. Жан привязал пса к поясу. Алиса склонилась над Бертой, прикрыв ее телом. Их хрупкое укрытие трещало и раскачивалось под ударами.

Один человек вскарабкался на повозку и прыгнул вперед на плечи сгрудившейся толпы. За ним последовал другой, третий. Алиса закричала. Жан потянулся к ней, но истлевшая ткань ее платья разорвалась в его руке. Под тяжестью толпы повозка рухнула, и Робер откатился в сторону. Жан попытался его удержать, и ему удалось схватить Робера за руку. Перепуганный пес отчаянно царапал и грыз всех подряд, и ему чудом удалось освободить проход. В эту узенькую отдушину давление вынесло Жана, но Алиса и Берта, оказавши-

еся на земле под ногами толпы, оказались в Иерусалиме раньше его.

Через несколько недель Жан хмуро смотрел на стены Константинополя. Царьград блестел в горячем, сухом воздухе, и дым его труб поднимался ввысь, словно дым из ада. Паломники расположились лагерем; поскольку в это же место прибыло несколько других отрядов, лагерь оказался таким огромным, как никогда раньше, несмотря на значительные потери в Нише. Появились рыцари и всадники на лошадях, правда, их было немного, так как феодальные сеньоры не торопились собирать свои войска. Маленький Петр говорил, что они должны ждать сеньоров, но прибытие самых могущественных задерживалось, видимо, до конца года. Жану не терпелось попасть в Иерусалим, где у золотых ворот в синем платье его уже ждала Алиса.

С гибелью в Нише Ламберта и большинства воинов Отряд Пса стал совершенно другим. Женщины, выжившие в давке, вскоре разбрелись в поисках новых покровителей. Однако странные истории ходили в лагере по поводу спасения Жана. Люди все еще жаждали знамений и чудес, хотя стали более осторожными после множества случаев разоблаченного мошенничества. В Жана, который постоянно оборачивал взгляд к небу, верили, поскольку он ни на что не претендовал. Ему совали милостыню, привлекая внимание калек, больных и бедных людей. Эта толпа теперь ходила за ним по пятам, попрошайничая для него, а заодно и для себя, и рассказывая истории, приукрашенные Робером, в котором открылась тяга к хвастовству.

Привычный к тяжелому труду, Жан воспринимал поход как праздник, но пребывание без всякого дела

в пыльном лагере, под палящими лучами солнца его раздражало. Многие паломники, находившиеся в схожем настроении, отводили душу, устраивая ссоры с горожанами или воруя. Император Алексей ежедневно увещевал Петра и других вождей, а они довольствовались тем, что сваливали вину друг на друга.

Однажды Жан поднялся с собакой на гребень горы, чтобы посмотреть на Золотой Рог, знаменитую бухту, через которую прибывало все богатство Востока. В ней стоял такой густой лес мачт, что все собравшиеся здесь паломники, многие тысячи людей с животными и утварью, могли прямо сейчас уплыть через проливы. Но император советовал ждать, и Маленький Петр говорил, что нужно иметь терпение. Жан вздохнул.

Пес выдернул веревку из руки Жана и погнался за кроликом. Овечье стадо одурело от страха и с глупым блеянием разбежалось перед ним во все стороны. Пастух предостерегающе что-то выкрикнул, швырнул камень, попал в собаку и сбил ее с ног. Животное не поднималось, и пастух побежал к нему, подняв палку с железным наконечником, явно имея намерение его добить.

Жан промчался по пастбищу и встал перед лежавшим псом с обнаженным мечом в руке. Пастух позвал друзей, Жан крикнул паломникам, стоявшим на гребне, и они побежали к нему. Враждебность, накопившаяся за долгие дни, выплеснулась в драке, в которой лучше вооруженные паломники имели преимущество. Они погнали пастухов вниз с горы, оставив Жана рядом с собакой. Ощупав ее ногу, он обнаружил, что она сломана.

Вдоль берега Золотого Рога выстроились виллы, и летом сюда, поближе к морскому ветерку, приезжали

из города богачи. Исаак Комнин, брат императора, владелец всех этих овец, пастбищ и большей части горного склона, привлеченный звоном оружия, вышел из дому, как был, в шелковой одежде, прихватив с собой только меч. Увидев, что творится рядом с его домом, он громко позвал стражу. Затем, смело выйдя вперед, он прокричал по-французски приказание сдатьсь.

Никто из паломников не знал его имени, но им не составило труда сообразить, что они прогневили могущественного сеньора. Если б их схватили, то, скорее всего, вздернули бы на виселицу. Привыкшие в подобных обстоятельствах чинить грабеж и беспорядок, они недолго думая подожгли кустарник на склоне, чтобы прикрыть свое бегство. Был июль, стояла сушь, и огонь вспыхнул моментально. Раздутый слабым теплым бризом, он быстро перекинулся на виллу.

Когда император Алексей узнал от брата о случившемся, его терпение лопнуло. Император не нуждался в беспорядочной толпе, да и сеньорам войск, чье прибытие все задерживалось, от нее было бы мало толку. А между тем эти паломники не уважали царствующую фамилию, дворец его брата и даже храмы благословенных святых. Они воровали свинцовые пластины с церковных крыш рядом со своим лагерем.

— Пусть уходят, — досадливо произнес император. — Пусть отправляются через проливы грабить турок, попытают счастья.

Тем не менее он попытался внушить Петру, которого считал мудрее остальных, что до весны толпа должна продержаться в укрепленном месте. Это место называлось Сиветот, там, на побережье Малой Азии, находился старый лагерь, его было удобно снабжать продовольствием из Константинополя.

В Сиветоте паломники разместились с трудом. Жан стал восстанавливать стены, и ему это понравилось — все же какое-то занятие. Он не мог понять, зачем они остановились, ведь Маленький Петр обещал, что Бог защитит их от неверных. А идти было так замечательно просто: ставишь одну ногу перед другой и оказываешься на один шаг ближе не только к Алисе, но и к Деве Марии, золотым воротам и всем ангелам. Жан не говорил об этом ни с кем, кроме Робера, и даже ему он всего лишь пробормотал:

— Это так просто — идти дальше.

В душе Жан ненавидел лагерь в Сиветоте, с западной стороны выходивший к морю, а с востока отгороженный горной цепью. Там не разговаривали ни о чем, кроме возможности пограбить, особенно после того, как несколько тысяч человек отважились отправиться в рейд и вернулись с тяжелым грузом. Жан мрачно выслушивал пьяные рассказы, как паломники пытали пленников и поджаривали младенцев живьем на походных кострах.

Испытывая отвращение ко всему происходящему в лагере, Маленький Петр вернулся в Константинополь. Когда он пытался проповедовать, выкрики из толпы мешали говорить, даже Жан ему больше не доверял. Пройдя с ними половину пути по миру, Петр не повел их против неверных. До весны оставалось еще полгода. Алиса и Жан вместе отправились в путь в апреле, и теперь она, наверное, терялась в догадках, почему он все не идет.

Возбуждение в лагере нарастало. Некоторые говорили, что отряд немцев захватил Никею, богатейший город этих мест, полностью разграбить который просто невозможно. Им тоже хотелось принять в этом участие. Другие рассказывали об армии турок, двигавшейся в их

сторону, и требовали выйти ей навстречу и во имя Святого Креста поразить неверных. После большого шума, поднятого обеими партиями, им удалось договориться о выступлении из лагеря на следующее утро; боеспособные мужчины уходили, а женщины, дети, инвалиды и трусы оставались в Сиветоте до окончания сражений.

Они собрались в нестройные отряды, приблизительно двадцать тысяч человек. Примерно десятка два рыцарей в доспехах и с полным вооружением ехали верхом во главе войска, за ними вооруженные всадники в количестве ста человек, если не больше. Далее шли пешие подразделения, прошедшие подготовку к сражению. После них следовали легковооруженные воины, и в самом хвосте двигалась толпа, сопровождавшая груженых провизией ослов.

Отправился с ними и Жан, счастливый уже оттого, что они снова шагали на восток. Кто-то дал ему кожаную шапку и куртку-безрукавку, и у него был меч, болтавшийся на веревке, перекинутой через плечо. Меч стал для него привычным атрибутом, хотя еще недавно казался ему слишком длинным и неудобным в использовании. Жан шел с толпой, потому что воинственный Отряд Пса больше не наступал ему на пятки. Даже Робер остался в лагере на попечении Вальтера, раненного в руку уколом меча и неспособного участвовать в сражении.

Стоял ясный октябрьский денек, настроение у всех было приподнятое. Те, кто ехал в крытых повозках, играли мечами, подбрасывая их в воздух и пытаясь поймать. Отряды распевали песни, первоначально имевшие божественные тексты, но в конце концов превратившиеся в обычные сальные куплеты.

Их путь лежал через горный перевал, расположенный в каких-нибудь трех милях от Сиветота. Но рань-

не, чем все они, не соблюдая, как обычно, никакого порядка, продвинулись в глубь ущелья, на горах впереди и позади их показались турки. Они выпустили огромное число стрел, сбив с лошадей всадников в доспехах и быстро посеяв панику среди разрозненных отрядов. Шедшая позади толпа не вся попала в окружение, она разбегнулась и побежала. За ней понеслись турецкие всадники, и началась резня.

Люди погибали на перевале и в долине всеми мыслимыми способами. Едва ли тысяча человек спаслась и была вывезена обратно в Константинополь на императорских кораблях. На равнине среди охваченной паникой толпы туркам встретился невысокий, кривоногий, сгорбленный мужчина с собакой, продолжавший брести на восток. Они разомкнули свои ряды и пропустили его, поскольку уважали людей, которых явно коснулась рука Аллаха, наградив безумием. Жан двигался вперед, на перевал, где на тысячи ошеломленных, попавших в ловушку людей падали тучи стрел.

Одна из них попала в пса; он упал, корчась, пытаясь укусить стрелу, торчавшую в боку. Жан наклонился над ним. Еще одна стрела пронзила ему спину, и он рухнул вперед, вывернув голову, словно по-прежнему не мог оторвать глаз от востока. В то же время турки ворвались в Сиветот и продолжили резню там. Вместе со всеми больными и калеками погиб Вальтер, а мальчиков вроде Робера оставили в живых, чтобы превратить в рабов. Несколько дней спустя они двинулись на восток, прошли мимо тысяч тел своих соплеменников и навсегда пропали для христианского мира.

Так закончился крестовый поход Маленького Петра, но сам он проехал на осле этим же путем весной

с могущественными сеньорами и их армией. От лежавших на земле костей равнина побелела, и для подсчета потерь были сложены высокие горы из черепов. Армия снова обосновалась в Сиветоте, заново воздвигла каменные стены. Кости погибших перемалывали, превращая их в строительный раствор, или складывали вместо булыжников между камнями. Таким образом, Жан и его пес смогли наблюдать за паломниками, чей поток продолжал течь с запада к Иерусалиму. Маленький Петр отправился с ними, чтобы осуществить свою мечту.

ЗАВОЕВАТЕЛИ

1096—1099 годы

Робер де Сент-Авольд был самым высоким рыцарем в Лотарингии. В этом герцогстве у честолюбивых молодых людей было принято испытывать себя, вызывая всех желающих на поединок к часовне Святого Георгия. Половина всех рыцарей герцогства сражалась на этом месте с различными результатами, но Роберу де Сент-Авольду это сделать так и не удалось. Огласив вызов, он три дня еще надеялся, посвящал свое оружие святому Георгию, сулил ему серебряный подсвечник, хотя с трудом мог себе позволить такой богатый дар, но все было тщетно. Не нашлось настолько безрассудного храбреца, который отважился бы выступить против него.

Робер хвастался этим случаем, сбрасывая с огромных ушибов пивную пену жестом, за которым пытался скрыть тревогу. Как безземельный младший сын, он вынужден был надеяться лишь на силу своей правой руки. Он был достаточно здравомыслящим человеком, чтобы понимать: бескровная победа ничего ему не дает.

Когда Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, стал крестоносцем, он послал за Робером, доведившимся ему дальним родственником, и предло-

жил место среди рыцарей в своей свите. Будучи сам высоким мужчиной, Готфрид не опасался проиграть в сравнении с огромной фигурой своего вассала. Напротив, он был рад иметь среди сопровождающих столь величественного воина.

От радости Робер едва не расплакался. Целую ночь преклонял он колени в часовне Готфрида, изливая свои чувства святому Мартину, также бывшему солдатом. Его сердце просто разрывалось — так он жаждал приключений, желал доказать свою значимость и заслужить место среди великих людей. Никогда он не надеялся, что все это будет предложено ему в армии Бога и всех его святых и что, осуществив то, чего ему более всего хотелось на земле, он может также покорить небеса. Со страстью он дал святому Мартину торжественный обет, пообещав атаковать неверных раньше всех остальных доблестных рыцарей в армии. На следующее утро, чтобы быть достойным чести принять крест, он прежде всего исповедался и получил отпущение грехов. Несколько месяцев спустя, в то время когда Маленький Петр уже достиг Константинополя, счастливый Робер де Сент-Авольд выехал за своим господином на поиски счастья.

Путешествие сопровождалось множеством знамений и чудес, они свидетельствовали, что Бог постоянно был с ними. Робер не ожидал, что и ему святые подарят видение, ведь для этого было так много набожных священников. Но его мечты укрепили веру, и он видел падавшие звезды и облачные образования, которые называли ангельскими отрядами. Славно было ехать в армии Божьей к воплощенному земному блаженству — Его Священному Граду.

Могущество креста не упростило задачу командования экспедицией. Рыцарям свиты потребовалось не-

много времени, чтобы присмотреться к своему сюзеру. Герцог Лотарингский был набожным христианином и рыцарем, высоким, светловолосым и красивым, но не был настоящим вождем. Когда герцог не понимал, что нужно делать, он оставлял других гадать о его намерениях, но в то же время ревниво, как и любой слабый человек, оберегал свою власть. Он предпочитал, чтобы его сторонники были глуповаты, и испытывал слабость к Роберу де Сент-Авольду, который из-за своего роста, громохочущего голоса и всегда хорошего настроения казался недалеким. Робер стремился служить и отвечал преданностью, на которую личные неудачи Готфрида никак не влияли. В самом деле, он чувствовал себя защитником своего господина, и особенно в те дни, когда армия прибыла в Константинополь.

Никому из них не понравились жители Восточной империи.

— С какой стати они так высокомерно смотрят на нас? — недоумевая спрашивал Робер у Жильбера де Турне, одного из самых молодых рыцарей из отряда Готфрида. — Им не хватило мужества защитить Божию Землю от неверных, и теперь, когда я их вижу, меня это не удивляет. — Он стоял на углу улицы Месе и Бычьей площади, хмуро глядя на катившуюся мимо карету, сопровождаемую пешими слугами в тюбанах; находившаяся в карете накрашенная женщина надменно смотрела на него. — Я что, должен уступать им дорогу? — Расправив плечи, он стоял, как огромная скала, и всему бурному в час пик потоку экипажей приходилось объезжать его и разделяться надвое.

Жильбер де Турне обиженно смотрел вверх на колоннаду улицы Месе, с ее темными торговыми лавками, полными товаров, побуждающих к грабежу.

— Будь у меня сейчас за спиной полроты, я бы заставил попрыгать этих торгашей!

Со свирепым видом он положил руку на меч, и проходивший мимо коротышка в испуге отшатнулся от него. Жильбер засмеялся и сплюнул себе под ноги.

— Ты не должен этого делать при дворе, — проворчал Робер, с неудовольствием вспоминая императора Алексея, чья золотая парча, алые сапоги и сверкающие драгоценности произвели на него раздражающее впечатление. — Все они такие высокородные, такие надменные, что в их присутствии неудобно даже откашляться. Но когда дело доходит до продовольствия, вьючных животных, осадных машин, проводников или кораблей, оказывается, что ничего не готово. Они же сами просили нас сюда прийти, разве не так? — Он с трудом сдерживал гнев.

Император был спокоен. Он показал свою щедрость, раздав герцогу Готфриду и его вассалам богатые подарки. Однако продовольствие поступало медленно, дать корабли он обещал, но в неопределенном будущем. Когда Готфрид неуклюже пытался использовать армию, чтобы сократить сроки, император вовсе перестал давать продовольствие и подтянул на защиту города наемников. Готфрид был вынужден уступить и оказать Алексею почести, как сюзерену всех земель, которые они могли завоевать.

Из-за проволок армия была беспокойна. В своем воображении эти люди уже одерживали невероятные победы. В мгновение ока с Божьей помощью они оказались бы в Священном Граде, где Робер поклялся зажечь свечу перед Гробом Господним. Другим его желание казалось чересчур скромным.

— Десятую часть нашей добычи у язычников — Граду Божьему! — вскричал Гуго Гростет, и его ма-

ленькие глазки загорелись при мысли о неисчислимых богатствах.

— И десятую часть добычи в Константинополе! — добавил Жильбер де Турне, опьянев от греческого вина.

Эта реплика была встречена одобрительным ревом. Они уже награбили в пригородах столько, что открыли в лагере рынок, где продавали добро прежним владельцам. Некоторые кошельки наполнились золотыми монетами — безантами, — но многие обнаружили, что горожане быстро научились их обманывать и оставлять без барышей.

— Вороватые негодяи! — бормотал Гуго Гростет, в очередной раз наполняя серебряную чашу, прихваченную им в часовне Святого Варнавы.

Никто так не жаждал отъезда варваров, как сам император, но он решил, что сначала благородных вассалов нужно заставить принести ему ленную присягу. Они собирались завоевать земли, принадлежавшие когда-то ему, и он намеревался восстановить свое господство сейчас или никогда. Вассалам Готфрида будет трудно отказаться от клятвы, которую дал их господин.

Командование армии подчинилось, продолжая негодовать. Опасались дальнейшей задержки, поскольку воины объявили: или они идут дальше, или садятся на корабли и плывут домой. Хотя вассалов Готфрида душила ярость, они на коленях присягнули на верность Алексею.

Со своей стороны император был весьма любезен. С обходительностью, невозможной по отношению к его собственным подданным, после принесения клятвы он поднялся с трона и подошел к герцогу Готфриду и его брату, графу Балдуину.

Робер де Сент-Авольд посмотрел на своего раскрасневшегося господина, его насупленных вассалов, неловко сбившихся в кучку, и на придворных в шелковых халатах, не обращавших на них никакого внимания. Что-то нужно было делать, и он посчитал, что это дело для него.

— Наблюдай за мной! — пробормотал он сквозь усы Жильберу де Турне.

Неспешным шагом он вышел вперед, поднялся по ступеням трона и сел на него.

За пронесшимся по залу вздохом наступила тишина, в которой застыли потрясенные придворные, уставясь прямо перед собой и делая вид, что ничего не произошло. Сам Алексей по выражению лица герцога Готфрида понял: что-то случилось. Он повернулся и узрел на своем месте огромного франка. Слегка подняв брови, император ждал.

Герцог Готфрид лишился дара речи, но его брат Балдуин, помрачнев так, что лицо стало почти одного цвета с его черными волосами, имел более быстрый ум.

— Встань, как не стыдно! — резко сказал он. — Ты ленник императора, а оскорбляешь его!

Робер взглянул на Готфрида и, решив, что доставляет ему удовольствие, глупо ухмыльнулся:

— С какой стати один мужик сидит, когда все остальные стоят?

Он вытянул ноги и положил руки на подлокотники трона, рассудив, что ему это место подходит лучше, чем Алексею.

— Так принято в этой стране, — сказал Балдуин. — Встань! — отрывистым от гнева голосом потребовал он.

Робер поднялся. Он не осмеливался продолжать спор с графом Балдуином и, кроме того, уже достиг своей цели. Ход церемонии был нарушен, и не все прошло

так, как задумали люди с Востока. Один из придворных застал Робера врасплох, когда похлопал его по плечу и подвел к императору. Алексей спокойно и даже с любопытством воспринял его дурные манеры, а Роберу не хватило твердости, чтобы высказать все, что он думал. Тогда он прибегнул к хвастовству и, запинаясь, заявил, что он лучший из воинов и дал обет показать это на турках. Вот именно, в часовне Святого Георгия у себя на родине... Фамильярным жестом он поправил усы и откашлялся.

Алексей выслушал его до конца, улыбнулся пренебрежительно, как это умели делать люди с Востока, и умудрился, несмотря на свой карликовый рост, презрительно окинуть Робера взглядом с ног до головы.

— Если ты так стремишься драться, будь уверен, турки тебе помогут.

И он отвернулся. Робер почувствовал себя полным дураком — ему впервые пришло в голову, что Алексей участвовал во многих сражениях.

Готфрид ничего не сказал об этом инциденте, но другие пили за здоровье Робера, и он внезапно стал знаменит. Популярность ударила ему в голову, особенно после того, как сделалось модным, подражая ему, давать обеты. Группа молодых рыцарей поклялась следовать за ним всякий раз, когда бы он ни бросился в гущу битвы.

Прошло еще какое-то время, пока другие армии, прибывавшие морем или сушей, собирались под предводительством Раймонда, графа Тулузского, Гуго, брата короля Филиппа, Боэмунда Норманна, епископа Адемара де Пюи и многих других. К несчастью для Робера, рвущегося исполнить свой обет, когда объединенная армия наконец отправилась через Малую Азию, ей пришлось сражаться совсем не так, как представляли

себе рыцари. Турки не бросались в бой, как христиане, а предпочитали эскадронами описывать круги на флангах, выпуская стрелы, а когда их колчаны пустели, отходили, уступая место другим. Легковооруженные, верхом на крепких маленьких лошадках, они мгновенно отрывались от рыцарей, одетых в тяжелые доспехи, сидевших на огромных, неуклюжих конях. Робер и его последователи выглядели глупо — стычки происходили одна за другой, взяли Никею, отразили атаку султана, но им не представилось ни одного случая выполнить свои обеты.

А возник удобный случай совершенно неожиданно. Чтобы облегчить снабжение провиантом, армия двигалась двумя подразделениями. Авангард был захвачен врасплох турецкой армией, поджидавшей в засаде на склонах гор, окружающих Дорилейскую равнину. Бозмунд Норманн, командовавший авангардом, срочно послал гонца предупредить остальную часть армии, чтобы она поспешила на выручку. Затем он поставил мужчин в круг, внутри которого собрались женщины, священники, все прочие, кто не участвовал в военных действиях, и приказал защищаться.

Несколько часов им пришлось держаться под градом стрел и палящим солнцем. У очень многих христиан были луки, однако во владении этим оружием они уступали туркам, которые легко могли стрелять по рядам противника с безопасного расстояния. Женщины и невооруженные мужчины поначалу подносили воинам воду, но очень скоро им пришлось забиться под повозки или спрятаться за дополнительными щитами, чтобы хоть как-то укрыться от обстрела. Тем временем христиане расстреляли все свои колчаны, поскольку, считая лук вспомогательным оружием, не возили с собой большой запас стрел.

Робер нетерпеливо ерзал в седле.

— Мы должны приучить их не подходить к нам так близко!

Рыцарь рядом с ним хмуро отозвался:

— Если бы мы могли их догнать!

Не получая отпора, эскадроны турок осмелились приблизиться. Пешие воины, защищенные лишь кожаными куртками, несли большие потери. Даже кольчуги оказались слабы, когда турки стали пускать стрелы с более близкого расстояния. Фыркая, стали валиться на землю лошади. Кричали женщины. Священники падали на колени и громко поручали армию милосердию Божьему.

Сосед Робера поднял руку, отмахиваясь от мухи, и ему под мышку через щель в доспехах вонзилась стрела. Звякнув кольчугой, он сполз с лошади. Все кругом озирались в поисках убежища.

Робер привстал на стременах и поднял копье:

— Вперед! За мной! Дадим туркам урок!

Он ударил лошадь шпорами и с криком понесся вперед; за ним последовала группа молодых рыцарей.

Эскадрон турок попытался рассредоточиться, но было слишком поздно. Робер ударил как молния. Огромный конь и массивный всадник глубоко врезались в ряды наездников, не защищенных доспехами и вооруженных слишком легкими мечами, которые не могли разрубить толстую кольчугу. Копье вырвалось у него из руки, глубоко застряв в теле сброшенного на землю и затоптанного копытами мусульманина. Тогда Робер выхватил меч. Позади него другие рыцари ревели, как демоны. Сбившись в один запутанный клубок, тяжелые рыцари и улепетывавшие лучники понеслись через равнину, оставляя за собой мертвых и умирающих.

Подъем в гору спас турок. Лошадь Робера замедлила шаг, устав под тяжестью хозяина и его доспехов. Легковооруженные турки на своих выносливых конях отступили, а группа рыцарей осталась у подножия горы. Теперь в них полетели стрелы от эскадронов слева и справа, отрезавших им путь отхода к армии христиан.

Робер повернул лошадь вспять. Его атака была прекрасна, и теперь, считал он, враг поостережется подходить к ним так близко. Между тем ему надо было вести своих людей обратно, пока их всех не перестреляли. Сам он уже был ранен в бедро. Шкура лошади стала скользкой от крови. Он пришпорил ее, пустив неуклюжей рысью, и криком велел остальным следовать за ним.

Пока они пересекали равнину, лошади падали одна за другой. Турки стреляли низко. Когда воин оказывался на земле, они преследовали его тучей стрел, пока он не падал. Остальным рыцарям оставалось пригнуться к седлу и стойко держаться.

Лошадь Робера споткнулась и упала. Он встал на ноги, но стрелы с лязгом застучали по щиту и шлему, и он пошатнулся. Робер отступал, пятясь и подставляя противнику защищенную грудь и щит; если бы он зацепился ногой за палку или камень, он бы уже не смог подняться. В боку у него торчала стрела, а кольчуга терлась об нее, отчего каждое движение становилось для него мучительным. Он не осмеливался выдернуть наколечник, опасаясь, что кровь хлынет сильнее. Куда еще он был ранен, Робер не знал и не хотел знать. Пока еще он мог держать меч и щит, поэтому враги, кружившие неподалеку, как стая ястребов, не осмеливались приблизиться к нему.

— Пусть умрет глупец! — в ярости воскликнул Бозмунд, когда несколько рыцарей предложили ему ата-

ковать противника и выручить Робера. — Разве не приказал я всем мужчинам твердо стоять в своих рядах и разве не по его милости мы уже потеряли по меньшей мере два десятка рыцарей? Пусть ни один человек не двигается с места, если не хочет иметь дело с Боэмундом Норманном.

Робер опустил на колени, поставил щит на землю и укрылся за ним. Никто из турок не приближался к нему, все боялись западни. Теперь им вряд ли имело смысл стрелять в Робера. Они снова направили стрелы в ряды христиан, но те приободрились, получив передышку. Еще и слух пробежал, что остальная часть армии уже на подходе.

Ее появление захватило турок врасплох, так как они вообразили, что в их засаду попали все христиане. Теперь же Адемар де Пюи поймал в ловушку их самих, он провел отряд по гребню горы и ударил по туркам с тыла. Они дрогнули и пустились наутек так поспешно, что побросали свои палатки и даже шелковый шатер султана с его сокровищами.

Робера де Сент-Авольда, еле живого, подобрали слуги и поспешили унести с поля битвы. Он потерял так много крови и получил так много ранений, что они были уверены в его скорой смерти.

— Вот чего заслуживают глупцы, — резко бросил Боэмунд.

Многие согласились с Норманном, разгневанные смертью родственников или вассалов, поскакавших за Робером и павших от турецких стрел. Готфрид, как всегда поддавшись влиянию сильных людей, мрачнел при упоминании имени Робера и не захотел даже навестить его. Но Адемар де Пюи переговорил с капелланом Боэмунда и узнал, что армия находилась на грани паники. Если бы воины бросились бежать или попыта-

лись спрятаться в убежище, их всех перерезали бы турки. Адемар решил, что атака Робера оказалась своевременной, но не захотел спровоцировать ссору с Бозмундом. Он просто заметил, что Божье воинство не столь многочисленно, чтобы позволить себе потерять такого рослого рыцаря. К его обозу император Алексей прикрепил своего врача Теодора, много лет прожившего в сарацинских землях и перенявшего там тайны врачевания. Адемар велел перенести Робера к своим людям, чтобы Теодор мог его лечить.

Шли дни, армия продолжала двигаться вперед, увозя раненых на носилках, не решаясь оставить их на враждебной территории. Робер де Сент-Авольд понятия не имел, где находился, поскольку у него мучительно болели ребра, поврежденные попавшей в бок стрелой. Еще совсем недавно самый сильный рыцарь в армии, он так ослабел от потери крови, что не мог приподнять голову. В редкие моменты, когда сознание прояснялось, он думал, что ему снится дурной сон. Рядом с ним не было никого, кроме человека по имени Теодор, одетого в восточную одежду, с ястребиным носом и желтоватым лицом. Этот человек клал на его раны холодные компрессы и заставлял глотать горькое лекарство. Вскоре Робер начал осознавать, что Теодор ему не снится.

— Я пленник? — прошептал он.

Теодор ободряюще улыбнулся:

— Вы едете в свите епископа де Пюи. Через несколько недель мы дойдем до Антиохии, ворот в Сирию и Святую Землю. Там вы сможете отдохнуть и восстановить силы, ведь осада такого большого города, как Антиохия, продлится долго.

— В свите епископа? — Робер озадаченно нахмурился. — А мой сеньор Готфрид?

— Он в полном здравии.

Робер закрыл глаза и опять погрузился в сонное состояние. Но после ужасного дня сплошной тряски, когда ослы, несшие его носилки, рысью взбирались по скалистым тропам и огибали крутые утесы, он очнулся надолго. Перенося его в палатку, слуги заметили, что щеки, в последнее время такие бледные, слегка порозовели. Когда они опустили его на ложе, он схватил одного из них за одежду и начал задавать вопросы. Позднее к нему пришел Теодор с вечерней дозой лекарства, но Робер отвернулся от него.

— Лучше смерть, чем позор, — мрачно пробормотал он.

— Глупые у вас слуги, — возразил Теодор. — Ни о каком позоре и речи нет.

— Никто не пришел меня навестить, даже мой сеньор Готфрид.

— В такую погоду рыцарям хватает других забот.

И это была совершенная правда, поскольку дождь лил как из ведра и даже носилки промокли, не спасал и балдахин. Робер начал кашлять, и каждое движение отзывалось болью в боку. В такую погоду ржавели доспехи и лопались тетивы на луках. Лошади простужались и умирали. Некоторым рыцарям пришлось пересест на ослов и даже на волов. Люди, спавшие в грязи, просыпались в судорогах и не могли идти дальше.

Скоро у Робера де Сент-Авольда возник сильный жар. Рана в бокугноилась, и вместе с гноем выходили кусочки кости. Он думал, что обозы находятся рядом с Иерусалимом, и все твердил про свечу, которую обещал поставить к Гробу Господню. Теодор увлажнял его сухие губы, но Робер даже не пытался глотать, и лекарство вытекало из уголков рта.

— Лучше бы найти священника, пока он не умер, — сказал один слуга другому.

Теодор задумчиво почесал длинный нос.

— Жаль потерять такого молодого человека. — Он взял Робера за руку и склонился прямо над ним так, чтобы свеча, стоявшая в голове постели, освещала его лицо. — Засыпай, Робер, иначе ты не наберешься сил и не сможешь войти в Град.

Робер беспокойно посмотрел на него широко открытыми глазами, пытаясь понять смысл этих слов, но в то же время поддаваясь спокойному повелительному тону. Глаза Теодора словно притягивали к себе его взгляд.

— Иерусалим! Я говорил, мне нужно поставить свечу...

— Если ты заснешь, то сможешь это сделать, — пообещал Теодор. Серые глаза, блестевшие на осунувшемся лице, не отрываясь смотрели в глаза черные. — Спать, — тихо приказал Теодор.

— Спать...

Теодор опустил костлявую руку, которую он держал на прекрасном синем покрывале, пожалованном Адемаром.

— Можешь идти ложиться, — не оборачиваясь, сказал он слуге. — Я побуду с ним этой ночью и сделаю все, что понадобится.

Наутро Робер открыл глаза еще в сумерках, прежде чем трубы подали сигнал началу обычной суеты. Он туманно улыбнулся склонившемуся над ним Теодору.

— Мы вошли в Иерусалим через ворота Яффы. Ехали по улицам на ослах и привязали их... мы привязали... Там была дверь с решеткой, она открывалась в нашу сторону, а двор... Не помню.

— Двор не имеет значения, — быстро сказал Теодор. Его желтоватые щеки порозовели. — Вспомни лучше храм Гроба Господня.

— Я поставил свечу, — сонно произнес Робер. — Там было столько свечей! Напротив Истинного Креста курился ладан. Пели монахи в черных одеяниях, и музыка у Гроба Господня звучала, словно райские песни.

— Вспомни хорошенько!

Зазвучали утренние трубы, и Робер вздрогнул. Боль кольнула в бок, и он беспокойно заморгал.

— Где мы?

— В Таврских горах, спускаемся вниз к Сирии, в неделе пути от Антиохии.

— Но мы же ехали по улицам Иерусалима. Я их видел! Неужто я сошел с ума?

Теодор взял его за руку и нащупал пульс.

— Теперь у тебя все в порядке, жар стал спадать. Возможно, Бог подарил тебе видение?

Робер уставился на него, округлив глаза.

— У меня, Робера де Сент-Авольда, было видение! Это невозможно!

Теодор с улыбкой пожал плечами:

— Наверное, ему не хочется, чтобы такой молодой человек умирал. Кто знает, что чувствует Бог по отношению к своим слугам?

Робер посмотрел на него с подозрением. Дьявол тоже умеет очаровывать и хитростью завлекать людей в свои силки.

— Разве мы с тобой не ехали по улицам и не ставили своих ослов в стойла? Зачем ты провел меня по Иерусалиму?

Мягко улыбнувшись, Теодор выдержал его взгляд.

— Я думаю, ты не помнишь, как это было. Богу незачем показывать Иерусалим мне во сне, ибо я там родился.

Армия выдвинулась на Сирийскую равнину и подошла к Антиохии, прекрасному городу, почти такому же

огромному, как Константинополь. Насколько это было возможно, воинство расположилось лагерем вокруг — городские стены частично тянулись вдоль реки, а частично пересекали вершину горы, и с этих сторон к ним нельзя было приблизиться. Робер полулежал в своей палатке и беседовал с Теодором об Иерусалиме, где, как оказалось, проживало много христиан, жили еретики и люди греческой веры. Там все еще жил брат Теодора, купец, уважаемый сарацинами, и вообще многие неверные имели друзей среди греков.

Робер слушал, часто не веря своим ушам, и снова пугался при мысли, что Теодор и его брат — сыновья дьявола. Осторожно он потрогал молитвенник, который прислал ему епископ Адемар, когда услышал о сне, ниспосланном Богом. Он даже открыл книгу и провел рукой по странице, коснулся непонятного для него латинского текста. Но то ли священные слова следовало произносить, то ли Теодор действительно являлся Божьим человеком, только он не исчез с жуткими гримасами, как ожидал Робер.

— Ты беспокоишься, потому что тебе нечего делать, — сказал Теодор и улыбнулся. — Наверное, никогда за всю жизнь ты и дня не пролежал неподвижно и понятия не имеешь, что делать со своим временем. Почему бы тебе не научиться арабскому языку? Я пришлю учителя.

У Робера отвисла челюсть, и он потрогал свои усы, словно сомневаясь, что они по-прежнему на месте.

— Бозмунд Норманн говорит по-арабски, а у графа Балдуина в свите есть учитель. Эти люди хотят завоевать себе владения на Востоке и сделать их своим домом. — Теодор задумался. — Я сыщу тебе восточное платье, хотя для такого роста это будет непросто. Выносить тесноту собственной одежды тебе пока трудно.

Он попрощался, и довольно долго после его ухода Робер лежал тихо, озадаченно потирая пальцами губы и глядя на круживших в палатке мух.

Прошел месяц, затем еще один. Осаде Антиохии не было видно конца — армия не могла ни взять этот огромный город, ни оставить его непокоренным у себя в тылу. Робер де Сент-Авольд снова начал ходить и поразили своим появлением старых приятелей, впрочем встретивших его очень тепло. Столько переходов и сражений было после Дорилейской битвы, что они невежливо удивились, узнав, что он остался жив. Они громко гоготали, разглядывая восточную одежду, сильно хлопали его по плечу, от чего он чуть не падал. В конце концов, Робер был рад вернуться к себе в палатку и присесть.

Легче складывались его отношения со свитой Адемара де Пюи. Епископ руководил и рыцарями, и священниками, но его воины в основном были немолодыми людьми. Они озабоченно расспрашивали Робера о видении, но ему уже не удавалось ясно его вспомнить. Еще они рассказали о соперничестве между Боэмундом Норманном и Раймондом, графом Тулузским; первый претендовал на владение Антиохией, а второй поддерживал притязания императора. Готфрид Бульонский колебался, не зная, чью сторону принять, и находился под влиянием брата, графа Балдуина, который уже оставил армию и обосновался на северо-западе как правитель Эдессы. Мудрые люди из свиты Адемара считали, что и все остальные точно так же могли бросить армию, но только не епископ.

— Станные вещи происходят с Робером де Сент-Авольдом, — почти год спустя заметил Жильбер де Турне. — С тех пор как его ранили, он совершенно изменился. — Облизав пальцы, он тщательно вытер их о бороду и добавил: — А жаль.

Гуго Гростет настойчиво грыз хрящ, ему пришлось еще какое-то время поработать челюстями, чтобы хоть немного освободить рот.

— Я и сам думал, — наконец смог выговорить он, — что Робер стал еще крупнее.

— Должен согласиться, — подтвердил Жильбер. Он помолчал и, поразмыслив, высказал иное мнение: — Должен не согласиться, теперь я вспомнил, каким он был прежде; не хочешь же ты сказать, что он стал еще больше. Никогда за всю жизнь я не видел такого человека. Какое это было удовольствие — наблюдать, как он бьется с булавой в руке.

Гуго Гростет ухватил двумя пальцами оставшийся кусочек, вытащил его изо рта и бросил на пол. Он прищурил маленькие глазки, поглощенный возникшей перед его мысленным взором картиной с забрызганным кровью Робером в центре, крушащим неверные головы.

Слуги герцога Готфрида подали воду и салфетки, чтобы удалить жир с пальцев. Даже в походе герцог мелочно оставался верен своим привычкам.

— Вовсе не его силу имел я в виду, — продолжал Жильбер. — Но он говорит по-гречески или по-сарацински с кем попало! Никогда не знаешь, кого найдешь в его палатке. На самом деле, лучше и не знать. — Он осенил себя крестом, чем не на шутку встревожил Гуго.

— Ты же не думаешь...

— Конечно, не думаю, — оборвал его Жильбер. — Странно это — вот и все. Его слуги говорят, будто Робера заколдовал врач епископа. Этот человек называл себя христианином, но только греческим. Он никому не нравился.

Гуго покачал головой с очень обеспокоенным видом. За время путешествия он утвердился в той мысли, что христиане из других сект состоят в союзе с дьяволом.

— Что случилось с этим проклятым врачом? — поинтересовался он.

— Вернулся к императору, когда умер епископ Адемар. Да упокой Господь его душу!

Он перекрестился в память о епископе, после безвременной кончины которого от лихорадки начались ссоры между вождями. В самом деле, лишь совсем недавно Готфрид, Раймонд Тулузский и значительная часть армии двинулись, наконец-таки, по направлению к Иерусалиму.

Робер действительно разговаривал с самыми разными людьми. Среди них были пленники из мусульман, занимавшие высокое положение, ожидавшие, когда за них заплатят выкуп, и другие, приходившие по поводу сдачи своих крепостей. Города и соседние деревни присылали христиан, говоривших по-гречески, — договориться о продаже продовольствия. Толпами шли торговцы, скупавшие награбленное добро и продававшие восточные прѣности, шелковую одежду и другие предметы роскоши, позволявшие внести в жизнь армии больше уюта. Прощо два года с тех пор, как Робер отправился в путь вслед за Готфридом, ослепленный возбуждением от войны, крови и славы. Он сидел на императорском троне, не считая управление страной достойным занятием. Теперь же он узнал о многих вещах, прежде ему неизвестных. Но по-прежнему он оставался воином, давшим обет Богу, и убивать неверных на этой службе считал славным делом. Целью был Иерусалим, видение о котором ниспослал ему сам Господь.

Находясь в двенадцати милях от Иерусалима, армия паломников впервые увидела Божий Град, построенный на высоких холмах и окруженный обычной стеной с башнями. Для Маленького Петра, который так-

же шел с ними, освещенный солнцем город был позолочен славой Божьей. Он чувствовал присутствие невидимых ангелов рая, стройных рядов всех святых, душ мучеников, чьи белые кости превращались в прах на дальней равнине или укрепляли крепостные валы давно пустовавшего лагеря крестоносцев на берегу Босфора. Маленький Петр пал на колени и простер руки. И Робер сделал то же самое, тщетно пытаясь оживить в памяти ворота Яффы из своего сна или представить пыльные улицы оживленного города, по которым ходил когда-то сам Господь. Слезы заструились по щеке Гуго Гростета, изуродованной стрелой и покрывшейся глубокими морщинами после всех жестокостей, сотворенных им против неверных и местных христиан. Даже для Гуго Иерусалим хранил тайну райского блаженства и избавление от всех неисчислимых невзгод, которым подвержена плоть. Жильбер де Турне коснулся креста, нашитого на его плече, и подумал о жене и ребенке, оставленных на попечение Божье, к которым он устремится, как только исполнит свой обет. Здесь лежал предел двухлетней разлуки. Герцог Готфрид склонился до самой земли и коснулся ее губами.

Можно было бы предположить, что теперь им предстояли скучные занятия — со всех сторон окружить эти серые стены, искать лес для сооружения осадных машин и устраивать унылый лагерь. Но люди чувствовали присутствие Бога, и это освящало даже самые обычные действия. Знамения и чудеса, ставшие за прошедшие месяцы объектами грубых шуток, вновь возобновились. Собираясь вокруг походных костров, рыцари хвастливо расписывали воображаемые подвиги, которые они совершат во имя Божье, и Робер не отставал от всех. Великая благодать низошла на армию, поэтому было бы грешно щадить неверных. Без

грабежа военной профессии не существовало, и великолепное приключение, которое могло обогатить человека на всю жизнь, будило лихорадочные ожидания. Многие были готовы руками рыть лазы под крепостной стеной, не дожидаясь, пока баллисты, саперы и осадные башни сделают свою работу. С Божьей помощью они бы справились!

Пять недель спустя значительная часть армии, обезумевшая от жары, взбешенная потерями, которые принесли опрометчивые попытки приступа, встревоженная слухами об огромном войске, спешившем из Египта на выручку осажденным, находилась в ужасном расположении духа. Некоторые даже теперь представляли паломничество, уверяя, что, достигнув Священного Града, выполнили данный Богу обет. Другие во всем винили вождей, затеявших ссору из-за престола в Граде Божьем.

Но Господь сам пришел на помощь верующим в него, направив послание через епископа Адемара, который явился во сне одному святому человеку и поведал ему, что после трехдневного поста они должны обойти процессией вокруг стен Иерусалима, как Иисус Навин обошел Иерихон. Затем, сказал он, пусть идут на приступ и возьмут город.

Слова доброго епископа вернули надежду. Люди прошли процессией вокруг Иерусалима, глубоко убежденные в важности этого действия. Они шагали босыми и подпевали священникам, высоко поднимавшим кресты. Со стен смотрели воины-магометане и смеялись.

— Убить собак-богохульников! — прервав пение, проворчал Гуго Гростет. — Начисто вымыть весь город кровью! Чтобы ни одного вонючего, осквернившего его язычника не осталось в живых!

— Они прогнали всех христиан, — согласился с ним Жильбер, — оставили лишь несколько человек, которые ничем не лучше язычников. За стенами нет никого, кроме мусульман и проклятых евреев. Большой грех пощадить хоть одного из них.

Герцога Готфрида больше заботила добыча. Он никогда не был богат и во время крестового похода не преуспел, поскольку недостаточная решительность не позволяла ему соперничать с другими, более жадными людьми. Однако, как всегда, герцог Готфрид не мог управлять своими рыцарями.

— Каждый за себя! — был общий клич. — Пусть рыцарь отметит себе дом и повесит свой щит на его стену. А внутри пусть грабит и убивает, сколько душе угодно. И ни один человек не должен оспаривать его трофеи, потому что все принадлежит нам.

Разве сам папа Урбан не обещал им военную добычу, не подвергая сомнению, что работник заслуживает платы за наем? Хотя в то время, как армия надевала кольчуги и готовилась к битве, пославший ее сюда папа Урбан уже лежал на смертном одре в далеком Риме.

К этому моменту люди герцога Готфрида построили осадную башню на колесах высотой с городскую стену. Башня имела мост, по которому можно было перейти на стену. Прежде чем пользоваться башней, они должны были заполнить крепостной ров. Каждую баллисту Готфрид приказал снабдить приличной грудой камней для стрельбы, а женщинам и прочему невооруженному люду выдать лопаты, чтобы они насыпали землю в мешки для заполнения рва. Затем, схватив первый мешок, он подал пример, подбежав к краю рва и бросив мешок вниз.

Была ночь, когда началась работа, но все небо усыпали звезды, и посаженные установили вдоль стены

факелы, поэтому часовые могли заметить движение. Почти сразу же их рожки протрубили сигнал тревоги, и на стене из ближайших башен стали появляться люди. Град стрел уложил на землю десяток нападавших и напугал других, бежавших с мешками ко рву. С жужжанием и треском первая баллиста Готфрида выпустила снаряд, но, поскольку прицел выбрала плохо, он отскочил от стены и упал в ров.

— Давайте сюда мантелеты! — крикнул кто-то.

Группы людей, специально выделенные для этого, уже катили по неровной земле ко рву щиты на колесах, чтобы предоставить укрытия тем, кто носил мешки. Лишь на мгновение нужно было им показаться на краю рва и сбросить вниз свою ношу. Один из них осмелился высунуться и невредимый отскочил обратно в укрытие. Следующий с воплем упал в ров и оказался похороненным под содержимым мешка, упавшим сверху на его тело.

Теперь начали действовать и баллисты осажденных, беспорядочно издававшие глухие звуки то там, то здесь; они ломали щиты мантелетов, после чего их требовалось укреплять мешками с землей, и поэтому довольно долго ни один мешок не падал в ров. Люди работали в отчаянной спешке, ведь самое опасное оружие неверные еще не применили. Возможно, удачный выстрел из баллисты разрушил его. Кто мог сказать?

Но вот и оно, наконец, с ужасным шипением вступило в бой. Снаряд с огненным запалом на хвосте взорвался на краю вала и разлил жидкость, которая тут же превратилась в ревущее пламя, осветившее низкие укрытия и позволившее увидеть ров двадцатифутовой глубины с горсткой земли на дне. К счастью, прицельно выстрелить бомбой с этим «греческим огнем» было так же трудно, как из баллисты, и очень многие снаряды

взрывались не причиняя никакого вреда. Кроме того, на укрытия набрасывали, не натягивая, шкуры, пружинившие при ударе и заставлявшие бомбы скатываться вниз. Тем не менее в отсутствие ветра удушающий дым повис над коридором, по которому, пошатываясь, двигались люди с мешками. Тогда Готфрид организовал посменную работу своих воинов и велел тем женщинам, которые не копали землю, носить им воду.

На одном участке мантилет сгорел дотла, и единственной защитой была стена мешков, нагроможденная за ним. В этом месте, пока рабочая команда пыталась доставить туда новый щит, камни, огонь и стрелы лели непрерывно.

Бомба с «греческим огнем» упала точно в образовавшийся зазор и разорвалась на тропе, полив всех вокруг ревущим жидким пламенем. Вопли людей были столь жуткими, а запах горящей плоти таким сильным, что те, кто нес туда землю, в ужасе попятились назад. И даже когда огонь догорел и кошмарные звуки стихли, нападавшие продолжали колебаться, сгрудившись вместе на безопасном расстоянии, не желая нырять в дымное облако и спотыкаться об обгорелые предметы, которые еще недавно были людьми.

— Пять nobles тому, кто пойдет первым! — крикнул Готфрид.

С приближением рассвета небо стало бледнеть, а ров был заполнен лишь наполовину. При дневном свете и переносе участка работы ближе к стене дело должно было пойти медленнее.

Один из выжидавших мужчин бросил на землю мешок:

— Пять nobles за шанс поджариться! Только не я.

— Пять nobles за испытание в честь святого Мартина из часовни нашего сеньора Готфрида! — Робер де

Сент-Авольд спустился с осадной башни, где вместе с лучшими рыцарями ждал возможности проложить путь в город. — Дайте мешок! — крикнул он и, схватив его так легко, словно не был уже отягощен доспехами, пробежал ко рву и метнул мешок вниз.

— Поставим щит вперед! — Жильбер де Турне, следовавший за своим другом, взялся за мантилет и начал его двигать. Ему на помощь пришли другие, и дыра в обороне была прикрыта. За Робером через дым побежали еще воины. Одна из баллист Готфрида, нацеленная лучше, чем обычно, гулко ударила в солдата неверных, слишком дерзко позировавшего на стене. Радостные крики раздались из рядов воинов с лестницами, дожидавшихся момента, когда внимание осажденных будет отвлечено башней, чтобы попытаться взобраться на стену.

— Погодите, пока мы до них доберемся! — крикнул один. — Мы им дадим огоньку!

Солнце встало. Те, кто работал всю ночь, падали от усталости, покрытые пылью и пораненные камнями. У женщин ладони покрылись ссадинами и волдырями. Даже священники и праведники помогали копать, пока ров заполнялся людскими телами, камнями и землей.

Уже где-то ближе к полудню большая осадная башня неуклюже и медленно пришла в движение, подталкиваемая сзади сотнями людей, которые нажимали на специальные толстенные бревна. Она скрипела и вздрагивала на ходу, но продолжала двигаться до самого края рва, где застряла, потому что проезд все еще был неровным из-за нагромождений камней. Засыпанную поверхность принялись сглаживать под прикрытием баллист, но их выстрелы не могли помешать оборонявшимся бросать вниз огромные камни и жидкий огонь. Теперь уже лучники на башне, имевшие восточные

луки и вообще вооруженные лучше своих противников на стене, очистили стену от людей. Защищенные прочными укрытиями, вражеские баллисты продолжали участвовать в сражении, а бомбы с «греческим огнем» разрывались с шипением и треском. Но падали они вслепую, поскольку никто не осмеливался появиться на крепостной стене и определять прицелы.

— Мы их взяли, мы их взяли! — крикнул Готфрид.

Он и его рыцари заполнили второй этаж башни, готовые броситься по мосту, когда он будет опущен. Башня качнулась на краю рва и толчками пошла вперед.

Боевые действия внизу почти стихли. Некоторое время назад Готфрид заставил замолчать свои баллисты, потому что теперь они могли бы причинить больше вреда людям во рву, чем магометанам на стене. Когда башня придвинулась ближе, она вызвала на себя весь огонь врага. Как и мантелеты, она была прикрыта занавесками из шкур; сделана она была из крепкого дерева, вздрагивавшего и постанывавшего от бомбардировки. Но сооружение держалось, и на каждом этаже был приготовлен песок для гашения возможного пожара.

Три раза башня застревала во рву, и рабочим, вооружившимся кирками и лопатами, приходилось лихорадочно трудиться и разравнивать для нее дорогу. В занавесках появились громадные дыры, от чего лучники на крыше башни несли серьезные потери.

Еще один толчок, и башня встала на нужное место. С победными воплями воины опустили мост, а в это время далеко внизу ров заполнил рой людей с лестницами, которые начали карабкаться вверх.

Первым на мосту оказался Жильбер де Турне, за ним Робер, а после них шел сам Готфрид Бульонский. Уже враги пытались обрушить мост, но не смогли даже

подвинуть его, ведь он висел на толстых цепях и к его тяжести прибавился вес рыцарей в доспехах. С камнями и «греческим огнем» осажденные уже опоздали, теперь обе стороны были обречены схватиться врукопашную, причем спереди на первых рыцарей на мосту нападали противники, а сзади подталкивали другие рыцари. Робер пролетел вперед, будто камень из баллисты. Он швырнул свой щит в лицо одному неверному, а второго из всех сил ударил булавой, которой в ближнем бою отдавал предпочтение перед мечом. Яростно нанося удары направо и налево, возвышаясь над схваткой, как башня, он слишком увлекся, чтобы разбирать, чья кровь, друга или врага, брызгала ему на доспехи.

Сражение достигло высшего накала. Все кричали. Те, кто поднимался по лестницам, получили преимущество, поскольку осадная башня отвлекла большинство защитников города. И хотя отдельные лестницы были сброшены вниз и разрушены, но их было так много, что нападавшие быстро утвердились на стене. Напротив башни группа рыцарей, которую спихнули с моста, дралась в узком проходе за зубцами, пробиваясь к одной из крепостных башенок, через которую они могли спуститься в город. Позади людей Готфрида, в осадной башне уже толпились отряды Танкреда, племянника Боэмунда, стремившиеся поскорее пересечь мост.

Спустившись со стены, они продолжали биться на улицах. Вооруженные защитники города отступали, но другие мужчины, женщины и даже дети метали черепицу с плоских крыш. Беглецов настигали в узких улочках. Гуго Гростет зарубил девушку с младенцем на руках. Когда она падала, он схватил ребенка и ударил его о булыжники мостовой. «Убей! Убей!» — кричал Жильбер де Турне. Рука Робера уже устала рубить. От

возбуждения у него кружилась голова, он опьянел от крови.

В лучшем квартале города многие рыцари вспомнили о добыче. Над одной дверью уже висел щит Танкреда, над другой — Гуго Гростета. Что творилось внутри этих домов, никто не знал, но вопли и стоны беспомощных людей вскоре заглушили стихающие звуки битвы. Робер, считавший постыдным покидать поле битвы, пока враг сопротивляется, погнался за разбежавшимися магометанами.

Задыхаясь, он вынужден был остановиться. Рядом с ним никого не было, а впереди последняя группа вооруженных людей исчезла в глубине улочки. Он огляделся, озадаченный внезапно наступившей тишиной, контрастировавшей с далекими криками и звуками сражения, теперь превратившегося в откровенную резню. Он поднес руку к лицу и попытался вытереть его, но помешали защитное утолщение на тыльной стороне перчатки и прилегающая к носу часть шлема. Прошло почти двадцать четыре часа, как началась битва. За это время он и ел, и пил, но совсем не спал. Подкладка, которую он носил под доспехами, совершенно промокла от пота, во рту пересохло.

Робер медленно осмотрелся. Он стоял на узкой, кривой улице, кончавшейся стеной с огромной деревянной дверью и декоративной металлической решеткой в ней, через которую привратник мог видеть посетителей. Она напомнила ему о чем-то позабытом в пылу сражения. Он находился в Иерусалиме, конечной точке своего путешествия, где по этим самым булыжникам ступали ноги Сына Божьего. Преисполнившись благоговейного трепета, он осенил себя крестным знаменiem. Решетка перед ним казалась знакомой. В голове у него прозвучал его собственный голос, рассказывавший Теодору: «Там была

дверь с решеткой... и двор... мы привязали наших ослов в стойле».

Робер подошел к калитке, взялся за решетку и могучим усилием вырвал ее из гнезд, в которых она крепилась к деревянной двери. Просунув руку внутрь, он нащупал засов. Дверь распахнулась, обнаружив наружный дворик, в котором, без сомнения, рядом с привязью лежал ослиный навоз. Робер отцепил свой щит и, прежде чем войти, повесил его на калитку.

Во дворе не было ни души, и дом все так же скрывал свои тайны за еще одной глухой стеной и закрытой дверью. Но на этой стене кто-то торопливой рукой, разбрызгивая краску, начертал крест. Он поблескивал, еще не успев просохнуть.

Робер хмуро усмехнулся. Значит, они думают, крест их защитит, хотя вся армия знает, что из города прогнали истинных христиан, тех, кто не предал веру. А оставшиеся ничем не лучше самих магометан. Нет, они даже хуже, поскольку придерживались истинной веры, но оставались верны тем, кто ее отвергал.

Шагнув вперед, он толкнул дверь, она, скрипнув, открылась. Ее даже не позаботились запереть. Если жильцы этого дома полагаются на защиту креста, то им повезло, что не Гуго Гростет, а Робер де Сент-Авольд повесил свой щит на их калитку. По крайней мере, их ждет быстрая смерть.

За дверью оказался сад, окруженный колоннадами и прикрытый от солнца пальмами, стоявшими у мраморного бассейна. И если принять во внимание, что в этом городе, лишенном влаги даже в лучшие времена, а тем более во время осады, вода ценилась на вес серебра, это место следовало считать дворцом!

Робер внимательно изучил колоннады, пытаясь понять, которая из них ведет в главные покои, где на-

ходятся слуги и чем торгует хозяин такого дома, осмеливающийся быть христианином. Но ему не пришлось долго задавать себе эти вопросы, потому что в тени центральной колоннады он увидел женщину.

Высокая и стройная, она была одета в наряд из неяркого зеленого шелка, оттеняющий смуглый цвет лица, щеки были слегка подрумянены, а черные волосы свободно рассыпались по плечам. Увидев его, гору, а не человека, в забрызганных кровью доспехах, она охнула, подняла правую руку, сжимавшую небольшой кинжал, и повернула его острием к своей груди, явно угрожая воспользоваться им, если он подойдет ближе.

Робер провел языком по губам. Во рту было так сухо, что он едва мог говорить, но через минуту ему удалось прохрипеть сначала по-арабски, а затем по-гречески:

— Мне нужна вода! — Приблизившись к бассейну, он снял шлем и наполнил его влагой. Он выпил все до капли, наслаждаясь, словно нектаром, затем зачерпнул еще и вылил на лицо и волосы. Вода бежала по шее, и у него вырвался вздох облегчения. — А-а-х! — сказал он.

Женщина стояла совершенно неподвижно, все так же поднимая руку, но смотрела во все глаза, искусно подрисованные голубыми тенями и от этого выглядевшие огромными на ее тонком лице. Вдруг она произнесла на чистейшем греческом языке:

— Мы христианский народ, но мой отец как-то оказал услугу эмиру. С тех пор мы жили под его защитой, и он даже разрешил нам оставаться здесь во время осады.

— Лучше бы вы уехали, — хмуро отозвался Робер, — но не принимали милости от мусульман.

Она упрямо не отводила взгляд.

— Мой отец не может передвигаться. Наверное, он умирает.

Робер посмотрел на нее, затем опять на дом. Здесь ли слуги, подумал он, или все сбежали, бросив хозяйку на произвол судьбы? Он вспомнил Теодора, знатных мусульман, с которыми ему доводилось встречаться и которыми он втайне восхищался, вспомнил местных христиан, считавших неверных лучшими хозяевами по сравнению с нынешними франкскими сеньорами. Медленно кивнув, он положил булаву у бассейна, стянул перчатки и подошел к женщине.

На мгновение ее губы приоткрылись от страха, но, видимо, успокоенная выражением его широкого красного лица, видом волос, с которых капала вода, она позволила ему приблизиться. Вытянув огромную руку, он забрал у нее кинжал. Это была красивая, украшенная драгоценными камнями вещь с очень острым клинком.

— Ничего не бойтесь, — сказал Робер, старательно выговаривая греческие слова. — Вы находитесь под моей защитой, и никто не причинит вам вреда. — Он коснулся ее руки кончиками пальцев. — Руку даю на отсечение.

Прикосновение послужило приветствием. Они робко улыбнулись друг другу. На мгновение сознание перенесло Робера обратно в неприветливый небольшой замок, где отец надолго с ним попрощался, посылая на поиски счастья на Восток. Сейчас тот дом казался маленьким, серым и холодным. Ему казалось невероятным когда-либо увидеть его снова.

НАСЛЕДНИК

1170 год

Дом архидиакона Вильгельма находился в стенах города Тир на возвышении, рядом с собором, откуда над толчеей крыш открывался вид на синее Средиземное море и куда бриз уже не доносил запахи гавани. Поначалу жилище это имело скромные размеры, но расширилось за счет нового двора, выходявшего через колоннады в сад архиепископа, который его хозяин по доброте своей предоставил в распоряжение коллеги.

Архидиакон Вильгельм стоял в углу колоннады и, улыбаясь, смотрел, как в саду полдюжины мальчишек пытались решить, кто из них дольше может ходить на руках. Вильгельм имел благородную внешность, узкое и умное лицо, на котором никогда не появлялось строгое выражение.

— Какой прекрасный принц! — тихо заметил он, показав на одного из мальчиков, со смехом вскочившего на ноги. — Добр был Господь, дав своему королевству такого наследника!

— Ты честно победил меня, Жерар, — весело воскликнул юный принц, отряхиваясь от пыли. — Но я стану тренироваться и снова тебя вызову!

— Принц Балдуин всегда стремится к превосходству, — прошептал архидиакон.

Рейнальд, принц Сидонский, приехавший специально ради изучения коллекции рукописей архидиакона, явно скучал. Девятилетний мальчик не слишком его интересовал, к тому же он испытывал особую неприязнь к матери принца, общение с которой хоть и было кратким, но оставило у него неприятный осадок.

— Король Амальрих выбрал ему хорошего наставника, — заметил он, — ибо, как я вижу, для вас принц Балдуин уже много значит.

Огонек, блеснувший во взгляде архидиакона, подтвердил его догадку.

— Вы нетерпеливы, принц Рейнальд, но что делать, если приехали вы в неурочный час. Пораньше, днем, я был бы к вашим услугам, ведь как только поднимается бриз, мальчики отправляются на ристалище. Тогда я бываю свободен. К этим их занятиям я не имею никакого отношения и о них могу сообщить лишь то, что знаю со слов учителя: принц совершенно бесстрашен и будет ездить верхом лучше короля Амальриха.

— Образец среди принцев! — быстро отозвался Рейнальд. — Надеюсь, Бог не позволит испортить его лестью.

Вильгельм рассмеялся:

— После верховой езды мальчики устают, и сейчас у них свободное время. Играя в саду, они знают, что я прогуливаюсь под колоннами, поскольку не хочу позволять слугам надзирать за их досугом. Но я не вмешиваюсь в происходящее и не заговариваю с ними, если только они сами не захотят.

— И когда же кончается время досуга?

— Увы, лишь перед вечерней. Попытайтесь обуздать ваше нетерпение до окончания ужина. Мальчики рано

ложатся, и я обещаю сидеть с вами так долго, как вам будет угодно.

Рейнальд натянуто улыбнулся:

— Кто бы мог подумать, что мудрый архидиакон превратится в воспитателя ватаги мальчишек!

Мальчики устали от игр, некоторые из них уселись на парапет маленького бассейна и принялись руками ловить рыбу, в результате чего совершенно вымокли. Оказавшись вне поля зрения старших, хрупкий ребенок с руками тонкими, как спички, продолжал попытки удержаться на руках. Очень скоро он шлепнулся оземь, ударился головой и поднял крик.

— Плакса! — воскликнул Жерар и потянулся ударить малыша.

— Эй, оставь Роже в покое, — запротестовал Балдуин. — Ему ведь всего семь лет.

От досады Жерар покраснел. Он был самым высоким и сильным из мальчиков и любил ощущать себя вожак. Его злил⁹ особое положение принца, раздражало, что Балдуин постоянно бросал ему вызов и иногда брал верх. Не торопясь, Жерар встал, подошел к Роже и дернул за руку:

— Кончай хныкать, трус, не то получишь так, что придется заплакать!

Молодой Балдуин тоже поднялся на ноги:

— Я сказал, оставь его!

Жерар, не спеша, взял Роже за руку и ущипнул ее. Он закрутил кожу и с такой жестокостью впился в нее ногтями, что Роже завопил.

Принц Балдуин стремительно прыгнул на врага и увлек его на землю. Они сцепились, а Жерар попытался разбить голову противника о парапет бассейна.

— Осторожно! Ты убьешь его! — встревоженно крикнул другой мальчик.

Он бросился к дерущимся, за ним последовали еще двое. Они устроили кучу-малу и беспорядочно катались по гравию, в то время как Роже вытирал слезы рукавом курточки.

— Гм! Так вот какие у них игры! — заметил принц Сидонский. — Разве вы никогда не останавливаете их, даже если они начинают безобразничать?

— Это случается нечасто, — ответил Вильгельм. — На самом деле я благодарен Жерару за то, что он не уступает принцу, как другие.

Мальчишки продолжали выяснять отношения. У Жерара на загорелой щеке появилась безобразная рана, из которой сочилась кровь и стекала по шее, но он не обращал на нее внимания, устремив злой взгляд на Балдуина.

— Они все тебя боятся! — выкрикнул он. — Ведь ты будешь ими повелевать, когда станешь королем. А я, когда вырасту, стану великим магистром тамплиеров, как мой дядя. И никому не буду подчиняться, кроме Бога и папы. Ты никогда не будешь править мной!

— Все равно сделаешь как я скажу, — парировал Балдуин, приосанясь и пожав плечами. — Хочешь, подеремся на это.

— О нет, не надо! — крикнул тот мальчик, который первым полез их разнимать. — Жерар, когда злится, дерется не по-честному. Он пытался тебя убить.

— Принц слишком драгоценен и не может получать тумаки! — усмехнувшись, воскликнул Жерар.

Принц Балдуин осмотрелся вокруг, что-то соображая. Его взгляд упал на малыша Роже, присевшего на край бассейна и растиравшего руку.

— Я скажу тебе, — сказал он. — Ты щиплешь меня, как щипал Роже, а я — тебя. Первый из нас, кто

откажется или заплачет, считается побежденным. А чтобы показать тебе, что я не выигрываю благодаря своему положению, позволяю тебе начать. — Он закатал рукав. — Арнульф будет считать до двадцати, пока ты будешь щипаться. Только считай помедленнее!

Жерар ухмыльнулся:

— Ладно, мой черед! — Он схватил протянутую ему руку и от души ущипнул ее над локтем.

— Начинай считать, — спокойно произнес Балдуин, как только пальцы закрутили его кожу. — Не спеши.

Вильгельм и принц Сидонский наблюдали, выглядывая из-за олеандра, по крайней мере частично скрывавшего их от мальчиков. Балдуин сохранял абсолютное спокойствие и улыбался противнику, который в неистовом усилии даже наклонил над рукой свою темную голову.

— Двадцать! — выкрикнул Арнульф.

Жерар обнажил руку и вытянул ее перед собой. Счет начался заново.

Жерар стиснул зубы и стоял неподвижно; он побагровел, но не издал ни звука.

— Это больно, — заметил принц Сидонский. — Он крепкий мальчик.

— Ну а другой? В конце концов, ему всего лишь девять лет, а Жерару одиннадцать.

Рейнальд Сидонский кивнул, находясь под впечатлением разворачивавшегося поединка. Первейшим долгом иерусалимского короля была защита своего королевства. Очень часто это приходилось делать в тяжелых сражениях, что в первую очередь требовало от него стойкости.

— И по уму тоже, — продолжал архидиакон, — Балдуин значительно превосходит других. Смотрите, и манеры у него уже как у принца!

Балдуин отпустил противника на счет «восемнадцать», заметив, что ради него Арнульф считал медленнее.

Во второй раз протянул он руку, и Жерар внимательно ее осмотрел, ища тот же участок кожи. Он впился в руку ногтями и выкручивал кожу изо всех сил, но лицо принца оставалось непроницаемым, и легкая улыбка не покидала его уст. Будто он наблюдал, как мучают кого-то другого. Даже архидиакон удивился:

— Все говорят, что он храбрый мальчик, но это превосходит все слышанное мной раньше.

Второй раз наступил черед Балдуина. Если раньше Жерар краснел, то теперь побледнел. Он приоткрыл рот, но не издал ни звука.

— Ни за что не уступит, — предположил Рейнальд. — Он скорее умрет.

— Он всего лишь мальчик, — примирительным тоном произнес архидиакон. — Слушайте!

Из открытых губ мальчика вырвался звук, тягучий, негромкий, чуть громче шепота, — так звучала мучительная боль.

— A-a!

Балдуин отпустил его руку, и Жерар быстро провел другим рукавом по глазам, смахнув наворачнувшиеся слезы ярости и боли. Он резко развернулся и бросился прочь со двора, пробежав очень близко от того места, где стояли принц и архидиакон.

— Не нравится признавать поражение, — сердито крикнул Арнульф.

Балдуин покачал головой:

— Оставь его. Он сам знает.

Короткий эпизод подошел к концу, принц снова сел к бассейну и стал ополаскивать руки в воде с видом человека, беспечно убивающего время. Остальные мальчи-

ки собрались в кружок и обсуждали происшедшее, поглядывая украдкой в сторону принца, о котором они, видимо, говорили. Прошло еще несколько минут, и колокольный звон из часовни возвестил, что пора привести себя в порядок, приготовиться к вечерней службе. Балдуин поднялся на ноги и направился через колоннаду. Когда он проходил мимо двоих мужчин, Вильгельм его окликнул:

— Принц Балдуин, здесь со мной Рейнальд, принц Сидонский, он желает вас поприветствовать.

Балдуин с готовностью подошел к ним, учтиво поклонился, как было принято при дворе его отца, сохранив при этом спокойное достоинство. Вблизи он оказался привлекательным мальчиком крепкого сложения, с приятными серо-голубыми глазами. Рейнальд улыбнулся ему:

— Вы храбры, принц.

Вильгельм высказал более веское одобрение:

— При случае я вас похвалю вашему отцу, и вам известно, что я не стал бы этого делать, не имея на то причины.

Мальчик покраснел, и на какое-то время царственная уравновешенность совершенно его покинула. Зацепив одной ногой за другую, он повесил голову, не глядя в глаза своему наставнику.

— Ну что еще случилось? — мягко спросил Вильгельм.

— Возможно, вы посчитаете, что я поступил не по-рыцарски, — пробормотал ребенок, смущенно поеживаясь. — Но вы говорили мне, сударь, что человек должен управлять, полагаясь на разум, а не только на силу. Поэтому я подумал... — Он вдруг умолк.

— Это было впечатляющее состязание, — сказал ему Рейнальд, — и как проверка лучше всякой драки.

— Ах нет! — быстро сказал мальчик. — На самом деле это не было состязанием. — Он снова повернулся к Вильгельму. — Понимаете, я знал, что не буду ничего чувствовать... Если вы считаете, что это не по-рыцарски, — поспешно проговорил он, — я признаюсь Жерару...

— Балдуин, — прервал его Вильгельм, глядя, нахмуясь, с высоты своего огромного роста, — что вы имеете в виду, когда говорите, что не чувствуете?

— О, да я вовсе не чувствую руку, — легко ответил ребенок. — И здесь, выше, тоже. Так... честно ли я поступил? — В его взгляде была заметна тревога.

На вопрос Вильгельм не обратил никакого внимания.

— Как давно ваша рука онемела? — резким голосом спросил он.

— Ой, не знаю. Уже давно. — Вдруг он осознал, что Вильгельм говорит с ним непривычным тоном, и неловко добавил: — Да с ней все в порядке, сударь, ничего дурного, только немного шелушится.

На этот раз Вильгельм ничего не ответил, и, так как молчание затянулось, мальчик беспокойно повторил:

— Она правда в порядке! — Он согнул руку в локте. — Видите, она в порядке!

Вильгельм приоткрыл рот, но не смог издать ни звука. Он сделал глотательное движение, и принц Сидонский явственно услышал его тяжелое дыхание.

— Ну да, конечно, с ней все в порядке, — наконец выговорил Вильгельм. — Надеюсь, вы меня простите. Я почувствовал приступ ревматизма в больном плече. — Вероятно, приступ был очень болезненным, поскольку его лицо посерело. — Так, значит, она немного шелушится? Такими круглыми кусочками? Наверное, вам потребуется мазь. Позвольте мне взглянуть.

Он вытянул руку, чтобы взять мальчика за кисть, но Рейнальд его остановил:

— Пусть врач посмотрит. Это его дело. Не трогайте ее, Вильгельм!

Но архидиакон отстранил руку своего друга:

— Так мы заставим принца Балдуина беспокоиться о руке, хотя все дело только в том, что вы не доверяете моим знаниям. На всякий случай врач, если сочтет необходимым, даст нам мазь, но не стоит же поднимать такую суету по пустякам. Ведь принц сказал нам, что его рука в порядке.

Он осторожно взял руку мальчика и отогнул рукав, приоткрыв круглые пятнышки огрубевшей кожи, более светлые по сравнению с остальной поверхностью руки. Коснувшись одного пятнышка, он надавил на него:

— Чувствуете нажатие?

Мальчик покачал головой, глядя на своего наставника испуганными глазами. Вильгельм разжал руку и отвел ее немного в сторону, словно по какой-то причине не хотел ей пользоваться в ближайшее время.

— Хорошо, бегите и приведите себя в порядок, не то опоздаете к вечерней молитве. Сегодня я пришлю к вам капеллана, а сам не приду — что-то плечо пошаливает. Завтра, возможно, вас посмотрит врач и даст мазь.

Мальчик убежал. Вильгельм молча поднял руку ладонью вверх и посмотрел на растопыренные пальцы сквозь слезы, медленно стекавшие с обеих сторон по его крупному носу.

— Иисус, Мария и все святые угодники! — прошептал Рейнальд в ужасе. — И вы его коснулись!

— Господи, прости меня! — сказал архидиакон, не отводя взгляда от своей руки. — Ибо слаб я духом.

— Вы ошибаетесь, — поспешил возразить Рейнальд. — Этого не может быть. Вы не врач, друг мой. Какая-то кожная болезнь...

— О, врачи распознают ее, не беспокойтесь; но я не ошибаюсь, как, впрочем, и вы. У мальчика проказа, и я обязан сказать это его отцу.

— У короля могут быть другие сыновья. Он еще молод.

— Но не такие, как этот мальчик, — сказал Вильгельм. — Такой прекрасный принц! — Он не мешал слезам стекать на подбородок, потому что не мог воспользоваться рукой и смахнуть их. — Десять лет, самое большее — пятнадцать, и вы знаете, как они умирают! Тяжела рука Божья, если дитя должно страдать за грехи королевства.

— Молите Бога о королевстве, — тихо проговорил Рейнальд, — и о короле. — Он не больше архидиакона был предан королю Амальриху, как государственный муж. Но он меньше тревожился о судьбе мальчика, думал о потребности королевства иметь вожда во время сражения, а Вильгельм думал о Балдуине.

— Мальчик должен будет узнать, — сказал Вильгельм, — и что тогда? Ведь это нельзя скрыть даже от него?

— У короля должен появиться еще сын, — решительно повторил Рейнальд. — Непросто было вырастить здорового ребенка в этом климате, а мальчиков труднее воспитывать, чем девочек. Но времена наступили тяжелые, и у королевства должен быть вождь.

Вильгельм его не слушал.

— Каким бы он стал королем, этот бедный мальчик! Что ему теперь делать?

ОБЛАДАТЕЛИ

1183 год

Дорога тянулась из Египта на север, к Дамаску через красные горы Моавы, огибая Иерусалимское королевство по восточному берегу Мертвого моря. Это была чрезвычайно оживленная дорога — поскольку Саладин в последнее время сделался султаном и Египта, и Дамаска, между ними наладилась бойкая торговля. В самую жару дорога пустовала; даже сразу после дождя путешествовать по ней в это время было тяжело. Ничто на ней не шевелилось, кроме, быть может, старого ослика, в последний раз упавшего под тяжестью груза и брошенного хозяином. Рядом с умирающим животным дожидалась своего часа дюжина стервятников, и каждый ревниво приглядывал за сородичами, чтобы ни один не получил больше положенной ему доли добычи. То здесь, то там какая-нибудь птица не выдерживала и приближалась к цели, тогда и другие из расчетливой подозрительности продвигались вперед точно на такое же расстояние.

Как это напоминало ненависть, возникавшую между родственниками в преддверии дележа богатого наследства. Во внутреннем дворе замка Керак, возведен-

ного на крутом гребне горы, господствовавшем над дорогой, стояла его хозяйка Стефания де Мильи, владычица Моава и всех частей королевства за Иорданом. Оцепенев от подозрительности и гордости, стоя под балдахином, который, оберегая цвет ее лица, держали у нее над головой, она ждала, пока мать невесты сына подойдет к ней.

Королева Мария Комнина, вдова покойного короля Амальриха и двоюродная сестра самого императора, была уверена, что Стефания, стоявшая ниже ее по положению, первой должна ей поклониться. Но хозяйка замка совершила проступок, не вышла поприветствовать своих гостей, когда они въехали из города на подъемный мост. И теперь, высоко держа голову, королева Мария рассматривала соперницу.

Ни одна из дам не могла утверждать, что одеждой превзошла другую, поскольку посетители перед въездом в город сменили дорожное платье в палатках, установленных специально с этой целью. Королева блистала в золотой парче на пурпуре, а Стефания облачилась в серебряную парчу на бирюзе. В росте у Стефании было преимущество перед невысокой и несколько коренастой королевой. Но госпоже де Мильи уже почти исполнилось сорок лет, а климат, в котором она жила, не щадил блондинок со светлой кожей. С другой стороны, темные глаза королевы Марии по-прежнему блестели, губы были подкрашены так искусно, что их цвет казался естественным, а красивая смуглая кожа отличалась гладкостью.

«Какой у нее ужасный нос! — подумала Стефания. — А если она еще немного потолстеет, то это платье затрещит на ней по всем швам. — Она обозначила холодный поклон и реверанс. — Ее зубы желтеют, а дурной цвет лица она пытается скрыть толстым слоем краски».

Королева Мария ответила кивком, иначе это нельзя было назвать, и слегка раскрыла в улыбке губы, чтобы показать белоснежные зубы.

Солнце заливало ярким светом эту замечательную картину. Замок Керак одел своих пеших воинов в новые красно-бурые куртки, а рыцари-вассалы щеголяли в восточных тюрбанах и хвастались награбленным на большой дороге. На каменных плитах, где расположилась Стефания, лежал бесценный ковер восточной работы, и его голубые и розовые краски гармонировали с цветом ее платья. Замковые трубачи исполнили приветственный туш и умолкли; молчали и обе дамы, каждая ждала, чтобы начала говорить другая.

Неловкую паузу прервал Рейнальд Шатильонский, теперешний муж госпожи де Мильи. Было что-то нерушимое в этом веселом, грубом мужчине, который со всеми держался запанибрата и чудом сумел прожить шестьдесят лет, в то время как более выдающиеся люди погибли на войне или умерли от болезней из-за здешнего климата.

— Где же невеста? — проревел Рейнальд, поспешив выйти вперед. — Ну же, Гемфри, мальчик мой, не мешкай, веди сюда мою падчерицу. Нацелуешься с ней позднее, ладно? Сначала, клянусь святыми мощами, я поцелую ее сам!

Гемфри, семнадцатилетний сеньор Торона и наследник обширных владений госпожи де Мильи, вышел вперед, ведя за руку принцессу Изабеллу, сводную сестру короля Балдуина. Они составляли красивую пару. Гемфри Торонский имел длинные светлые волосы и краснел, как девушка, а его маленькая принцесса, только что вышедшая из детского возраста, была одета в мягкое розовое платье, украшенное жемчугами и обшитое серебряной каймой. Тончайшая, как паутина,

вуаль покрывала ее волосы под короной, также украшенной жемчугом.

Изабелла получила указания преклонить колени перед новой матерью, но Рейнальд в них не упоминался. Она придвинулась ближе к жениху и взглянула на него с робкой мольбой. Поскольку юноша колебался, Рейнальд обнял ее и поцеловал в губы. Всем было ясно, что она сопротивлялась и пыталась его оттолкнуть, но Рейнальд, отпустив ее и заметив слезы, навернувшиеся ей на глаза, лишь хрипло рассмеялся:

— Ты что такая робкая, дочка? Слишком поздно быть робкой. Можешь сказать своему жениху, что целоваться тебя учил Рейнальд Шатильонский.

Балиан Ибелинский, теперешний супруг королевы Марии, шепнул своему брату:

— Следи за волком, когда он прикидывается шутком.

— Следи за ягнятами, — отозвался Балдуин Ибелинский, не отрывая глаз от молодой пары, опустившейся на колени перед Стефанией. — Юный Гемфри кажется слишком мягким, чтобы стать королем. Но Торон — это название, которое может прекратить распри.

Когда приветствия завершились, путникам поднесли вина — промочить горло. В комнаты в замковых башнях, прохладных благодаря толстым стенам, принесли ароматную воду в серебряных кувшинах. Здесь гости смогли прилечь на пуховых подушечках и шелковых покрывалах. На столах, инкрустированных слоновой костью и серебром, стояли чаши с инжиром и яблоками, возвышались хрустальные графины с напитком, сделанным из гранатового сока.

— Рейнальд Шатильонский живет королем, — заметил Гуго Сент-Авольд, совершавший паломничество из Франции и отправившийся со своим восточным кузеном Ренье сопроводить посольство Ибелинов. — Пожалуй,

даже у французского короля нет таких шелковых портьер и серебряных ламп.

— В Иерусалимском королевстве, — мрачно откликнулся кузен Ренье, — жизнь важного сеньора коротка. Вот он и наслаждается ей, пока может.

Гуго осмотрел ковер, и на его лице отразилось сомнение. В Сент-Авольде не придавали значения таким вещам, никто не страдал от их отсутствия. Это же такое громадное невезение — приехать сюда во время перемирия и не иметь возможности биться с неверными. Несмотря на все воинственные речи этих сеньоров, они разнежились при такой-то жизни и предпочитают перемирие честному выполнению своего христианского долга. Он открыл рот, чтобы проворчать:

— Если бы только король Балдуин... — Но тут он вспомнил о короле Балдуине и умолк.

— Король уже не может передвигаться без посторонней помощи, — без обиняков заявил Ренье. — У него гниют руки и ноги, говорят, что в его покоях день и ночь курятся благовония, чтобы заглушить запах разложения.

— Как эти благовония здесь, — сказал Гуго, презрительно ткнув пальцем в сторону чаши, стоявшей наготове у очага, полного дров на случай дождливых дней, когда в башне становилось сыро и холодно. Про себя он подумал, что от Керака, да и всего Иерусалимского королевства воняет разложением.

Несомненно, королю Франции не доставало таких ламп и портьер, как в Кераке. Безусловно, у него не было таких поваров, таких дорогих приправ, такого разнообразия мясных блюд, таких маленьких конфеток и пирожных с миндальной пастой и такого сладкого глинтвейна. Королева Мария, любившая хорошо поесть, во время пира смягчилась, а Стефания, как

только Балиан Ибелинский, сидевший рядом с ней, похвалил музыкантов, послала им блюдо со своего стола.

Рейнальд раскраснелся. Спереди на его тюрбане красовался рубин размером с голубиное яйцо.

— Я нашел его, — хвастался он королеве Марии, — в мешке у одного из тех купцов, на которых мы налетели в прошлом году. Он предназначался для Саладина.

Его громоподобный голос разносился по залу, и все разговоры прекратились.

— Правда ли, — негромко спросил Балиан Ибелинский, — что, когда вы нарушили перемирие и отказались вернуть добычу даже по приказу короля Балдуина, Саладин поклялся...

— Отрезать мне голову самолично! — Рейнальд рассмехался и погладил свою шею. — Пока она все еще у меня на плечах. Короткая жизнь — веселая жизнь, говорит пословица, но у меня есть другая: самые веселые живут дольше других. — Он осушил свою чашу, велел наполнить ее заново и, размахивая ей, поднялся с места. — Провозглашаю тост за государя. Долгих лет жизни королю Балдуину!

Балиан Ибелинский вскочил:

— Сядьте, как не стыдно!

Но утихомирить Рейнальда было трудно.

— Король более не может принимать участие в войне и поэтому заключает с Саладином перемирие. Жирные маленькие мышки начинают бегать мимо скалы, а там в Кераке сидит и ждет большой кот. Рано или поздно я прыгаю. Никто не может меня удержать, ни гниющий заживо король Балдуин, ни Саладин, занятый заговорами или слухами о заговорах против своей персоны. Поэтому пожелаю удачи заговорщикам, и да здравствует король Балдуин Прокаженный.

— Клянусь бородой Магомета! — вскричал Балиан на арабский манер. — Как вы смеее хвастать разбоями, которые подвергают опасности все королевство?

— Я приношу клятвы святыми мощами, как полагается доброму христианину, — ответил Рейнальд, стараясь оскорбить собеседника. — И заставляю неверных себя бояться. Вы, Ибелины, понятия не имеете, как нужно себя вести на границе.

Гуго Сент-Авольд одобрительно кивнул. Вот, наконец-то, человек, говорящий так же, как у них во Франции.

— Сядь, Балиан, — резко одернул Балдуин брата. — Хочешь испортить свадебный пир пустячной ссорой? Что сделано, то сделано, и нечего об этом судачить.

— Саладин может нарушить перемирие сегодня ночью, и никто не станет его винить, — угрюмо заявил Балиан, но все же сел на место.

Госпожа Стефания, тоже посчитавшая, что дело зашло слишком далеко, пришла на выручку. Она помашила своего управителя:

— Какие у нас сегодня увеселения? — и, повернувшись, к гостям, объявила: — Вы должны знать, что вот уже несколько дней все жонглеры и танцоры, которых можно найти на Востоке, собирались в Кераке, поэтому Симону пришлось потрудиться, чтобы определить, кто из них более достоин участвовать в представлении. Давайте узнаем его решение.

Симон помедлил, освобождаясь от блюд, которые он разносил.

— Если позволите, моя госпожа...

— В чем дело?

В беспомощном жесте он развел руками:

— Моя госпожа... все они ушли!

— Ушли? — Стефания тупо посмотрела на управлятеля. — Ты говоришь об актерах, собравшихся на свадьбу? Ушли куда?

— Ворота города были открыты, моя госпожа, и они исчезли.

— Они что-то слышали? — В голосе Рейнальда внезапно прозвучали резкие нотки. — Кто принес послание?

— Люди приходили и уходили весь день, — чуть слышно проговорил Симон.

И это бесспорно было так. Наступила непродолжительная тишина, которую прервал Балиан, сказав, что, раз уж им придется развлекаться самим, его оруженосец Ренье принес мандолину и знает последние любовные песни, они очень понравятся дамам. Стефания благосклонно отнеслась к этому предложению, и внешне пир вновь стал веселым праздником. Но Рейнальд, не привлекая внимания увлеченных звуками музыки гостей, подозвал рыцаря с суровым лицом, своего сенешаля, и что-то прошептал ему на ухо. Тот вышел из комнаты и не вернулся. Сидевшие за низшими столами рыцаривассалы Рейнальда начали постепенно расходиться.

— Что происходит? — спросил Гуго Сент-Авольд у одного из них.

— Пора расставить часовых, поднять мост, проверить и закрыть все ворота города. Обычное дело вечером.

И с этими словами рыцарь исчез. Стефания де Мильи взглядом проследила за ним. Она очень разругалась, когда, улыбнувшись Балиану, поздравила его с таким талантливым оруженосцем.

— Если бы мой Гемфри не был женихом, он бы показал, что у нас в Кераче тоже имеются певцы.

Балиан, соглашаясь, улыбнулся и посмотрел на жениха, крошившего хлеб и кусавшего губу, беспокойно

поглядывая на дверь, за которой исчез еще один молодой воин Рейнальда. Балиан сказал Стефании, что у ее сына сложилась репутация человека, понимающего толк как в любви, так и в войне, и что приятно видеть восхищение принцессы своим женихом.

С такими вот пустыми комплиментами и фальшивыми улыбками пир шел своим чередом, а в это время на стенах замка появлялись часовые и раздавались энергичные команды загнать в пределы города овец, которые паслись на склоне горы. Рейнальд отлично знал, что пустой угрозой нельзя было прогнать из города лицедеев накануне такой богатой свадьбы. Ту часть городского населения, которая говорила по-арабски, осторожно опросили, но никто не проведал ни о каких слухах. Кроме того, так много людей выходило посмотреть на палатки, установленные для Ибелинов, что даже привратники не заметили, все ли они вернулись.

Ночью часовые Керака вглядывались в окрестности с залитых лунным светом стен, так круто возвышающихся на обрывистой скале, что приблизиться к замку было возможно лишь с севера, через город. Даже бедуины не двигались в лежавших внизу глубоких долинах, и с гребня горы ничего не было слышно, кроме далекого лая шакала. На самом верху башни с западной стороны люди Рейнальда хранили поленья для маяка, который сможет подать сигнал тревоги, и о нем, благодаря эстафете, за пару часов станет известно в Иерусалиме. Опустилась ночь, и стражники сменились.

— Все спокойно! — распевали часовые, за час совершая обход всего городка.

Следующим утром часовню Керака освещали для свадебной церемонии восковые свечи в низко подвешенных огромных железных люстрах. Еще свечи го-

рели перед кусочком покрывала Девы Марии, лежавшим в ковчеге на алтаре. Они освещали гроб с мощами святого Симеона, покрытый расписными эмалями, представляющими картины из жизни праведника. Канделябры на стенах отбрасывали мерцающий свет на картины, изображавшие Деву Марию со святыми, и казалось, что эти изображения двигаются. Даже плоды и цветы, вырезанные на верхних частях колонн, казалось, шевелились, когда маленькие огоньки под ними вспыхивали или тускнели.

Молодой Гемфри был одет в белый атлас с золотом, обшитый горностаевым мехом. Его миниатюрная принцесса надела платье со шлейфом из белой парчи, с разрезами по бокам, открывающими другое платье, переливавшееся розовым, зеленым и фиолетовым цветами, словно оперение голубки. Епископ, привезенный сюда специально, чтобы сочетать молодых, был старым, хилым человеком; пальцы его заметно дрожали, когда он соединял руки жениха и невесты. Это была странная свадьба для принцессы, поскольку ее не посетили ни король, ни его родная сестра с ее никуда не годным супругом, которого ненавидела знать.

Заглушить дрожащий голос епископа, произносившего латынь, трубному сигналу со стены оказалось совсем нетрудно. Первые тревожные звуки сразу подхватили другие трубы вокруг замка. Издалека слышались крики. В часовню вбежали воины, в середине прохода их встретил Рейнальд. Они вместе вылетели за огромную дверь, и за ними устремились рыцари Рейнальда. Дверь захлопнулась.

Рыцари и вассалы из свиты Ибелинов столпились в проходе.

— Саладин! — воскликнул Гуго Сент-Авольд, стоявший ближе других к двери. В его голосе звучали

торжествующие нотки. — Неверные двигаются сюда из Египта крупными силами. Это армия Саладина, и перемирию — конец!

— Продолжайте, продолжайте! — крикнул Балдуин Ибелинский епископу. — Мы приехали сюда заключить брак и не двинемся с места, пока церемония не совершится.

Его слова положили конец суматохе в часовне, но за ее стенами волнение продолжалось. Гемфри Торонский выпустил руку Изабеллы и неловко нащупал небольшой украшенный драгоценностями кинжал, который он носил для украшения. К невесте он повернулся спиной. Рот епископа раскрылся, но, насколько можно было слышать, не издал ни звука.

— Сеньор Торонский, — с гневом и презрением вскричал Балдуин, — вы настолько изнежены, что обычная тревога сводит вас с ума? Тогда отдайте более достойному невесту, а с ней и королевство!

Юноша вспыхнул, снова повернулся к Изабелле и потянулся к ее руке. Капеллан Керака, помогавший епископу, наклонился, чтобы подсказывать ему. Испуганным шепотом старик епископ возобновил брачную церемонию, начав с середины предложения, с того самого слова, на котором его прервали. Рыцари из свиты Ибелинов вернулись на свои места. Стефания и королева Мария, которые были слишком высокопоставленными персонами, чтобы позволить себе показать замешательство, испепеляли своих придворных дам гневными взглядами, пытаясь прекратить их перешептывание.

Саладин и в самом деле выступил из Египта. Он двигался форсированным маршем, собирая в свою рать бедуинов, чтобы они не предупредили Рейнальда. Рано утром его войска, обойдя горы по большому

кругу, достигли северного края узкого гребня, ведущего к городу. Сразу же, лишь появившись в поле зрения, они бросились в наступление — впереди скакали всадники, а за кавалерией бежали пешие воины со штурмовыми лестницами.

Стены города не отличались высотой, поскольку его границы были слишком протяженными, чтобы их можно было должным образом защищать. Запасы продовольствия на время осады хранились в замке, там же находились огромные резервуары, в дожди наполнившиеся водой. На самом деле городские стены просто предназначались для задержки нападавших, чтобы оборонявшиеся, забрав с собой скот, успели перебраться через подъемный мост.

Главным образом, Рейнальду были нужны овцы, но отары легко впадали в панику в неразберихе узких улочек, по которым Рейнальд и его рыцари спешили направить оборонявшихся. Кроме того, поскольку день начался без происшествий, сенешаль разрешил открыть городские ворота, чтобы скот мог пастись на склонах горы. Он не позволил использовать сено из запасов.

Вот почему, когда люди Саладина с воплями мчались по гребню, закрыть городские ворота не удавалось из-за людей и скота, отчаянно пытавшихся, толкаясь и давя друг друга, проникнуть в город. По той же причине многие воины Рейнальда застряли на подъемном мосту — они не могли просочиться из замка через встречные потоки людей и животных.

У ворот началась ожесточенная битва, вынудившая городской гарнизон уйти со стен и поспешить на помощь. К тому времени, как они смогли закрыть ворота, установленные во многих местах лестницы позволили нападавшим обнаружить неохраемые места. Группы

неверных уже сражались за контроль над башнями, через которые они могли спуститься в город.

Очень скоро крики, вопли и звон мечей подсказали Рейнальду, руководившему обороной ворот, что он должен отступить. Отряд неверных отрезал ему путь через город к подъемному мосту, разгоняя крестьян, все еще пытавшихся попасть в замок.

— Уберите мост!

Стражники колебались, хорошо зная, что их властелин и большинство его воинов отрезаны в городе.

— Убрать мост, я сказал!

— Нет, оставьте!

Гуго Сент-Авольд незаметно опередил Ибелинов, посадив из церкви мальчика-слугу принести доспехи, которые он захватил с собой, чтобы принять участие в турнире. Таким образом, как только действующие лица брачной церемонии с неподобающей поспешностью разошлись, Гуго снял во дворе верхнюю одежду и надел кольчугу. Будучи таким же крупным мужчиной, как его двоюродный предок, участвовавший в походе вместе с Готфридом Бульонским, Гуго вышел на самый конец моста, где на узком пространстве его мог атаковать лишь один человек.

Враги не приближались к нему. Они даже немного отступили от моста, явно опасаясь противопоставить свою недостаточную силу и более легкую одежду огромной фигуре в лязгающих доспехах. У некоторых из них были луки, да и камни тоже имелись под рукой. Гуго, как мог, защищался щитом, который очень скоро ошестинился попавшими в него стрелами. Камни рикошетили от его шлема, рук и ног и, по всему было видно, производили на него такое же впечатление, как на стену замка.

— Ну, давай! — ревел он, размахивая мечом.

Одна стрела ударила с тыльной стороны в бронированную перчатку и пробила ее, заставив его выронить оружие. С громким криком ближайший сарацин бросился на него. Гуго увернулся от копья и, сделав длинный прыжок вперед, с такой силой обрушил на противника ребро щита, что тот рухнул как подкошенный. Меткая стрела, пущенная со стены замка, пронзила следующего врага, и у Гуго появилось время, чтобы наклониться, поднять меч и сжать его кровоточащей рукой.

— Выходи! — снова бросил он вызов, но теперь уже лучники из замка очистили перед ним пространство, к которому никто не осмеливался приблизиться.

Позади сарацин со стороны города с криками появились люди Рейнальда. Критический момент остался позади. Рейнальд со смехом въехал в замок, обнимая Гуго за плечи, а за ним слышались крики женщин и детей.

Рейнальд находился в бодром настроении. Потеря города лишь означала, что теперь оставалось меньше небоеспособных людей, которых надо было прокормить. Он усмехнулся при виде Балиана, мрачно оглядывавшего двор, полный овец, плачущих детей, орущих мужчин и терпеливо сидевших на своих узлах женщин.

— Увы, как я вижу, здесь не осталось места для рыцарских поединков, но мы можем предложить вам дельце поживее, сеньор Балиан. Теперь вам скучать не придется.

От необходимости ответить Балиана спасли жужжащие и лязгающие звуки, за которыми последовал отдаленный грохот, оповестивший, что замок начал стрелять из баллисты. Рейнальд пожал плечами:

— Насколько я знаю Саладина, они подтянут свои машины, но еще не добыт такой камень, который причинил бы ущерб Кераку.

— Этот замок когда-нибудь выдерживал настоящую осаду, по всем правилам? — язвительным тоном спросил Балиан.

Госпожа Стефания пробиралась через двор с двумя служанками.

— Ну как вам это нравится? — крикнула она Балиану. — Саладин ведет себя не галантно — прерывает свадьбу.

— Не сомневаюсь, он отзовет своих людей, — с равнодушной вежливостью ответил Балиан.

Стефания жеманно улыбнулась:

— Когда я была девочкой — о, много лет назад, — она рукой показала, какой маленькой девочкой тогда была, — этот Саладин был молодым человеком, не имевшим никакого влияния. Мой отец согласился держать его заложником до уплаты какого-то штрафа, и Саладин написал для меня поэму. Без сомнения, до этого он никогда не видел светлых волос... но это было очень давно.

— Если однажды увидишь госпожу де Мильи, то забыть ее нелегко, — без всякого воодушевления возразил Балиан — ему хотелось ускользнуть отсюда, чтобы все обсудить с братом.

Стефания хлопнула в ладоши:

— Я пошлю Саладину несколько блюд с нашего свадебного стола! Приготовлю их собственноручно. Он не сможет их забыть!

Даже Рейнальд не обращал на нее внимания. Он разбирался с беспорядком во дворе.

— Когда мы получше устроим наши хранилища, то сможем заняться фехтованием. Или вывести моего леопарда и травить его собаками. Недостатка в развлечениях у нас не будет.

Балиан повернулся и пошел прочь. Разбойники из Керака умышленно нарушили перемирие и к тому же

не позаботились расставить разведчиков, организовать эстафету, наладить отношения с бедуинами, чтобы получать от них сведения. В результате половина всех баронов королевства оказалась запертой в замке, не говоря уже о новобрачных, которые должны были унаследовать престол короля Балдуина. Если всем им грозит беда, то на этом и королевству конец! Балиан был слишком разгневан, чтобы шутить с Рейнальдом, но знал, что находится в его власти и должен контролировать свои чувства.

В ту ночь свадебный пир был особенно великолепен. Щедрая трата продовольствия просто поражала, такая расточительность всякого лишала аппетита. Вражеские баллисты начали бить по внешней стене, и глухие звуки падающих камней напоминали, что запасы в замке когда-нибудь иссякнут.

— Рейнальд говорит, что осада скоро будет снята, — прошептал Гуго Сент-Авольд, в котором Рейнальд нашел родственную душу. — Иерусалим не позволит себе потерять Керак.

Ренье прикусил губу. По крайней мере в сотый раз он не мог согласиться со своим самонадеянным родственником из Франции, напичканным понятиями столь же устаревшими, как их знаменитый предок. Королевство лежало словно созревший орех, зажатый между челюстями Саладина — Египтом и Дамаском. Когда король Балдуин мог сражаться, он не позволял челюстям сомкнуться и сам вел своих подданных в бой. Но теперь никто не подчинялся королю, который лишился способности передвигаться, почти ослеп, не говорил, а что-то бормотал за занавесками и распространял ужасный запах гниения. Его сестра Сибилла со своим никчемным мужем и пальцем не пошевелит ради спасения новобрачных, которые станут их соперниками в борьбе за

трон. Сибилла и Ги слишком глупы и не могут понять, что потеря Керака оголяет фланг всего королевства.

В этот момент в зале появилась процессия, демонстрировавшая яства, которые госпожа де Мильи послала Саладину. Собственными ручками она приготовила восхитительное жаркое, которое было уложено в центре позолоченной короны, украшенной гербом Торона. Кроме того, главный повар испек пирог в форме замка Керак, нарядно украшенный флажками и ярко расписанными маленькими деревянными фигурками. Далее следовали сладости, выполненные в виде золоченого гнезда с яйцами и сидевших рядом пары горлиц. Другие лакомства, испеченные в виде сердечка или узла восьмеркой, символа преданности и любви, были уложены в рожки, в изобилии украшенные лентами. Процессию замыкало блюдо, на котором, увитый лавровыми листьями, лежал портрет Стефании с рассыпанными по плечам золотыми волосами.

Королева Мария пренебрежительно фыркнула, но бароны криками выразили свое одобрение, посчитав, что в этом жесте присутствует моральное превосходство. Трубы подали сигнал к переговорам. Пока мост со скрипом опускался, воины с напряженными лицами стояли над воротами и в щели следили за происходящим с «греческим огнем» наготове на случай измены. Судя о других по самому себе, Рейнальд не доверял никому.

Прошло немногим более часа, и посланцы вернулись, нагруженные редкими винами и зрелыми плодами для свадебного стола. Стефании Саладин прислал огромный синий камень и прекрасный свиток, на котором было написано четверостишие персидского поэта Омара Хайяма. Стихи перевел для гостей Гемфри Торонский, имевший репутацию ученого и почитателя великого поэта.

«Да это представление какое-то, а не война», — подумал Гуго Сент-Авольд.

Для жениха с невестой Саладин прислал два одинаковых хрустальных бокала и послание. Если на башне, в которой они будут спать, вывесят флаг, ее не станут обстреливать из баллист. Он пожелал им приятных снов.

Рейнальд хлопнул себя по бокам и разразился громким смехом:

— Клянусь святыми мощами, вы будете спать в западной башне у ворот.

Он говорил о лучшей позиции для наступавших, и в тот самый момент Саладин бросил на эту башню четыре из семи своих баллист.

Саладин крепко держал слово, но, когда дрожащих детей с музыкой и смехом уложили на брачное ложе, машины продолжали стрелять по другой стороне ворот, и грохот камней легко проникал через щели окон. Новобрачные лежали в постели обнявшись, прислушиваясь к ударам и вздрагивая.

— Я не очень-то хочу быть королевой, — шепнула принцесса своему юному мужу.

— А я — королем, — признался Гемфри Торонский.

Наутро Рейнальд велел огородить на большом дворе участок, и на нем провели турнир на мечах, в котором Гуго Сент-Авольд выиграл венок, пожалованный ему из рук новобрачной. На следующий день проходили соревнования по борьбе и травля леопарда. Он терзал собак, дамы вопили, а мужчины заключали пари. Каждый вечер устраивали танцы. Замок Керак изнурял себя в празднествах, его хозяева не обращали внимания на красные глаза принцессы, раздражительность королевы Марии и угрюмые взгляды Ибелинов. Постепенно нервное напряжение выросло настолько, что не

все могли с ним справиться. Госпожа де Мильи надрала уши своей невестке и запретила ей встречаться с матерью наедине.

— Знаю я, что она говорит у меня за спиной, и не собираюсь это терпеть. Пора тебе научиться поддерживать своего мужа.

Королева Мария в ярости пришла к Балиану. Всего через четыре дня после свадьбы ее предает собственная дочь! Балиан обещал поговорить с Рейнальдом, но осторожность взяла верх и заставила изменить решение. Он всего лишь спросил, получены ли уже сигналы маяка, обещающие помощь.

Рейнальд проявил полное безразличие. Он заметил, что маяк, конечно, мог успокоить обитателей замка, но и предупредил бы Саладина. В любом случае его добрый друг, магистр ордена тамплиеров, должен о них позаботиться.

Балиан воспринял это суждение довольно уныло. Ему не нравился великий магистр, и, на его взгляд, рыцари-тамплиеры прославились жестокостью, а не военным искусством. Кроме того, сенешаль королевства приходился братом этому тупице Ги, взявшему в жены принцессу Сибиллу. Балиан отчаянно беспокоился, хотя и злился, что этот разбойник, впутавший их в такую переделку, имеет наглость требовать помощи у королевства.

В тот вечер в зале для пиршеств столы ломились от яств, но Балиану показалось, что изобилие начало таять.

— Мне кажется, волк начинает беспокоиться, — шепнул он брату. — Даже Рейнальд знает, что баронам не хватает вождя, который мог бы созвать их на войну.

Балдуин погрузил пальцы в серебряную миску и вытер их о салфетку, которую ему подал, опустившись на колено, мальчик-слуга.

— Никто, кроме короля Балдуина, не заботится по-настоящему о королевстве. Если бы он не заболел проказой, каким королем он мог бы стать!

Шли дни. Епископ обходил стены замка с покрывалом Девы Марии в золотом ковчеге, перед ним несли мощи святого Симеона. На западной башне денно и ночью дежурили наблюдатели. Бароны скучали все сильнее и заключали пари по поводу состязания, которое шло между замковыми и вражескими баллистами. Заводили разговор о вылазке, но он всякий раз заканчивался ничем. Гуго Сент-Авольд испытывал отвращение к такой жизни, но его кузен заметил, что армии Саладина легче позволить себе потери, чем гарнизону.

— Вылазка будет уместна, когда мы узнаем, что мощь близка, — сказал он.

Сигнала не было, но часовые донесли, что видят на западе низко над горизонтом облако пыли, которое может означать армию на марше. Все полезли на башню, чтобы взглянуть, и снова спустились вниз, во двор — почистить оружие или достать его из хранилища. Впервые за последние дни поднявшаяся в замке суета имела какую-то цель. Однако позднее пыль рассеялась. Балиан посетил башню, расположенную к востоку от ворот, по-прежнему подвергавшуюся обстрелу из баллист. Он рассказал брату, что Рейнальд укреплял башню изнутри, поскольку бомбардировка уже дала результаты. Раньше братья не казались особенно похожими, хотя оба были малорослыми и темноволосыми, но теперь уныние на их лицах усиливало сходство. Они оба не верили в армию-освободительницу... и даже если каким-то чудом таковая соберется, то кто будет командующим? А опрометчивое нападение на Саладина недостаточными силами могло привести к ужасным последствиям.

Той ночью на расстоянии дневного перехода от замка было заметно мерцание походных костров, и пиршество приобрело буйный характер, хотя Ибелины по-прежнему сидели молча. К тому времени все присутствовавшие за столом разделились на две партии. Дамы из свиты королевы Марии не разговаривали с дамами из окружения Стефании, а рыцари и бароны собирались в группы и посматривали друг на друга с плохо скрываемым негодованием. Гуго Сент-Авольд, практически примкнувший к партии Рейнальда, избегал своего кузена. Союз, который должен был укрепиться браком, разрушился быстрее, чем замковая стена, и никто не старался заделать брешь. Торжествующий Рейнальд Шатильонский вел себя отвратительно, хвастал, что заставил подчиниться себе все королевство. Он провозгласил тост за «короля Гемфри», прозрачно намекнув, что очень скоро королевством будут править из замка Керак. На это Балиан не мог не ответить.

— Вы бы сначала дождались прибытия ваших друзей, — с кислым видом посоветовал он. — Ведь Саладин может в первую очередь поквитаться с ними.

Рейнальд щелкнул пальцами.

— Ха, Саладин! Он ускользнет, как лис, в свою берлогу. Бросит осаду и смоеется. — Он ухмыльнулся, глядя на Балиана. — Я вам кое-что скажу! У меня слух лучше вашего. Баллисты замолчали.

В зале наступила полная тишина, пока все прислушивались. Грохот баллист, звучавший на этом расстоянии приглушенно и монотонно, стал уже так привычен, что на него никто не обращал внимания. Лишь когда прошла долгая минута, зал разразился радостными криками.

— Вылазка, вылазка! — завопил Гуго Сент-Авольд.

Его крик поддержали, рыцари бросились за доспехами, и Рейнальд был в числе первых. Балиан поймал его уже во дворе.

— Вы с ума сошли? — возмущенно вскричал он. — Именно этого Саладин и ждет. И потом, какой в этом смысл, если нас должны выручить?

Рейнальд страхнул его руку:

— Оставайтесь в доме и присматривайте за женщинами! Вы думаете, Саладин может появиться у Керака, а затем удрать как ни в чем не бывало? В Кераке так не принято, и принц Рейнальд такого не позволяет. Мы дадим Саладину шанс отрезать мне голову!

Он выхватил шлем из рук вассала и приказал подвести боевого коня.

— Глупец! — пробормотал Балиан, отвернувшись. Он мрачно оглядел двор, и ему стало ясно, что недоговаривание по поводу осады выплеснулось наружу. Даже бароны из свиты Ибелинов стремились разрядиться, им нужен был кто-то, с кем можно поссориться. Они уже собрались толпой вокруг гигантской фигуры Гуго Сент-Авольда.

Балиан всегда знал, когда он проигрывал. Было очевидно, что гордость не позволит рыцарям повернуть назад, даже по его приказу. В ярости он проложил себе путь к воротам, где нашел своего брата Балдуина, наблюдавшего за приготовлениями к спуску моста. Если этим дуракам так невтерпеж сделать вылазку, сказал Балдуин, кто-нибудь должен позаботиться, чтобы замок не захватили в их отсутствие. У мусульман тупоумные не приходят к власти и разбойники не процветают.

Как только мост с глухим ударом опустился, рыцари с воплями помчались вперед. Их боевым кличам немедленно ответили крики неверных, а из укрытий у баллист посыпались стрелы. Для стрельбы ночь была

довольно светлой, а завалы из камней за крепостным рвом сдерживали лошадей. На какое-то мгновение рыцари замешкались, но Гуго Сент-Авольд подбодрил их воинственным кличем, перекрывшим шум, вопли и бряцание доспехов. Они преодолели открытое пространство и ринулись в лабиринт улочек между лепившихся друг к другу убогих домиков, из которых в основном и состоял этот город.

Балиан и Балдуин собрали отряд лучников и пехотинцев, чтобы удержать мост, который враги уже пытались полить «греческим огнем», и поэтому потребовалось организовать вторую вылазку — прогнать мусульман и разрушить их машины. Скоро машины ярко горели, отбрасывая зловеющий свет на место сражения. Неверные, как осиный рой, вылетели из темноты, и пешие воины отступили быстро, как только могли, под прикрытием моста, оставив на земле десятка два убитых. Если судить по доносившемуся из темноты шуму, разгорелась ожесточенная битва между рыцарями и основными отрядами армии Саладина. С моста невозможно было определить, как развивались события, но несомненно вылазка не застала сарацин врасплох.

На мост устремились новые потоки неверных с железными крючьями, чтобы удерживать его опущенным. Но на стенах над воротами стояли катапульты, которые принялись обстреливать наступающих камнями, а лучники, расположившиеся у щелей в обеих башнях, забрасывали их градом стрел. Балиан приказал поднять мост приблизительно на пять футов, так, чтобы затруднить неверным путь на него, но в то же время чтобы его можно было спешно опустить, если возникнет необходимость.

Звуки сражения на улицах становились все громче — верный признак, что рыцари отступали. Балиан

тревожно всматривался в темноту, прикидывая, когда наступит момент, наиболее подходящий, чтобы опустить мост, пойти в наступление и очистить подходы к нему от магометан. Боясь опоздать, он подал команду слишком рано, и ему пришлось отчаянно биться с противником, чьи ряды, казалось, росли с каждой секундой. Теперь и Балдуин, руководивший обороной замка, не осмеливался приказать лучникам стрелять в толпу.

Несколько минут все висело на волоске. Воины разили и получали удары, сражаясь с призраками, почти неразличимыми в темноте. Сарацины наступали на мост такой плотной толпой, что некоторые из них теряли опору и с воплем летели с тридцатифутовой высоты в высохший за время, прошедшее после дождей, ров.

Балиан размахивал мечом. Он уже охрип от постоянного крика, когда враги вдруг бросились врассыпную. Возвращались рыцари, смешавшиеся с пешими воинами в один поток, который устремился через мост в замок и внес с собой не только Балиана, но и дюжину сарацин, оказавшихся в центре давки и не сумевших из нее вырваться. Другие сарацины преследовали защитников замка по пятам и удерживали мост опущенным одной только своей тяжестью. Балдуин с грохотом опустил решетку ворот перед самыми их лицами. Из помещения над воротами его люди полили мусульман «греческим огнем», а лучники с обеих башен засыпали их стрелами. Испуская душераздирающие крики, наступающие прекратили штурм и отступили. Подъемный мост со скрипом занял верхнее положение, и последний сарацин слетел с него во двор. При свете факелов гарнизон подвел итоги и подсчитал потери.

Они оказались значительными. В сражении пал Гуго Сент-Авольд, как и его кузен Ренье, приблизительно

дюжина рыцарей Рейнальда и несколько баронов. Многие из оставшихся получили ранения, серьезно пострадали пешие воины. Сам Балиан получил порез от меча на правой руке, которого не замечал, пока огромная опускная решетка не лязгнула за его спиной.

Рейнальд, вернувшийся в замок без единой царапины, и не думал раскаиваться в том, что возглавил вылазку, которая привела к гибели стольких людей. Он усмехнулся Балиану и напомнил свое обещание не давать ему скучать.

— Нет ничего увлекательнее маленькой стычки с врагом.

— Понятно, что вам наплевать на судьбу моих друзей, — резко ответил Балиан, слишком разгневанный, чтобы сохранять благоразумие, — но как же ваши? Или у вас совсем нет друзей даже в замке Керак?

— Ха! — отмахнулся Рейнальд. — Большинство из них осталось в живых, Саладин будет держать знатных пленников, чтобы получить за них выкуп. Попомните мое слово, теперь, когда мы показали ему зубы, он отступит. Он не останется здесь, чтобы оказаться между нами и армией, спешащей к нам на помощь. Заставьте неверных себя бояться, приятель! Только так с ними нужно поступать.

Балиан задыхался от ярости, ведь в числе отсутствующих был его сенешаль и близкий родственник. Но Балдуин взял его за руку, как бы напоминая, что с такими людьми, как Рейнальд, спорить бесполезно. Наутро войска Саладина в самом деле пришли в движение, и Рейнальд громогласно приписал заслугу в этом себе, ну а Балиан пробормотал, что баллисты замолчали еще до вылазки. Один из пеших воинов вернулся в замок с белым флагом и сообщил имена знатных пленников, в их числе значились Ренье и сенешаль Балиана. Днем

разведчики обнаружили тело Гуго Сент-Авольда без доспехов. Старый епископ сказал, что он уже в раю, Балиан же прошептал брату, что в рай можно отправиться в любой момент, но отец Гуго потерял единственного сына, а королевство — рыцаря, без которого ему будет трудно обойтись.

Перед закатом армии Саладина уже не было видно, зато на гребне показалась армия христиан. Опустили подъемный мост замка, и его защитники с Рейнальдом во главе устремились навстречу друзьям. Они встретились на небольшом ровном участке за городом, там, где перед свадьбой стояли палатки Ибелинов.

— Ну разве я не говорил? — горделиво спрашивал торжествующий Рейнальд, опытным глазом оценивая число флажков. — Не только тамплиеры, но и рыцари святого Иоанна, не только бароны, но и сам сенешаль! Они не могли себе позволить потерять Керак.

— С ними Истинный Крест, — согласился Балиан. Он недоверчиво прищурился. — И королевский флаг... Неужели король Балдуин скончался?

В его голосе чувствовалась озабоченность. Если Ги де Лузиньян уже сделал себя королем, то Изабелла с Гемфри, королева Мария и все Ибелины оказывались в опасности. Неужели бароны и рыцари орденов преодолеют свою ревность и будут служить этому выскочке? Он не мог этому поверить.

— Флаг Ги де Лузиньяна развеивается слева, — спокойно сказал Балдуин. — Они принесли королевское знамя, потому что армия выступила от имени короля.

Балиан с облегчением вздохнул. Наверное, в этом все дело! Бог дарит чудесные исцеления, но только не от проказы. Королевский флаг взяли пожеланию баронов, поскольку даже для спасения Керака они не хотели подчиняться власти сенешаля Амальриха де

Лузиньяна, который был способнее своего братца Ги, но также не пользовался любовью баронов.

— Еще не все потеряно для вашего сына и моей дочери, — сказал он Рейнальду, надеясь, что их союз приведет к созданию единой коалиции, и не имеет значения, как его раздражает необходимость зависеть от этого человека.

Рейнальд не ответил, не будучи уверен, на чьей стороне лежат его интересы. Он сомневался, что союз с Ибелинами принесет процветание. Им можно было воспользоваться, чтобы набить себе цену у противоположной стороны. Ее, во всяком случае, можно прощупать, не будет ли каких-либо предложений.

— Давайте подождем и встретим их здесь, — предложил он и осадил коня.

Отряд из Керака представлял собой замечательную картину, поскольку бароны оделись со всем великолепием, как на турнир: шелковые знамена, позолоченные древки копий и сверкавшая золотом конская сбруя. Армия остановилась на склоне горы, видимо готовясь расположиться там лагерем на ночь, но передовая группа всадников, в числе которых были великие магистры рыцарских орденов, выделявшиеся большими красным или белым крестами на плащах, двинулась дальше.

Рейнальд приветствовал их словами благодарности. Он умел вести себя учтиво, если считал это необходимым, поскольку много лет назад был мужем правившей принцессы Антиохии, из чьей семьи сам император со благоволил выбрать жену. В его обращении к сенешалю был замечен намек на нежелание Амальриха участвовать в спасении Ибелинов. По сути, его приветствие было таким неискренним, что Балиан вспыхнул от негодования, а Рейнальд Сидонский, сидевший на воро-

ном коне рядом с магистром ордена святого Иоанна, внезапно произнес:

— Вашу благодарность следует переадресовать королю, потому что лишь его власть помогла вывести баронов на помощь Кераку.

— Я безусловно благодарен королю, — высокомерно сказал Рейнальд, любивший принца Сидонского больше Ибелинов, — и вы можете ему это передать, поскольку положение Керака слишком уязвимо, чтобы я мог оставить замок.

В душе он был рад избавиться от унижения благодарить короля, чьи приказы по старому делу с нарушением перемирия он воспринял с полнейшим пренебрежением. Он улыбнулся принцу Сидона, развеселившись при мысли, что тот будет его посланником и посредником.

— Вы можете сами доставить свою благодарность, — возразил принц Сидонский, начиная злиться. — Вон там развешается флаг короля.

Рейнальд настолько удивился, что уронил поводья на шею лошади и выпучил глаза. Наступила полная тишина.

— Но кто... кто — король? — наконец спросил он.

— Король Балдуин Четвертый, сын короля Амальриха, — горделиво ответил принц Сидонский. — За кем еще последовали бы бароны? — Он повернулся спиной к сенешалю и вытянул руку: — Вон его носилки.

Королевский флаг и в самом деле двигался вперед, а за ним неуклюже следовало занавешенное ложе, закрепленное на ремнях между двух лошадей и опасно накренившееся над неровной землей. Рейнальд уставился на это сооружение, его обычно такое румяное лицо покрылось пятнами от красного до серого цвета, а руки судорожно поймали поводья, отчего лошадь беспокойно попятилась.

— Прокаженный король! — прошептал он, потеряв самообладание в первый раз с тех пор, как Балиан познакомился с его изысканностью сеньора и свирепостью разбойника. Стало очевидно, что по крайней мере одной вещи Рейнальд боялся.

Балиан смотрел на него с отвращением. Король умирал, ужасно страдая, и все же отправился на войну, чтобы пристыдить баронов и выручить человека, который им открыто пренебрегал. Все эти мучения он терпел ради своего королевства.

— Клянусь бородой Магомета, — произнес Балиан, — вот король, который мог бы превзойти Саладина! Если ты не поблагодаришь его, я вобью свой меч прямо в твою трусливую глотку!

— А я, — очень отчетливо произнес принц Сидонский, — в это время поддержу твои руки.

Носилки, покачиваясь, приближались, распространяя, по меньшей мере воображаемый, запах разложения.

ПОЛИТИКИ

1192—1193 годы

За два дня до Рождества в маленький городок, находившийся недалеко от Вены, забрел менестрель. Он не стал петь на рыночной площади, так как его языком был французский и, во всяком случае, он чувствовал себя выше шайки оборванцев, которая уже колотила там в барабаны, представляла что-то и попрошайничала. Этот мужчина был тепло одет, хотя и запыхался в пути, а на спине нес виолу и, следовательно, владел некоторой профессией. Он отнюдь не выглядел придворным музыкантом, но, вероятно, все же мог пением зарабатывать себе ужин в небольших замках, чьих грубых владельцев-баронов скорее могла привлечь не музыка, а новизна.

Появился он в рыночный день; без всякой цели стал прогуливаться среди толпы, собиравшейся послушать человека, проповедовавшего новый крестовый поход. Этот оратор, говоривший хриплым голосом, одноглазый и вообще злодейского вида, принял крест, по его словам, из-за своих грехов.

Несмотря на свою внешность, на эту тему он говорил страстно и обладал хорошим красноречием. Он рас-

сказывал, как Саладин захватил Иерусалим, как приказал носить Святой Крест по улицам и бичевать его. Полные возмущения короли и принцы дали обет вернуть этот город Богу. Король Филипп французский, король Ричард английский, старый Рыжебородый император и даже повелитель Австрии герцог Леопольд приняли крест и отправились за моря с таким славным кортежем, которого прежде никогда не было. Но вера сильных мира сего оказалась нечистой. Они вели с Саладином переговоры и обменивались подарками с сыновьями дьявола. Освободив Акру и другие прибрежные города, они повернулись к Святой Земле спиной, вспомнив о ссорах между собой, и оставили Иерусалим в руках неверных. Лишь простым людям Бог позволит вернуть Святой Город, тем, кто примет крест из веры, поклянется не просить пощады, но и не станет ее давать.

Публика слушала проповедника, пока он не стал звать добровольцев. В этот момент менестрель обернулся к одному из стоявших рядом людей и с сильным акцентом спросил по-немецки, не соблазняет ли его возможность спасти душу. Деревенщина откашлялся и сплюнул. Нисколько не смущаясь, менестрель толкнул в бок другого и повторил вопрос, добавив:

— Судя по твоему виду, у тебя есть опыт в драке.

Второй человек, коренастый парень в поношенной кожаной куртке, поднял правую руку и показал менестрелю, что на ней не хватает трех пальцев.

— Потерял их при осаде Акры, — проворчал он, — в отряде нашего герцога Леопольда. — В свою очередь и он сплюнул. — Совершал паломничество... с ним... и с ним... и с ним! — Он трижды ткнул пальцем. — Пусть этот проповедник тоже отправляется в поход, если ему хочется подраться покрепче, чем выпало на нашу долю.

Вот он, по-видимому, и был тем человеком, которого менестрель надеялся здесь найти. Его новому другу следовало знать, что рассказы о крестовых походах были важной частью его репертуара. Но людей, совершавших паломничество, часто раздражают стихи, сложенные теми, кто мало об этом знает.

Старый солдат что-то промычал, выражая сомнение. Среди пехотинцев короля Филиппа и короля Ричарда он встречал говорящих по-французски, но из-за ссор их господ слуги также относились друг к другу с подозрением. Сделав паузу, солдат неприветливо ответил: если менестрелю нужно узнать о крестовых походах, мог бы и сам принять крест. Он кажется таким проворным парнем.

Менестрель подмигнул и снова пихнул его в бок.

— На самом деле я принимал крест, но Испания была ближе, и за небольшую плату я купил разрешение биться с неверными там. Спасение одно и то же, не зависит от места, где ты его завоевал, а святая церковь получила содержимое моего кошелька, которое в противном случае ушло бы венецианцам и пизанцам как плата за проход.

Старый крестоносец ухмыльнулся, довольный, что менестрелю удалось получить спасение души за полцены. А кроме того, ему, тоже пересекавшему территорию Венеции, было приятно думать, что кто-то провел ее жителей. Лед между ними был сломан, и он согласился перебраться в трактир, где они могли бы обсудить крестовый поход за кружкой пива. Через час или около того он и трое его закадычных дружков, слетевшиеся как мухи на мед при малейшем намеке на возможность промочить горло, рассказывали менестрелю истории сомнительного вкуса, которые он слушал со смехом.

— Я чувствую, все вы рискованные ребята. — Он хлопнул ладонью по колену. — Не сомневаюсь, вы даже довольно близко видели Саладина и можете его описать.

Рыжий Вильгельм, как оказалось, пустил стрелу в Саладина, когда тот скакал галопом вокруг лагеря в Акре — маленький человечек в белом плаще на серой лошади. Совсем чуть-чуть промазал. Все знали, что это Саладин, поскольку перед ним развевался вымпел, но дьявол, увы, защитил от стрелы своего слугу.

Менестрель ударил по столу своей кожаной кружкой, требуя еще пива, и к столу подбежал хозяин с кувшином.

— Как бы там ни было, — услышал он слова менестреля, — в Акре вы должны были часто видеть короля Ричарда Львиное Сердце и можете рассказать, что это за личность. Разве сам Саладин не прислал ему свежую лошадь, когда под ним убили коня? Да уж, король Ричард — это герой, о котором слагают песни.

Хозяин задел локтем о плечо менестреля и плеснул пивом на стол. Он вытер его рукавом, бормоча крепкие проклятия. Остальные не произнесли ни слова, будто от одного упоминания о короле Ричарде вся компания онемела.

— Сейчас даже чаще, чем прежде, интересуются новостями о короле Ричарде, — продолжал менестрель, не обращая внимания на посылаемые ему свирепые взгляды. — Уже прошло много недель, как король сел на корабль и поплыл к себе домой, а его все еще ждут в прекрасном Нормандском герцогстве и Английском королевстве. В это праздничное время мало радости видит его мать королева Элеонора! Одни говорят ей, что сын ее бесследно сгинул в морской пучине, а другие нашептывают, будто он был схвачен при пе-

ресечении каких-то вражеских земель и исчез в мрачной темнице, откуда уже никогда не выйдет на белый свет.

— Ради Бога, — вскричал хозяин, поставив кувшин на стол, — какое дело таким бедным людям, как мы, до короля Ричарда? Да хоть бы черт его унес!

Менестрель усмехнулся:

— Сейчас, возможно, ты попал в самую точку, ибо кто еще осмелился бы поднять руку на паломника, возвращавшегося с Востока? Его святейшество папа призвал ужасное проклятие на всякого, кто так поступит. Черви будут грызть его, и геенна огненная поглотит на веки вечные!

За столом наступило гробовое молчание, из-за чего болтовня и суета в остальной части полной дыма залы казалась особенно громкой. Хозяин смотрел на Рыжего Вильгельма, который рассеяннo наполнил свою чашу из стоявшего у его локтя кувшина, но и не думал платить. Вильгельм полез за пояс, вытащил нож и стал вертеть его в пальцах с видом человека, не очень-то знающего, что с ним делать.

— Как выглядит король Ричард, я знаю, — продолжал менестрель, не обращая внимания на Вильгельма, но опустив руку под стол, поближе к поясу. — На самом деле его внешность — типичная для нормандца. В моем родном Руане был рыцарь по имени Вальтер Леруа, они с королем Ричардом похожи как две горошины в стручке. Говорили, что он внебрачный сын Генриха Плантагенета, так что эти двое — единокровные братья, хотя его мать никогда не признала бы этого родства.

— В крестовом походе не было такого рыцаря, — коротко возразил Вильгельм.

Менестрель улыбнулся:

— Несомненно, он был загримирован, поскольку король Ричард хранил в тайне существование человека, который мог бы при необходимости выдать себя за него. Даже я, знавший Вальтера с детства, не смог бы уверенно определить, который из них король, если бы не один знак, отмечавший различие между ними.

Хозяин, все еще вертевшийся у стола, взглядом заставил Вильгельма убрать нож. Одна мысль, казалось, его поразила.

— И как же отличить ложного короля от настоящего? — спросил он, внезапно наклонясь вперед, и его широкие плечи оказались в круге, освещенном стоявшей на столе свечой.

— Ну, это просто. — С непринужденностью профессионального рассказчика менестрель посмотрел вокруг, дожидаясь общего внимания. — Король носит на пальце оправленный в золото изумруд, доставшийся ему по наследству от бабки, императрицы Матильды. Зеленого камня такого же размера не удалось найти, но король велел изготовить для Вальтера перстень с красным камнем, который он мог бы носить на том же пальце. Этот камень служил сигналом для тех, кто хорошо знает короля Ричарда.

— Это был красный перстень! — воскликнул хозяин трактира, слишком пораженный ужасом, чтобы сдержаться. — Я его видел у него на пальце. Он представился купцом, но ты сказал, — он ткнул пальцем в Вильгельма, — и ты, и ты, и ты — все вы сказали, что это переодетый король Ричард, и нужно донести герцогу Леопольду. Что станет теперь с нами?

Наступила зловещая пауза, и все эти мужланы переглядывались, думая о гневном герцоге Леопольде, который, очевидно, находился ближе и был страшнее проклятий папы.

Медленно подняв брови, менестрель спросил:

— Послушайте, если светловолосый высокий мужчина заходит на этот постоянный двор и называет себя купцом, то почему вы ему не верите? Разве можно считать правдоподобным, чтобы Ричард Плантагенет доверился, даже изменив внешность, стране герцога Леопольда, чей флаг он сорвал со стен Акры и швырнул в сточную канаву?

С опаской, хотя и запоздалой, хозяин оглянулся по сторонам. Менестрель намеренно уселся со своими новыми друзьями в углу, а они, в свою очередь, не позволили другим присоединиться к их компании, чтобы менестрелю хватило денег заплатить за пиво. От профессиональной скороговорки паломника, продававшего мощи из Святой Земли как средство против свирепствовавшего в то время падежа овец, от кашля и топота входивших с холода посетителей, от выкриков, требующих еще пива, в зале трактира стоял достаточно сильный шум, перекрывавший их разговор. Хозяин наклонился вперед через стол, приблизив лицо к менестрелю.

— Ходили слухи, — быстрым шепотом произнес он, — что у побережья разбился корабль и очень знатные люди, не назвавшие своих имен, выбрались на берег. Через несколько дней здесь появился высокий голубоглазый человек с двумя слугами, и на пальце у него было кольцо с рубином. Он был так утомлен переездом, что три дня лежал пластом у меня на постоянном дворе, а его лошадь была так измучена, что не могла двигаться дальше. — Он беспомощно развел руками. — Кем мне приходится английский король и кто я такой, чтобы рисковать навлечь на себя неудовольствие нашего господина герцога? На третий день Вильгельм вскарабкался по лестнице и заглянул в

комнату, где они все лежали на моей лучшей кровати. — Осуждающим жестом он указал на Вильгельма. — Ты клялся, что это был Львиное Сердце собственной персоной!

— Клялся тогда и могу поклясться сейчас, — упрямо сказал Вильгельм. — Тысячу раз я его видел в лагере под Акрой.

— Несомненно видел, друг мой, — согласился менестрель. — Но как часто ты видел там короля Ричарда, а как часто его двойника? Вот что ты мне скажи!

Но Вильгельма было не так-то легко сбить с толку. Он упорно стоял на своем.

— Когда за ним пришли, он признался, что он король, и отказался сдаваться кому-либо, кроме герцога Леопольда. Мы его пальцем не тронули, пока герцог не прискакал из Вены. Он был рад-радешенек, что враг оказался в его власти! Его посадили на коня, связали уздечку с упряжью другого рыцаря, окружили отрядом всадников, и они ускакали. И никто ничего не говорил о двойниках.

— Но если этот человек не король, — вставил хозяин, собравшись с духом, — то где же может быть сам король? Ричарду Английскому не удалось бы пересечь Австрию не узанным многими другими людьми, которым он известен так же хорошо, как и Вильгельму. Где король Ричард?

— А, уже в Саксонии в полной безопасности, — убежденно заявил менестрель. — Понимаете, он послал двойника промчаться до Вены, чтобы отвлечь погоню, а в то же время сам, сильно изменив внешность и имея значительную охрану, отправился другой дорогой. С вашей стороны было бы благоразумно проглотить языки, чтобы герцог Леопольд не узнал, как его надули. Государи не любят, когда из них делают дураков.

Было ясно, что вся компания сильно перетрусилась. Кружки с пивом стояли забытыми на столе, в то время как мужчины ошеломленно переглядывались.

— Я сделаю все возможное, чтобы сохранить это дело в тайне, — обещал менестрель, у которого были собственные причины не желать распространения слухов. — Таким скромным людям, как мы, негоже вмешиваться в ссоры сильных мира сего. Возможно, было б лучше, чтобы поменьше людей видело, как мы разговариваем. — И он затянул непристойную песню, которую запомнил в одной из таверн, где уже побывал, расследуя некоторые слухи.

Это был легко запоминающийся мотив с красивым припевом и несколькими куплетами на местном диалекте, причем каждый следующий был еще более неприличным, чем предыдущий. Посетители таверны начали отбивать такт, подпевать и криками выражать одобрение. В этой атмосфере всеобщего веселья мало кто заметил, как ушел, ковыляя, Вильгельм, за ним его дружки, и никто не обращал внимания, что хозяин разливал по кружкам пиво молча, с самым мрачным видом.

Ночь менестрель провел на лучшей кровати вместе с двумя компаньонами, и самым тщательным образом ощупал матрас и кровать. Никаких следов прежних жильцов он не обнаружил, кроме блох, которых там оказалось превеликое множество. Возможно, частично по этой причине он поднялся рано, выпил жидкого утреннего пива и поспешил по темной, холодной, грязной дороге к Вене, к которой подошел на восходе солнца, когда открывались ворота. Он заговорил с выходившим коробейником и предложил две золотые монеты за доставку сообщения в Вормс. Поскольку эта сумма была равноценна выручке за целый

год, разносчик с радостью согласился. Менестрель дал ему одну монету и пообещал, что другую гонец получит, если быстро доставит сообщение. Нужно было разыскать француза из свиты некоего епископа, прибывшего из Англии к германскому императору. Разносчик должен сказать этому французу: «Леопард захватил льва. Пусть орел поспешит огласить свое требование».

Герцог Леопольд устраивал в Вене прием по случаю Рождества с пантомимами, играми в жмурки и в фанты. С легким флиртом вручались и принимались подарки. Мерцаая подожженным коньяком, блюда появлялись в зале под звуки труб. Жонглеры, менестрели и шуты развлекали гостей, придворные исполнители старались расширить свой репертуар. Эти последние вовсе не обрадовались прибытию менестреля, купившего себе нарядную одежду на золотые дукаты, которые он прятал в подкладке футляра для виолы. Господа и дамы особенно приветствовали человека, говорившего по-французски, поскольку рыцарские баллады зародились именно во Франции.

Искусство менестреля вскоре получило одобрение. Он мог заставить дам вздыхать над историей сэра Гавена, придворного короля Артура, а после заставить мужчин смеяться над сказкой о мышке, выручившей льва. Молодые люди, которые желали услышать последние любовные песни, обнаружили, что он способен поистине бесконечным потоком изливать прекрасные рифмы и нежные мелодии. Все решили, что перед ними какой-то знаменитый трубадур, хотя он сам, смеясь, это отрицал и называл себя Ниманд, то есть Никто. Распространились слухи, что он рыцарь, вероятно, даже принц, странствующий, изменив внешность, из любви к приключениям.

Как бы то ни было, менестрель не мог не петь. Его даже видели во дворе за пределами главной крепости замка, где он развлекал слуг песней, сочиненной королем Ричардом, который сам был трубадуром и любил окружать себя менестрелями. С его стороны было бестактностью упомянуть короля Ричарда при дворе герцога Леопольда, и один из тех, кто слушал его из башни, посчитал необходимым намекнуть ему на это. Менестрель поблагодарил, но в тот же вечер после ужина он выбрал для двора историю о Святой Земле.

Когда неверные захватили Иерусалим и смели все королевство, словно неудержимая волна, принц Рейнальд Сидонский, поручив свой замок заботам сенешаля, отправился сдаваться Саладину и при личном общении быстро его очаровал. Принц с большим знанием дела вел беседу об арабских поэтах, даже о Коране, и султан вообразил, что его можно обратить в ислам. Рейнальд тянул время, делая вид, что готовится принять решение, а сенешаль спокойно укреплял замок и запасал провизию. Наконец Саладин понял, что его дурачили, и с почетным эскортом отослал принца к воротам замка, под угрозой смерти обязав его приказать защитникам сдаться. Рейнальд по-арабски крикнул своим людям на стенах, чтобы они сдавались, а по-французски — делая вид, что переводит, — велел стойко держаться. Замок не был взят, но Саладин был слишком мудр, чтобы поддаться обману. Однако, узнав и полюбив принца, он простил его и держал при себе, как уважаемого гостя, пока за него не заплатили выкуп.

Это была прелестная история, она очень понравилась дамам, но герцог Леопольд слушал ее угрюмо и заметил, что султан любит делать великодушные жесты, прикрывая ими свои злые деяния. Несомненно, Саладин хотел

бы, чтобы все забыли, как он собственноручно отрубил голову Рейнальду Шатильонскому, когда того захватили в плен.

Двор притих, все знали, что герцог Леопольд терпеть не может, когда напоминают о крестовом походе, где на его репутацию была брошена тень Ричардом Английским, злейшим его врагом. Но герцог, хотя и смотрел на менестреля зверем, послал ему золотой рог. А после поднялся с места и сказал, хотя и резким тоном, что большинство песен о крестовом походе посвящено королю Ричарду.

Почти открытое приглашение произвело на присутствующих столь ошеломляющее впечатление, что даже вассалы и прислуга прекратили свою болтовню. Все смотрели на герцога Леопольда, с мрачной улыбкой крутившего в руке ножку кубка, и приготовились слушать.

Менестрель был слишком благоразумным человеком, чтобы принять такой вызов. В первый раз, сказал он, репертуар его подвел. Вместо истории о короле Ричарде он доставит гостям удовольствие сочиненной королем песней. Он запел, и песня разносилась по залу, залетая эхом в лабиринт коридоров, ведущих на кухню, и даже в пристройки, в которых он ни разу не побывал. Никто не поблагодарил менестреля за эту песню, а герцог внезапно велел позвать акробатов.

Утром менестрель покинул замок, а через несколько дней епископу Батскому, присутствовавшему на рождественских празднествах при дворе Генриха Гогенштауфена, германского императора и своего родственника, пришло новое сообщение: «У леопарда множество нор, где он может прятать добычу».

Без этого менестреля празднику Нового года в Вене не доставало души, тем более что туда прибыл посланник

германского императора, которого герцог принял весьма гневно.

— Откуда мне знать, где может быть король Ричард? Не сомневаюсь, что его душой завладел дьявол, а тело гниет вместе с обломками его корабля, один Бог знает где. Как я могу его отдать, если он здесь не был? Кто-то меня оболгал перед моим сеньором.

На пиру он присутствовал с угрюмым видом, а посланец отправился обратно к императору ни с чем.

Тем временем менестрель пел песню короля Ричарда в отдаленном альпийском замке, к которому пробирался в снежную метель. У него болело горло, и голос звучал неважно, но смотритель замка, расположенного так далеко от Вены, был непривередлив. К счастью, жена смотрителя — воплощенное материнство — порадовала менестреля горячим молоком с пряностями, вином и горькими лекарствами. Но хотя на следующее утро лицо менестреля пылало, а вместо звуков он издавал лишь какое-то кваканье, дольше оставаться здесь он не мог.

Ночь накануне Крещения он провел в пути на сильном морозе, а в это время император Генрих совещался с епископом Батским. Епископ вышел от императора, качая головой. К его домику приходил еще один посланец, передавший следующее: «Альпы пусты».

— Молись Господу, чтобы король Ричард был жив, когда мы его найдем, — прошептал епископ французу, служившему у него секретарем.

— Герцог Леопольд не догадывается, как передаются новости, — ответил француз словами утешения, — и эта неопределенность не позволит ему действовать.

— Он боится императора, но ненавидит короля. — Епископ вздохнул. — Какая страсть окажется сильнее?

— Леопольд жадный человек, — возразил секретарь. — Его уже соблазняет доля выкупа, который, как он знает, император получит за короля.

Эта точка зрения должна была ободрить епископа, но его угнетала мысль, что самое большее, чем он может помочь своему повелителю, это передать его из одной тюрьмы в другую. Генрих Гогенштауфен и Филипп Французский будут драться за короля, как ястребы, даже если папа отлучит их обоих от церкви за содержание под стражей паломника, возвращавшегося из крестового похода. Но к отлучению, как и к крестовым походам, все уже привыкли! С тяжелым сердцем епископ принялся сочинять письмо старой королеве Элеоноре и регентскому совету в Англию.

Менестрель избегал важных замков герцога. В таких местах жило слишком много людей, чтобы можно было хорошо хранить тайну. Крепости попроще, однако, все находились далеко. Он стер себе ноги, поранил руку в стычке с грабителем, пытавшимся перерезать ему горло в придорожной таверне. Ему ужасно хотелось отдохнуть, но его подгоняло то же ощущение срочности, которое давило на епископа. Слишком легко было похоронить короля в каменном мешке его темницы, если его никто не видел. Могло оказаться, что герцог Леопольд ценил месть больше выкупа.

Замок Дюрренштайн, мрачно возвышавшийся на огромной скале над Дунаем, был скорее военным форпостом, чем жилищем; его использовали для сбора пошлин с проезжавших по реке. Здесь мало что изменилось с той поры, когда крепости баронов были не более ухоженными, чем крестьянские хижины, хотя и более прочными. Правда, внешние стены Дюрренштайна укрепили круглыми башнями, но двор замка, представлявший собой свалку мусора, был окружен

конюшными и другими грязными плетеными лачугами, в которых единственным радующим глаз пятном было пламя горна, на котором кузнец придавал форму подковам.

Менестрель пришел в замок Дюрренштайн, как заходил во все подобные замки. За время скитаний его немецкий репертуар существенно расширился за счет собранных им простеньких баллад о вражде и убийствах. Профессиональная веселость, его вторая натура, была совершенно излишней в песнях, которые предпочитали воины, чьим истинным призванием были грабежи, изнасилования и даже пытки.

Привратник замка обрадовался его появлению. Коных, державший лошадь, пока ей ставили новую подкову, хотя и трясся от холода, но расплылся в широкой улыбке. Чумазый поваренок выскользнул из кухонной пристройки у основного здания, представляющей некоторое усовершенствование по сравнению с тем временем, когда мясо жарили прямо в зале. Появились и воины гарнизона, протиравшие глаза, поскольку поздно вставать и бодрствовать в полночные часы было обычным делом для некоторых обитателей замка. Менестрель доставил им удовольствие плавным речитативом, в котором излагал хронику этих мест. Император Генрих, говорилось в нем, приезжал в Ратисбон. На мельничной запруде в Грюнвальде нашли труп хорошенькой девушки. На землях белых монахов в окрестностях Мюнхена родилась двухголовая овца. Набожный нищий исцелился от слепоты, промыв глаза в источнике святой Вальпургии. По слухам, Ричард Английский тайно содержится в заключении в Австрии. Он посмотрел на слушателей и, заметив испуганные взгляды, плавно перешел к грубоватой местной песенке.

Дверь под лестницей внизу главного здания распахнулась, и во двор поспешил спуститься молодой человек, небрежно одетый и простецкого вида, но стоявший по положению выше воинов, о чем говорили серебряная пряжка на поясе и поношенный меховой плащ, вероятно составлявший часть добычи, захваченной при ограблении какого-нибудь купца. Верно посчитав его сыном владельца замка, менестрель подвел скучную песню к концу и принялся расхваливать лучшие свои произведения.

— Только что от двора, мой благородный господин! Все самое последнее с рождественского праздника при дворе герцога в Вене. Стоит ли называть человека, который там пел?

Он подмигнул, беззастенчиво намекая на себя, хотя его костюм и манеры опровергали такую возможность. Но даже если молодой дурень ему не поверил, лакомые кусочки из высшего света должны были возбудить его аппетит.

Каким бы он ни был неотесанным, этот молодой человек проявил честолюбие. Возможно, он рассчитывал запомнить модный мотив или заставить менестреля научить его нескольким иностранным словам. Как-то даже слишком просто, подумал менестрель, в двадцатый раз настраивая виолу, чтобы заиграть песню короля Ричарда.

Исполняя эту песню, он всегда полностью использовал диапазон своего голоса, отправляя музыку парить так же легко, как облачко пара от его дыхания на зимнем воздухе. Те, кто обладал музыкальным слухом, могли ее слушать разинув рот, но молодой наследник Дюрренштайна не принадлежал к таким людям. Он явно не имел понятия, что слышит любимое творение короля, чьи сладкие песнопения были

знамениты в Нормандии, Анжу, Пуату и Аквитании, землях рыцарства, и во всех остальных владениях короля Ричарда.

Менестрель закончил текст песни и умолк, продолжая наигрывать мелодию на виоле. Неожиданно наступил тот самый момент, которого он ждал. Из щели в башне густой низкий голос подхватил мелодию, продолжив поэму, которую в этой стране не знал никто, кроме ее автора, короля Ричарда.

Менестрель вздрогнул, и его пальцы соскользнули со струн виолы, странно взвизгнувших. В то же мгновение дверь внизу лестницы открылась, и краем глаза менестрель заметил фигуру владельца замка, который, положив руку на меч, прислушивался к музыке.

Губы менестреля растянулись в улыбку, хотя они с трудом повиновались хозяину.

— Ага, вижу, у вас уже есть музыкант, и неплохой, хотя ему не хватает блеска. Испытаю-ка я его еще парой куплетов.

Он снова повысил голос. Уже давно заготовил он стихи на провансальском диалекте, понять которые в этом малокультурном месте не мог никто, даже если какой-нибудь старый крестоносец понимал по-французски.

— О, мой король, — запел менестрель, — здоровы ли вы? Если взятка или обман помогут вашему побегу, то лодка, меч и быстрый конь к вашим услугам. Иначе повелитель того, кто владеет этим местом, потребует вашей выдачи.

— Меня не освободит ни взятка, ни обман. — Уверенный голос звучал почти так же прекрасно, как в собственном зале Ричарда. — Воины с мечами наголо сторожат меня день и ночь в этой маленькой комнате. Пусть потребует меня повелитель; его я не боюсь. Он всего лишь... — Здесь пение оборвалось, поскольку

ку певец дошел до конца куплета и его мнение о Генрихе Гогенштауфене осталось невысказанным.

Чувствуя прикованный к себе взгляд владельца замка, на большее менестрель не отважился. Он поспешил крикнуть по-немецки:

— В самом деле прекрасно, незнакомец! Теперь сжался над бедняком и посиди тихо, пока я заработаю свой ночлег!

Ему не нравились мрачные лица стоявших во дворе воинов и тревога глупого сына хозяина, уставившегося, отвесив челюсть, вверх на амбразуру. Если бы этот паренек что-либо неосторожно сказал, мир мог бы потерять одного менестреля или одного короля.

Возможно, сеньору пришла на ум та же мысль, потому что он резко спросил:

— Адальберт, ты что, спятил? — Юноша вздрогнул и закрыл рот. Отец сделал шаг в сторону менестреля и произнес: — Это пел мой старший сын, лежащий в постели со сломанной ногой. Адальберт! Ты бы лучше пошел к брату и составил ему компанию.

— Н-но, — начал мальчик, однако, подумав хорошенько и встретив хмурый взгляд отца, надул губы, быстро прошел к двери в главную крепость и захлопнул ее за собой.

— Ты говорил, — заметил сеньор, снова повернувшись к менестрелю, — что, по слухам, короля Ричарда держат где-то в заточении. Эта история очень меня занимает! Где ты мог ее услышать?

Он говорил спокойным тоном, но менестрель почувствовал, как на затылке у него зашевелились волосы. Владелец Дюрренштайна был крупным мужчиной, когда-то со светлыми, а теперь уже выцветшими волосами и держался так, что заставлял не увидеть, а почувствовать, как он опасен.

— О, в тавернах Вены! — Менестрель заговорщически подмигнул. — Слухи о короле Ричарде распространились, потому что он исчез. Не в моих правилах подвергать сомнению историю, которая поможет мне заинтересовать таких людей, как ваша милость.

Сеньор рассеянно улыбнулся, но его тусклые глаза продолжали изучать менестреля, а рука задержалась на рукояти меча.

— Ты владеешь определенным мастерством и растрачиваешь его по дворам. Такие французы, как ты, обычно крутятся вокруг богатых домов, а не ходят, выпрашивая кусок хлеба, от двери к двери.

Менестрель пожал плечами, собираясь с мыслями. Претензии на серьезные знакомства могут усилить подозрения, но никому не известного человека легко убить и закопать труп, просто чтобы застраховаться от случайности.

— По правде говоря, я имею слабость к выпивке, которая стоила мне расположения герцога Леопольда. Я дал обет не пить вина до Пасхи, а к тому времени герцог уже будет повсюду разыскивать сладкоголосого Ниманда. Кроме того, я люблю разнообразие. — Как бы торопясь поправиться, он добавил: — Этот обет не распространяется на пиво.

Сеньор, казалось, принял решение. Он снял руку с рукояти меча и поманил человека, у которого символ его должности — ключ от кладовой — висел на поясе.

— Выдай ему пива, только слабого, заметь. Он не должен напиваться, пока не развлечет нас за ужином.

Менестрель тщательно обдумал, какие песни было бы разумно исполнить тем вечером, и большинство из них выбрал так, чтобы они соответствовали характеру владельца замка. Однако, к его удивлению, хозяин замка просто сидел за своим кубком с вином, не

требуя музыки, не обращая внимания на мягкотелую жену и толстогубого сына. Лишь изредка, когда собаки под столом начинали слишком громко рычать и драться из-за очередной брошенной им кости и он пинал их ногой, становилось ясно, что он вполне понимал, где находится. Через какое-то время он начал говорить, рассказывать о своих обидах, почти не делая пауз, только иногда дожидаясь кивка от менестреля.

Все зло пошло от крестового похода. Рыцари заложили свои земли, чтобы добыть средства на дорогу и снаряжение. После они продали свои права, чтобы заплатить выкуп, или жадные соседи ободрали их, как липку, хватая все, что попадалось под руку, пока владельцы отсутствовали. Так за что же они страдали? Куда ушли деньги? На грязных торговцев, разбогатевших на перевозке паломников по морю, на людей, начавших драться за концессии в Акре, как только город был освобожден ценой крови рыцарей. Ах, как эти купцы стремились сторговаться с неверными и получить барыш от покупки и продажи восточных товаров! Но Божьему делу помочь они брались только за плату.

А что же паломники и поставщики мощей? Собственными глазами хозяин замка видел, как один представитель этой братии отрезал указательный палец у мертвого мусульманина, а потом продал его как палец святого Фомы, которым тот ощупывал раны воскресшего Господа. Клянусь Матерью Божьей, в землях герцога, в Австрии, есть три указательных пальца святого Фомы, и подлинность каждого подтверждена святой церковью, тоже богатеющей на чудесах исцеления. Из крепости Дюрренштайн можно посмотреть вниз и увидеть дороги, кишащие бюргерами, разъезжающими торговцами, набожными мошенниками и евреями-ростовщиками, которые не осмеливаются высунуться за

границу. Как моль они пожирают богатство честного рыцаря, бьющегося за истинную веру, чтобы лишь страдать от голода, как мышь, которая попала в ловушку шкафа, сохранившего запах сыра.

«Да он дьявол, а не человек», — ошеломленно подумал менестрель. Хозяин Дюрренштайна вплеl в свою тираду короля Ричарда, обвинив его в высокомерии, с которым он распустил армию. Договор Ричарда с Саладином оставил Иерусалим в руках неверных, превратил баронов в безземельных бедняков, разорил паломников-рыцарей, отправившихся за море, чтобы завоевать себе поместья в королевстве.

Менестрель слушал, время от времени кивая, когда этого требовала важность довода. Он думал: «Неизвестно, что этот человек может предпринять, по приказу из Вены или без оногo. В любую ночь, напившись, он может подняться по лестнице на башню с мечом в руке и убийством на уме». Кроме того, он думал о том, как рано он сможет отсюда убраться и под каким предлогом; раздобудет ли лошадь или придется тащиться пешком; в Вормсе ли еще император Генрих или переехал в Ратисбон. Стараясь унять дрожь в руках, он прижал их к коленям.

Император переехал в Ратисбон, а епископ Майнцский, который путешествовал вместе с ним, продолжил путь вниз по реке до Вены. Там он тайно уединился с герцогом Леопольдом.

— Император требует передать короля Ричарда ему в руки, ибо этот самый король причинил ему большую несправедливость.

В притворном гневе герцог Леопольд ударил по ручке кресла:

— Как я могу выдать короля Ричарда, если у меня его нет?

— Если нет короля Ричарда, — сказал посланник, глядя герцогу прямо в глаза, — извольте сдать Дюрренштайн.

Леопольд вздрогнул, краска бросилась ему в лицо. Целую минуту он смотрел на епископа, опустив подбородок на руку, и обдумывал то, что услышал.

— Кто вам сказал, — наконец спросил он тоном, не сулившим кому-то ничего хорошего, — о Дюрренштайне?

Епископ покачал головой, поскольку сам этого не знал.

— Император заплатит вам часть выкупа, — пообещал он.

— Сколько? — быстро заинтересовался Леопольд, приготовившийся задорого продать своего пленника, если уж ему не суждено его удержать.

Епископ вернулся в Ратисбон с согласием, подписанным и скрепленным печатью, а герцог Леопольд, взяв с собой сорок воинов, поскакал в Дюрренштайн, где он осведомился, как сторожили пленника и с кем он говорил. Визит менестреля не произвел здесь большого впечатления, потому что странствующие актеры постоянно заходили в замок. Даже в момент прибытия герцога во дворе находилась парочка представителей этой профессии.

— Если он ни разу не оставался один и ни с кем не говорил, то, наверное, он подкупил одного из стражников.

Но хозяин Дюрренштайна поклялся, что ни один из стражников никогда не оставался наедине с пленником. Даже он сам во время своих редких визитов в башню всегда брал с собой двоих людей, поскольку король Ричард силен и мог быть опасен.

— Ей-богу, я докопаюсь до правды, — поклялся герцог.

Его соблазняла мысль подвергнуть владельца замка пыткам. Но скорее ответ мог знать другой человек, находившийся в замке. Леопольд поднялся по лестнице и вошел в маленькую комнатку, где содержали короля Ричарда.

Король сидел на единственном стуле и смотрел на своего врага. Это был высокий мужчина с рыжими волосами, голубыми глазами и желтой кожей, так как загар от восточного солнца поблек в тусклой и холодной комнатке, освещаемой одной узкой щелью в стене. Его одежда обносилась и немного потерлась, плечи были закутаны грубым одеялом. Тем не менее он безусловно имел вид человека, которому не требовалось прикладывать усилия, чтобы его заметили, так как он был первым и в любых обстоятельствах должен был оставаться первым.

Герцог Леопольд, не желая стоять в присутствии пленника, сел на кровать. На это Ричард поднял рыжеватые брови, но ничего не сказал.

— Вы поедете в Ратисбон, — резко начал герцог. — Император Генрих хочет предъявить вам весьма крупный счет!

Ричард не проявил ни удивления, ни беспокойства. Он просто мягко заметил:

— Ну, прием у императора будет более... теплым, чем в этой мышиной норе!

— Кто передал ему послание от вас? — спросил герцог. Он сжал руку в кулак и ударил себя по колену. — Предупреждаю, я обязательно получу ответ!

— Ничтожный человек, — король поднял голову и посмотрел на Леопольда свысока, — герцоги не разговаривают таким тоном с королями. С императорами, насколько мне известно, это возможно.

Герцог нахмурился, переполняемый ненавистью к своему беспечному, высокомерному пленнику, которо-

му не хватало здравого смысла, чтобы просто быть вежливым. В распоряжении Леопольда имелись пытки, а когда дело доходит до них, то короли ничем не лучше своих подданных. Но Ричард не обращал внимания на угрозы. Император Генрих, заметил он, надеется получить его в надлежащем состоянии.

При этом напоминании герцог Леопольд свирепо посмотрел на Ричарда. Он знал, что не выдержит возмущения церкви, своего сеньора-императора и даже своего народа, если будет обходиться с королем Ричардом как с обычным преступником. «Это может стоить мне герцогства», — зло подумал он.

— Клянусь Девой Марией, — произнес он, — на свете существуют яды, убивающие не сразу. Считается также, что некоторые лихорадки и язвы заражают постель больного человека. Король Ричард Английский может прибыть в Ратисбон в добром здравии, а потом уже заболеть... В Иерусалиме, насколько я помню, тоже был прокаженный король.

Нельзя было сказать, что король Ричард побледнел, поскольку цвет его лица и так был нездоровым. Естественное для него высокомерное выражение также осталось прежним, но какое-то время он сидел молча, обдумывая слова герцога. Наконец он повернул голову и кивнул на дверь, рядом с которой застыли два охранника:

— Пусть выйдут, они могут подождать снаружи. — А когда стражники не могли их слышать, он спросил: — Чего вы хотите?

— Кто выдал ваше местонахождение? — зло спросил герцог Леопольд. — Его жизнь или ваша, мой король.

— Поклянитесь на кресте вашего меча, что доставите меня в Ратисбон, не причинив вреда. Тогда скажу.

Герцог Леопольд поклялся. Ему доставляло удовольствие наблюдать, как от страха король пал столь низко. Этот триумф хоть немного его утешил. А виновника он велит разорвать на части во дворе под окном короля. Слышимость здесь была хорошая — из окна очень ясно доносилось пение менестрелей.

Ослепительно улыбнувшись ему, Ричард показал на щель в стене, сквозь которую слышалось монотонное пение:

— Это был мой менестрель Блондель, напевший под окном мотив, который я для него написал. Вам следовало схватить его, когда он развлекал вас, потому что теперь уж он вряд ли когда-либо появится в Дюрренштайне.

СТЯЖАТЕЛИ

1204 год

— Мы не можем себе этого позволить, — возразила госпожа Маргарита де Буавер сирю Эду, когда они оказались надежно укрытыми за пологом своей кровати.

Эд гневно крикнул и дернул к себе покрывало, показывая, что как хозяин имеет право на большую его часть.

— Вы когда-нибудь перестанете меня винить, что на турнире в Труа солнце слепило мне глаза? Знаете вы хоть одного рыцаря, которому всегда везло? И теперь в наказание я должен сидеть дома до конца жизни?

Он повернулся к жене спиной и спрятал лицо в подушку.

Это были несправедливые слова, и оба они это знали. Средства семьи Буавер пришли в такое расстройство не из-за покупки для сира Эда коня и доспехов, а из-за расходов на участие в четырех крупных турнирах прошлым летом.

— Вам потребуется новая палатка, — не умолкала хозяйственная Марго, — с вашим гербом. Шелковая, конечно. Затем копыя и второй боевой конь. Такие расходы! Ваши турнирные доспехи требуют починки, и это

нельзя доверить кому попало в Буавере. Юный Вильгельм снова вырос из всей своей одежды, никто из наших слуг не выглядит достойно, и сопровождать вас некому. Ваше зеленое платье никуда не годится. На нем совсем нет меха — одна лиса, пойманная в нашем лесу, не в счет. — Она тихонько вздохнула. — Все мои платья стали слишком тесны.

— Вам лучше остаться дома, — свирепо сказал Эд. — Это позволит сократить расходы.

Стало совсем тихо — Эд притворился спящим, и радуясь и печалься одновременно. Марго вытерла глаза уголком покрывала, пытаясь найти утешение в том, что его предложение имело смысл. Со своей коренастой фигурой, вздернутым носом и желтоватым цветом лица Марго казалась неуместной среди придворных дам, и все ее попытки приодеться оказывались пустой тратой времени. С другой стороны, ей было больно узнать, что Эд мог обойтись без нее. Они считались любящими супругами, потому что Марго обладала неисчерпаемым запасом здравого смысла, на который Эд всегда полагался. Она принесла ему хорошее приданое и в числе прочего поместье Бопре, граничившее с его собственными землями. Родила ему двух дочерей и курносого сына, в котором он души не чаял. Но он все никак не мог успокоиться.

Единственным недостатком Эда в глазах Марго было его романтическое стремление занять в этом мире важное место. По счастью, он не пользовался успехом у придворных дам, но зато всем сердцем стремился побеждать на сельских турнирах. Земли Буавер были весьма скромным феодальным поместьем, поэтому призы и zakлады, которые Эд привозил домой, ни разу не могли покрыть все его долги. Марго научилась себя ограничивать и боялась визитов помощника настоятеля большо-

го цистерцианского аббатства, вечно норовившего поднять процент за ссуду. Пока хватало духу, она хранила молчание, считая, что не обладает нужными чарами, чтобы утешить мужа в обмен на потерю дорогого ему турнирного волнения. Теперь же, когда она высказалась, Эд уехал один, оставив Марго обсуждать вопросы экономики с встревоженным управляющим и заниматься расширением старых платьев со служанками.

Молодому Тибо, графу Шампанскому и устройтелю турнира, пришла фантазия возглавить новый крестовый поход. Короли, давшие обеты вырвать Иерусалим из когтей Саладина, больше думали о своих домашних ссорах, чем о Божьем деле. Они воротились из похода, сделав лишь половину дела, оставив священное королевство съезжившимся до размера острова Кипр да нескольких сирийских портов. Даже король Ричард отказался от общего дела и вернулся домой, чтобы погибнуть в мелочной ссоре с одним из своих французских вассалов. Думы верующих возвращались к первому крестовому походу, когда паломниками были мелкие сеньоры, не оставившие Европе серьезных проблем. Папа Иннокентий направил во Францию проповедника, некоего Фулька из Нейи, и Тибо пригласил его выступить перед рыцарями, собравшимися в его замке. Те, кто принимали крест и оставались в армии в течение года, получали отпущение всех совершенных ими грехов, при условии, что они должным образом исповедаются и покаются.

Когда Эд вернулся в Буавер с крестом на плече, Марго зарыдала и упала в его объятия. Они не относились к числу супругов, позволяющих себе предаваться телячьим нежностям, но Эд прижал ее к себе и даже сам уронил слезинку-другую.

— Я это сделал ради вас, — сказал он, — чтобы разбогатеть.

Следующие несколько месяцев Эд был возбужден и полон сожалений, деятелен и тосковал по дому, гордился своим замком и кичился предстоящими подвигами. Марго скоро осушила слезы и улыбкой демонстрировала свою гордость помощнику настоятеля, когда тот приходил по поводу нового займа.

Турниры требовали значительных трат, но крестовый поход был разорителен. Даже Эд приходил в смятение от своих расходов. Втайне от него Марго показала свои драгоценности странствующему еврею, но тот лишь покачал головой. Все дамы в этой стране продавали такие безделушки, и их цена сильно упала. Марго их отложила и с вызовом надела, когда один сосед, принявший крест, прискакал рассказать Эду о приготовлениях к путешествию.

Каждый паломник, сообщил он, должен самостоятельно добраться до Венеции, там все крестоносцы собираются вместе и садятся на корабли. За немалые деньги венецианцы обещали перевезти лошадей, людей, продовольствие и еще дать пятьдесят военных галер. Сколько именно должен внести каждый рыцарь, было еще неясно, но Эд на этот раз пришел в отчаяние.

— Если мне придется заложить Буавер, — сказал он Марго, — как же вы будете жить?

— Лучше продайте Бопре, — спокойно ответила Марго.

— Приданое Анны и обеспечение малышки Элеоноры для поступления в монастырь Святой Маргариты! Как это возможно?

Марго не унывала:

— Вы его выкупите на сокровища Востока.

Эд оживился:

— И правда! Бог платит своей армии добром, отнятым у неверных. Через пару лет мы все разбогатеем!

Даже после продажи Бопре лишь благодаря аккуратности и изобретательности Эд сумел собраться в дорогу. К счастью, аббат-цистерцианец Тома, важный сеньор, по слухам близкий к самому папе, тоже решил отправиться в поход. Он посчитал удобным оплатить расходы нескольких храбрых рыцарей на путешествие до Венеции, поскольку предгорья Альп изобиловали грабителями, которые могли без должного уважения отнестись к его духовному сану.

Следующей весной Эд двинулся в путь. Как только он оставил Марго, она лишила замок всех гобеленов, вытканых ее собственными руками, и серебряного кубка, подаренного отцом графа Тибо своему крестнику. Ковры, привезенные из Бопре, часослов с картинками, принадлежавший матери Марго, лучшие вина из запаса, настоящие специи — все это ушло: что-то в монастырь Святой Маргариты, что-то странствующим торговцам, все еще роившимся в округе, подстерегая выгодные сделки. Все остатки уюта, созданного Марго для Эда, все, что соответствовало ее рангу, было продано, и замок опять стал таким же зловещим и мрачным, каким был когда-то, — каменная крепость, стена и хижины рядом с ней. Таким образом, раздобыв немного наличных денег, Марго спасала Буавер от полного разорения.

Тем временем Эда мучили те же проблемы. Армия оказалась не такой многочисленной, как ожидалось, поскольку многие паломники предпочли плыть на собственных кораблях. А собравшиеся в Венеции смогли собрать гораздо меньше той суммы, о которой был уговор. Вожди отдали золотую и серебряную посуду, рыцари вроде Эда распродали свою экипировку, оставив самое необходимое, но и это не помогло.

Без полной оплаты венецианцы не давали ни транспортных судов, ни нанятых моряков, ни военных га-

лер, которые должны были их сопровождать. А в это время армия, стоявшая лагерем у города, все глубже вязла в долгах за продовольствие венецианским купцам.

Энрико Дандоло, дож Венеции, по праву возглавлял город, населенный практичными купцами. Правда, он был невероятно стар, почти слеп, и его водили за руку, а секретари всегда стояли за его креслом, готовые прочесть ему документ или водить его пером, когда требовалась его подпись. Однако никто не мог предположить, что Дандоло не доставало энергии или ума. Старость просто высушила его, а чувство собственного достоинства укрепило даже недостатки. Дандоло был жаден, но не ради себя, а ради Венеции. Город вырос на торговле — торговле с сирийскими портами, остатками Божьего королевства, торговле с Египтом, где на этом богатели наследники Саладина, торговле с Царьградом, на чьей растущей слабости наживались венецианцы. От христиан, неверных и греков богатство Востока текло в Европу через порт Венеции.

От этого крестового похода, как от всего прочего, Дандоло ждал прибыли. Почему нет? Венеция служила Богу, и разве не справедливо было бы, чтобы Бог ее за это вознаградил? Ни один купец, торговавший с Востоком, не забывал привезти домой сокровища и во славу Господа украсить ими собор Святого Марка. Дож Дандоло стремился дать Святому Марку самые великие произведения искусства.

— Если паломники не могут заплатить, — решил старый дож, — тогда дадим им заработать на проезд. Пусть возьмут Зару и заплатят нам трофеями, которые они там добудут.

В рядах крестоносцев возникла большая суматоха, поскольку город Зара, которого домогались венециан-

цы, принадлежал королю Венгрии, не просто христианину, а давшему обет присоединиться к их походу.

— Мы пришли сюда, — протестовал цистерцианский аббат Тома, — чтобы служить Богу, а не убивать других христиан.

Это, конечно, было совершенно верно, но аббат Тома не внес в общий котел ни своей серебряной посуды, ни мешков денег, объявив, что они принадлежат не ему, а Богу и ордену. Он продолжал есть и пить как принц, хотя основная масса армии сходила с ума, пытаясь изыскать средства для закупки провизии.

— Или мы идем дальше, или возвращаемся домой, — шумели те воины, которые не вложили в поход ничего, кроме самих себя, и не несли от дезертирства почти никакого убытка. Слыша эти крики, сир Эд де Буавер, как и многие другие рыцари, рассчитывавшие на этот поход, приходил в ужас.

— Я обещал жене выкупить Бопре, — признался Эд, чувствовавший угрызения совести после продажи поместья Марго.

Вернуться домой даже без тех денег, которые он взял с собой, означало привезти в Буавер разорение. Кроме того, его святейшество не то что не отпустил бы Эду грехи, а мог на веки вечные повесить их ему на шею. Эд очень хорошо представлял себе адский огонь, так хорошо, что его бросало в дрожь.

— Мы станем посмешищем для всего христианского мира, — заметил он в заключение. — Лучше взять За-ру и купить помощь венецианцев, чем допустить провал похода!

Дожд имел обыкновение спрашивать согласие народа на меры, уже определенные Большим советом. Не вдохновляемые сложной умственной работой простые граждане Венеции удовлетворялись одним этим ри-

туальным действием и с искренним чувством криками выражали свое одобрение. В первое воскресенье после подписания соглашения о взятии Зары огромный собор заполнили массы народа. Снаружи, на площади, еще несколько тысяч человек терпеливо ждали, пока глашатаи вслед за их дожем начнут повторять его слова. В толпе стояли члены экипажей изящных военных галер, больших транспортных судов, неуклюжих грузовых кораблей, плоских барж для перевозки лошадей. Половина жителей Венеции собиралась отправиться вместе с крестоносцами, естественно, при условии, что все получат свою плату, а купцы — прибыль.

Дандоло поднялся с председательского места в соборе и, тяжело опираясь на руку сына, медленно прошел через клирос к аналою. Там его продвижение еще более замедлилось, поскольку он осторожно нащупывал ногой каждую ступеньку. В конце концов, благополучно добравшись до места, он схватился за перильца обеими руками и поднял на огромную аудиторию по-прежнему блестящие глаза, словно ясно всех видел. Стало тихо, он сделал глубокий вдох, собираясь с силами, чтобы его старческий голос был услышан.

— Синьоры, — громко крикнул дож, — вы видите перед собой прекраснейших людей в мире. — Он выбросил руку в том направлении, где, как он знал, сидели рыцари-крестоносцы. — Вы собрались ради величайшего дела, которое когда-либо предпринимали люди. — Он снова умолк, переводя дыхание и готовясь к следующему усилию. — Я старый, слабый человек и нуждаюсь в отдыхе, но я понимаю, что никто не сможет управлять и руководить вами, кроме меня самого, вашего властелина. Если вы согласитесь, чтобы я принял знак креста, охранял и учил вас, а

мой сын остался на моем месте защищать эти земли, то я пойду жить и умирать вместе с вами и этими паломниками.

С великим воодушевлением народ выкрикивал свое согласие, пока дож осторожно спускался по ступеням и, отбросив руку сына, сам ощупью двигался к главному престолу, позади которого запрестольная перегородка из византийской эмали собирала все великолепие просторного собора в блеске золота и драгоценных камней. Многие глаза наполнялись слезами при виде старика, медленно пробиравшегося через клирос. Разве не был он готов умереть вдали от дома ради своего народа? Наконец Дандоло удалось опуститься на колени, и священники набросили на него плащ с большим крестом на спине, видимым из каждого угла собора. За дожем толпились другие, желавшие принять обет вместе с вождем.

Все это дож сделал на людях. А наедине с сыном и членами совета он заговорил о деньгах:

— Мы должны вернуть наши вложения, и за этими сеньорами нужен глаз да глаз. — В задумчивости он потер свою старческую щеку. — Между их вождями идут разговоры о Египте, они хотят направить корабли туда, потому что там находятся главные силы неверных. Мне не нужно вам объяснять, какой вред это нанесет мирной торговле. Если я сам отправлюсь с ними, то смогу придать этому крестовому походу нужное направление.

Слушатели кивали, на этот раз их глаза смотрели жестко и были сухи.

Марго де Буавер протрусила по своим бывшим владениям на лохматом пони и узнала, как жестоко относились монахи большого аббатства к хозяйствам, фео-

дальные обязательства которых заложил Эд. Накапливая богатства не для себя, а для Бога, монахи ничего не прощали. При любых обстоятельствах Марго стремилась выкупать скот и предметы обстановки; это приносило облегчение, но требовало новых расходов. Теперь не оставалось иного выхода, как просить аудиенции у настоятеля, которому аббат Тома доверил править в своем аббатстве. Она надеялась договориться о повременной оплате.

Лишь после долгих раздумий Марго набралась смелости, чтобы отправиться в аббатство. Ее платья обносились, кожа на руках покраснела от работы, а в редких волосах появились седые пряди. Но когда аббатиса монастыря Святой Маргариты рассказала ей о письме, полученном настоятелем от аббата Тома, стремление узнать новости пересилило нежелание ехать в аббатство. Следующим утром пораньше она выехала из замка и прибыла в аббатство лишь к обеденному часу, поскольку стояла зима и дороги были грязными. Настоятель передал, что не сможет ее принять.

Марго устала, промокла и проголодалась. Она опустилась на каменную скамью в домике привратника, а слезы катились по ее пожелтевшим щекам и капали на платье. Круглолицый привратник, добрая душа, засуетился и принес кружку вина. Марго, продолжая тихонько всхлипывать, отказалась.

— Это все из-за отлучения, — сказал привратник, объясняя поступок настоятеля. — Аббат Тома...

Вздрагнув, Марго выпрямилась:

— Какое отлучение?

Привратник оглянулся по сторонам. Переполненный новостями и, естественно, слухами, не теряя времени, он рассказал, как войско крестоносцев разграбило христианский город. Охваченный горем и гневом, его свя-

тейшество провозгласил анафему всей армии. Эта новость пришла прямо от аббата Тома, который непрерывно осуждал злых паломников.

Марго стала поститься, она приходила поплакать к маленькому алтарю в часовне Буавера. Зима была дождливой, и ее ноги распухли от холода так, что она с трудом могла надеть обувь. В это время Эд, квартировавший в полуразрушенной Заре, страдал от дизентерии. Существенная часть добычи ушла на оплату услуг венецианцев, поэтому Эд не имел возможности содержать слуг, и те его оставили, перейдя на службу к более богатому рыцарю. К счастью, его все еще допускали к столу аббата Тома, который постоянно высказывался за поход в Святую Землю. Но поскольку зимнее море было весьма опасно, этот добрый человек не осмеливался показать пример.

Даже отмена папой своего проклятия почти не встретила одобрения. Прощение не распространялось на венецианцев, но во дворце, где в роскоши жил Дандоло, не придавали большого значения проведению церковных служб. «Святой отец одумается», — говорил Дандоло. Немедленного ответа требовал вопрос, могут ли они себе позволить отправиться на Восток. Венецианцев наняли лишь на год, причем лето было потеряно впустую в Венеции, осень и зима — в Заре. Не получая гарантий новой оплаты, венецианцы были вправе придерживаться условий сделки и через несколько месяцев могли отправляться по домам.

И снова Дандоло выдвинул план. В лагерь недавно прибыл молодой принц, сын последнего греческого императора Исаака, теперь уже свергнутого, ослепленного и находившегося в заточении у своего брата. Этот принц Алексей был прекрасный молодой человек, особенно симпатичный тем, кому нравился женственный

стиль, и через браки состоящий в родстве с некоторыми принцами, участвовавшими в экспедиции. Дандоло его принял и заключил с ним непростую сделку. За возврат императорского трона в Царьграде Алексей обещал двести тысяч марок серебром, невероятную сумму, которой не только хватило бы для венецианцев, но и еще осталось достаточно на поддержку армии. Он также намеревался выделить десять тысяч воинов и послать их с крестоносцами в поход. После этого он до конца своих дней обязался держать в Святой Земле пятьсот рыцарей, чтобы защищать их завоевания.

Даже аббат Тома соблазнился такой огромной компенсацией, рассудив, что повод не такой уж несправедливый, поскольку Алексей, очевидно, являлся законным наследником. Кроме того, принц туманно намекал на возможность обращения Царьграда в истинную католическую веру. Лишь немногие священники продолжали твердо требовать, чтобы войско выполнило свой обет, а не вмешивалось в дела другого христианского города. Но так как они не предлагали способа нанять достаточное количество транспортных судов, то люди более сведущие в больших делах заговорили о договоре, который был должным образом подписан на условиях Дандоло.

Весной войско христиан выступило из Зары, венецианские военные корабли гордо двигались за большой красной галерой своего дожа. На одном из огромных транспортных судов, приводимом в движение веслами и парусами, сир Эд повесил на леер свой щит с ярким изображением дуба — гербом Буаверов. Солнце освещало флот, выхватывая из всей массы веселые флаги и позолоту больших строгих кораблей. Надулись паруса. Ритмично взлетали и погружались весла. Наконец-то они двинулись в путь. Рыцари убеждали друг друга,

что повод уважительный и награды будет довольно, чтобы всех избавить от нужды, в которой они оказались.

В Буавер пришла весна, успокоив Марго известием об отмене папского отлучения. Окот овец прошел удачно, а поскольку на землях от Нормандии до Аквитании произошел большой падеж скота, цены на шерсть повысились. Крестьяне устраивали пирушки по случаю весенней пахоты и освящения своих яблонь. Земли Буавера с трех сторон граничили с территорией большого аббатства, а с четвертой — с Бопре, находившимся теперь в руках брата Марго. Таким образом поместье, по крайней мере, было защищено от мародеров, имевших обыкновение грабить земли отсутствовавших баронов. Марго проводила дни мирно, побуждая своих крестьян лучше работать на земле. Эд был бы поражен, если б увидел, как загорело и обветрилось ее лицо, но до его возвращения все еще было далеко, а о долгах приходилось помнить постоянно.

Увидев впервые Царьград, Эд пришел в восхищение, хотя и слышал уже рассказы об этом городе. Никакими словами он не мог передать впечатление от огромных двойных стен, за которыми высились купола дворцов и церквей. В то время, однако, владения империи существенно сжались под атаками неверных на востоке и христиан на западе. Многие торговые суда, стоявшие в огромной гавани, были иностранными, и особенно часто встречались венецианские корабли. Армия империи полностью состояла из наемников, завербованных в разных завоеванных землях. Для этих воинов их император был ничуть не дороже своего брата или племянника, которого франки хотели навязать городу. Зачем сражаться и отдавать жизнь за никчемных правителей?

Прошло лето, и принц Алексей стал императором Востока, а чтобы соблюсти приличия, его отец, слепой и ни на что не годный, сел рядом с ним на золотой трон.

В городе по широким улицам бродили франкские рыцари, глаза на торговые лавки, удивляясь церквям и бросая завистливые взгляды на невероятные дворцы.

— Алексей говорит, что не может заплатить то, что обещал, — проворчал Эд. — Разумеется, он может заплатить. Посмотрите на это! — Он показал на фонтан, не то обшитый листовым золотом, не то целиком отлитый из него и находившийся даже не во дворце, а на земле некоего Мурзуфла, мужа одной из царственных принцесс. — Вся эта знать склоняется перед своим императором, бьет лбом об пол! Не говорите мне, что он не может взять у них все, что захочет! В народе говорят, что он тратит деньги, словно воду, на пиры, драгоценности и благовония. Когда я был в свите аббата Тома, то слышал, что дож Дандоло говорил ему. «Мы сделаем вас императором, — сказал дож при всех нас. — Но если не заплатите, мы вас свергнем». Сурово сказал, и молодой дурак побледнел, словно труп. Даже не нашел в себе мужества ответить, а теперь он император! Император! — Эд пренебрежительно хмыкнул. — Все греки одинаковы!

В последнем своем утверждении он заблуждался. Запугать Царьград было непросто — он был слишком горд, в отличие от своего никуда не годного императора. Легко было схватить Алексея с Исааком, посадить на их место Мурзуфла, закрыть ворота для крестоносцев, разбивших лагерь вне городских стен, и поднять население, чтобы перевешать всех иностранцев, задержавшихся в городе.

Царьград подтвердил свое достоинство, но не смог его поддерживать при правлении такого человека, как

Мурзуфл, трусливо сбежавшего, как только крестоносцы начали осаду. Даже таким могучим стенам требовались защитники получше, чем наемники, служившие в течение одного года трем императорам, и все трое оказались никудышными.

Под огнем, мечом, насилием и разбоем Царьград пал. Веками собираемые сокровища остались без защиты перед людьми, пьяными от бесценных вин и красными от крови убитых. Воины франков рвали узорчатые портьеры, вдребезги разбивали хрустальные бокалы, раскалывали изящные столики, инкрустированные слоновой костью, объедались сладостями или неуклюже наряжались в шелковые платья и священные облачения. Многие хватали женщин, прятавшихся по углам, срывали кольца с их пальцев и жемчуга с их голов. С помощью мечей рыцари отдирали листы кованого золота с бесценных статуй, серебряные петли и задвижки с распахнутых дверей дворцов. Из гробниц крали драгоценности, а с одежд самого императора — кружева.

В величественном соборе Святой Софии солдаты срубили колонны из чистого серебра, захватили потиры, всего сорок штук, золотые кадила, серебряные подсвечники, обшивку алтаря и огромный престол, густо усыпанный драгоценными камнями. Даже аббат Тома и его братья-священнослужители присоединились к грабежу, алкая сокровищ другого рода. Здесь находились золотые ларцы с дарами, принесенными волхвами Иисусу, скрижали с законами, которые Бог дал Моисею, трубы, от чьих звуков пали стены Иерихона. Истинный дом для этих реликвий находился в католическом христианстве, среди верующих, и сокровищ здесь было в изобилии. В одном лишь императорском дворце стояло тридцать часовен с кусочками Истинного Креста, копьем, пронзив-

шим Господа, гвоздями, вбитыми в его руки, не говоря уж о неисчислимых мощах и останках святых.

Константинополь, оплот христианства, лежал беззащитный и разграбленный. Франкские бароны и венецианские купцы захватили его дворцы и короновали нового императора Робера, графа Фландрского. Святая София огласилась песнопениями по римскому обряду. Дождь Дандоло выдвинул претензии на три восьмых территории империи и обдуманно выбрал острова и порты, которые приносили бы Венеции прибыль.

Эти радостные известия принес Марго помощник настоятеля, поспешивший в Буавер с лстивой уважительностью человека, знающего, что теперь получит сполна все долги.

— С Божьим благословением, — воскликнул он, — наше воинство паломников привело Восток под владычество святейшего отца, которому Господь наш доверил ключи от рая!

Марго нахмурилась, немного озадаченная. Она как раз занималась маканием свечей, отчего ее ветхое платье было забрызгано воском.

— Значит, паломники наконец отправятся в Иерусалим? — спросила она.

— Иерусалим! — Помощник в негодовании развел руками. — Когда предстоит завоевать целую империю! Освятить всю Грецию и Малую Азию! Бог вручил им эту работу, и они ее не бросят. Их победу его святейшество отметил благодарственным молебном в соборе Святого Петра.

Марго улыбнулась, полностью избавленная от тревоги.

— Спасибо, брат Иаков, — приветливо обратилась она к помощнику настоятеля, — вы принесли самые лучшие новости, которые мне когда-либо приходилось

слышать. У нас ничего нет, кроме слабого пива... поскольку мы его предпочитаем другим напиткам, — добавила она, высоко держа голову. — К тому же я не могу вас отпустить без стаканчика, ведь мы должны выпить за тот день, когда сир Эд вернется домой.

Помощник настоятеля не любил слабое пиво, и у него были другие виды на сира Эда, чье поместье Буавер так заманчиво граничило с землями аббатства на юге.

— Дорогая мой госпожа, разве это возможно, чтобы сир Эд вернулся, в то время как в Греции и Берберии столько земель — стоит лишь протянуть руку? Такой доблестный рыцарь, как сир Эд, завоюет для себя место среди сильных мира сего. Когда вы станете править как герцогиня Афинская или Спартская, Буавер ничего не будет для вас значить!

— Сир Эд — сеньор Буавера, — кисло возразила Марго, — и наш сын им станет, когда подрастет. — Она нахмурилась, представив себе Афины как огромный замок, заполненный дурно воспитанными слугами и нахальными молоденькими девицами, одетыми по последней моде, среди которых она будет не на месте. — Я совсем заболталась, а у меня котел остывает. Но я благодарю вас за визит, брат Иаков, и обязательно передам сире Эду, как высоко вы его ставите.

Она неловко, но с достоинством присела и удалилась, позвякивая ключами на поясе.

Права оказалась Марго, а помощник настоятеля ошибался. Однако их обоих ошеломило сообщение, содержащееся в следующем письме аббата Тома. Пока аббат оставался на Востоке, ибо священников высокого ранга католической веры здесь было трудно сыскать, хотя в полях уже созревал урожай. Тем не менее этот добрый человек не забывал о своем аббатстве. Под наблюдением храброго рыцаря сира Эда он посылал бесценное со-

кровище, которое Бог позволил ему собственной рукой снять со стены императорской часовни. Это не что иное, как подлинный меч святого Петра, которым он нанес удар, защищая в саду нашего Господа, и отсек ухо рабу. За исключением Истинного Креста, скреплявших его гвоздей и одеяний Господа, для христианина не может быть реликвии, обладающей большей силой. В этом деле нужно было поспешать, специальной тайнописью добавил аббат, пока его святейшество, наследник святого Петра на земле, не потребовал эту реликвию. По этой причине сир Эд без промедления отправлялся в путь и должен был прибыть до наступления зимы.

Марго в некотором смятии осмотрела свой гардероб и не нашла ничего подходящего для встречи сира Эда. Дети носили укороченную одежду и старые чулки, штопанные грубыми нитками. Ликующий помощник настоятеля предложил новый заем, теперь, когда сир Эд разбогател на восточных трофеях, но Марго больше не хотела иметь с ним дела. Она отправилась в монастырь Святой Маргариты, где монашки обрадовались возможности отложить вышивание новой на престольной пелены, чтобы помочь чем могли. Аббатиса даже вынесла драгоценности Марго.

— Я купила их, когда вы нуждались, — призналась она, — чтобы сохранить их для вас.

Слезы стояли в глазах Марго, но гордость не позволяла принять подарок.

— Я с удовольствием одолжу их у вас, — ответила она, целуя аббатису, — пока Эд их не выкупит.

Тощих лошадей в Буавере заботливо, с любовью привели в порядок, смазали упряжь, начистили пряжки. Было много работы: стирка, починка плащей и камзолов, ремонт оружия и даже стрижка волос. Никакое поспешное применение розовой воды и молока не помогло

ликвидировать следы разрушения, которые работа вместе с воздействием дождей и солнца оставила на руках и лице Марго. Она не выглядела как знатная дама, зато могла рассказать Эду, насколько уменьшился их долг теперь, когда собран урожай.

Монахи отправились из аббатства после заутрени; длинная процессия растянулась вдоль извилистой реки, протекавшей через их владения. Во главе ризничий нес крест, инкрустированный геммами, подаренными аббатству матерью Марго на благо своей души и души ее мужа. Далее на муле в алой попоне ехал настоятель, сопровождаемый своим помощником и другими должностными лицами. За ними попарно шли монахи, а затем — братья-миряне, выполнявшие в аббатстве всю грязную работу. После них ехала Марго с детьми и челядью, с братом, сеньором де Гранпре и массой других баронов, имевших земли рядом с аббатством. Замыкали процессию крестьяне этого края в праздничных костюмах, вперемешку с нищими, которые надеялись получить подавание, больными, жаждущими чуда, разносчиками и актерами, нюхом чуявшими заработок на общем празднике. На границе земель аббатства был брод через реку, а рядом с ним стояла часовня, сооруженная на вклад сеньоров Гранпре, в которой ежедневно служили мессы за упокой их душ. Именно в этом месте монахи намеревались получить свое сокровище. Разведчики, высланные настоятелем, так хорошо выполнили свою работу, что процессия, повторяя в своем движении все извивы реки, вскоре увидела другую, появившуюся из низкорослого леса и приближавшуюся к броду.

Монахи начали торжественную песнь, а многие крестьяне бросились дальше по берегу реки, чтобы лучше видеть. Марго прикрыла рукой глаза, нетерпеливо всматриваясь через головы монахов, не на черном ли

боевом коне возвращался Эд с войны. Тогда бы он надел кольчугу и взял вымпел с дубком — гербом Буавера; но такого всадника впереди не было видно. Он мог одеться в зеленое платье, как всегда в торжественных случаях — ведь серебристый и зеленый были цветами Буавера, — и сесть на рабочую лошадку. Но никого похожего она не сумела разглядеть на противоположном берегу. Впереди процессии шел мужчина и нес большой черный крест, за ним пешком двигались остальные. Ярko-красный балдахин на шестах, видимо, скрывал реликвию. Следом за балдахином шла толпа людей.

В предчувствии беды у Марго сжалось горло. Где же Эд? Не сказав ни слова брату, ехавшему рядом, она повернула лошадь вдоль берега за толпой крестьян, бегом обгонявшей колонну монахов и почти заглушавшей их пение возбужденными криками.

Черный крест приблизился вплотную к броду, но тот, кто его нес, не стал приподнимать свои одежды, а сразу ступил в воду, огибающую отмели. Процессия без колебаний последовала за ним, красный балдахин раскачивался в ее центре, а несли его — да, конечно, четыре воина, одетые в зеленые костюмы с серебряными эмблемами! Правда, те двое, что находились ближе к Марго, ей были совершенно незнакомы — чернобородые мужчины, похожие на иностранцев. Где же Эд?

Обе процессии готовились к встрече. Настоятель и все священники спешили — их лошадей и мулов осмоторительно убрали назад, — а монахи выстроились широким полукругом. Человек с черным крестом вышел из брода и остановился, не зная, как быть теперь. Следовавшие за ним беспорядочно появлялись на берегу, и среди них Марго увидела Эда.

Он находился под балдахином, до этого момента скрытый от ее взгляда. Эд выглядел изможденным и загорев-

шим, был неузнаваем для невнимательных глаз, но только не для Марго. Его длинные волосы до плеч, которые весело кудрявились, когда он уезжал, теперь свисали прямые и жидкие; они выцвели до какого-то неопределенного оттенка, наполовину каштановые, наполовину седые. Всегда такой аккуратный во всем, что касалось одежды, Эд был лишь в одной длинной рубахе, какие носят кающиеся. Его босые ноги, правда не грязные, начисто вымытые рекой, кровоточили. Перед собой он нес алую подушку, поддерживаемую также кожаным ремнем, свисавшим с его шеи. На подушке лежал короткий и тяжелый меч с широким лезвием, темный, без какого-либо узора, только перевязь его была густо усыпана драгоценными камнями, а застежка на ней казалась золотой. Эд не оглядывался вокруг, как вел бы себя человек, возвращающийся с войны, а устремил взгляд на настоятеля, готовившегося завладеть сокровищем.

Настоятель был красивым мужчиной с приятными манерами и любил производить хорошее впечатление. По случаю такого события он приготовил речь, не длинную и не короткую, украшенную избитыми латинскими изречениями, хотя и не скучную. Возблагодарив Бога за милость к аббатству, аббата Тома за заботу о пастве и сира Эда за верную службу, настоятель двинулся вперед, чтобы принять меч, в то время как братья вокруг и позади него запели латинский псалом.

И тут вся церемония пошла прахом. Носильщики балдахина выставили свои палки, мешая настоятелю приблизиться, а Эд громким голосом воскликнул:

— Я, Эд де Буавер, раб Божий и его святой церкви, дал обет пройти босым от Константинополя до церкви Святого Фомы, принадлежащей аббатству Гранпре. Таким образом, пусть никто не касается этой святой реликвии, пока я не возложу ее там на алтаре.

Звуки псалма замерли, а настоятель побагровел от гнева. И восстановить-то свое достоинство он никак не мог, поскольку процессия Эда уже двинулась мимо него, целенаправленно протискиваясь через толпу монахов, которым пришлось расступиться и пропустить их. Через мгновение настоятель последовал за ними, а монахи принялись сумбурно перестраиваться, сомневаясь, стоит ли начинать радостный гимн, который должен был сопровождать получение реликвии орденом.

Марго, рысью двигавшаяся позади, не нашла, что ответить брату, пробасившему, что все это очень плохо и Эд сам нажил себе врагов. Украдкой бросив взгляд на ее окаменевшее лицо, он добавил уже ласковее:

— Если аббатство станет на тебя давить, мой кошелек в твоём распоряжении. Меня так же не устраивает, чтобы монахи проглотили Буавер, как это не устраивало нашего отца, когда он отдал тебя и приданое сирю Эду.

Марго опустилась на колени у самых дверей церкви аббатства и пыталась молиться, а Эд прошел вперед и возложил меч на алтарь. Наконец-то монахи могли запеть радостный гимн. Поднявшись с колен, Эд спустился от престола, оставляя на холодных камнях кровавые следы босых ног. Его глаза искали Марго. С учтивой грацией он взял ее руку и поцеловал. В переполненной церкви его дети опустились перед ним на колени, и, благословляя, он положил руки на их головки. Одна рука Эда была изуродована страшным шрамом. Он поймал взгляд Марго.

— Мои поединки и турниры закончены, но я еще сгложусь, чтобы учить нашего сына отстаивать честь Буавера, — сказал он мягко, не забывая об окружавшей их толпе любопытствующих.

— Это лошадь ударила меня копытом, — объяснил он ей позднее, сидя на краешке их кровати и глядя,

как она распаковывала узел, снятый слугами с вьючной лошади. — Меня сбили на землю на пороге императорской часовни, а затоптали свои же рыцари! Слава Богу, что мне не пришлось увидеть, что там творилось! — Он содрогнулся. — Я видел поле битвы и получил свою порцию драки. Мы разграбили Зару, и рассказ о том, что мы там творили, не для дамских ушек. Но Зара — ничто по сравнению с Константинополем. Ничто! Ну-ка, дайте мне эту красновато-коричневую ткань. Я взял ее у одного купца, который был почти моего роста — это было в Заре. Хорошая материя, а ему больше не нужно было одеваться. В Константинополе... — Он замолчал.

Марго развернула красноватые чулки, с сомнением поглядев на ноги Эда, которые она промыла и перевязала. Эд взял у нее чулок и начал надевать, неуклюже натягивая его здоровой рукой поверх полотняных лент, обернутых вокруг ноги. Не поднимая головы, он спросил:

— Как дела в Буавере? Я вас оставил в стесненных обстоятельствах.

— Все хорошо.

— Добычу разделили, — сказал Эд, по-прежнему пряча лицо. — Мне выдали мою долю в драгоценностях, чтобы я мог путешествовать налегке. На Востоке без правой руки я уже не мог принести пользы. Можно было еще завоевать богатые феоды, но мне всегда не везло...

— Это не важно, — сказала Марго. — У нас есть Буавер.

— Эти драгоценности... — Эд перестал притворяться, что надевает чулки. — Их сняли с золотых сосудов, стоявших на главном престоле. Я прикрепил их... да-да, прикрепил к перевязи меча все, кроме жемчу-

жин. Нужны были деньги на корабль, охрану, ну и на процессию. И потом, ведь мы так и не исполнили своего обета, хотя теперь уже освобождены от него. Понимаете?

Радость и смятение нахлынули на Марго, эти чувства так смешались, что она не могла отличить одно от другого. Как-то сокровища Востока, видимо, не сочетались с Эдом. Он вернулся без гроша и стыдился этого.

— Лучше вернуть Богу Богово, ведь сеньоры Буавера никогда не были ворами.

Эд обнял Марго и поцеловал, а она положила голову ему на плечо и заплакала. Он сказал:

— Я беден, но, по крайней мере, вернулся не с пустыми руками. Я привез нам одну священную вещь, которая сделает для нас больше, чем все драгоценности, похищенные с Божьего алтаря. — Он нащупал шнурок на шее под рубашкой и показал медальон из чистого золота, выполненный в форме раковины. — Это лежало подо мной, когда мои воины нашли меня при входе в часовню, и аббат, когда добычу разделили, предложил мне оставить его себе, сказав, что эту реликвию нельзя ценить как обычное золото. Мы повесим его над алтарем в Буавере, чтобы оно приносило благословение нам и всем нашим потомкам на веки вечные.

Марго смотрела на медальон с благоговением, боясь его коснуться, чтобы не осквернить что-то настолько святое.

— Что же это? — выдохнула она.

— Оно висело в часовне под мечом святого Петра. Это ухо того раба!

НЕВИННЫЕ

1218 год

Когда поток детей вливался на улицы Марсея, солнце ярко сияло над мокрыми крышами и блестящими после дождя булыжниками, освежая картину этой потрепанной, трогательной процессии. Во главе ее развевалась орифламма, алое знамя с раздвоенным, как у ласточки, хвостом, которое добрый святой Денисий вручил как талисман французским королям. Мальчик, который нес знамя, был одет только во все алое с головы до ног; в этот костюм облачили его любящие и благочестивые родители, доверяя единственного сына детской армии. Алый чулок испачкался в грязи, прекрасная курточка промокла под дождем и покрылась пятнами, поскольку ему частенько приходилось спать на земле. Но так как он был красивым пареньком приблизительно двенадцати лет, то многие глазевшие на процессию женщины, увидев его, восхищенно ахали.

Позади орифламмы группа мальчиков более неказистого вида толкалась вокруг повозки, запряженной парой осликов и украшенной зелеными ветками и пестрой тканью самых разных цветов. Под балдахином, с которого продолжала изредка капать собравшаяся

дождевая вода, на бархатной подушке сидел Богом избранный ребенок, неподвижный, словно статуя, лишь покачивавшийся в такт движению повозки по булыжной мостовой. Его звали Стефаном, он был темноволосям мальчиком с тонким загорелым лицом и такой уверенностью в манерах, какую не смогли бы превзойти благословенные святые в церкви. Руки он сложил на коленях, прикрытых одеждой из грубой овчины, которую он носил как принято у пастухов — мехом внутрь. Его взгляд был неотрывно устремлен вверх, к царствию небесному.

За повозкой шагали дети Франции, сгруппировавшись в отряды, и перед каждой группой реяло свое алое знамя. Они были всевозможные, эти флаги, из грубой домотканой материи, поблекшей от солнца и дождя, или шелковые, сохранившие яркий цвет благодаря дорогой краске. Дети тоже были самыми разными: белокурые и смуглые, дети в лохмотьях, в одежде из простой материи, из хорошего сукна, крепкие двенадцатилетние подростки и малыши лет по шести, не более, которые брели вперед, держась за руки старших сестер. Они шли не сотнями, а тысячами, и тоненькие дисканты призывали детей этого рода последовать за Богом.

Женщины прижимали к себе своих детишек. Глаза отцов семейств метали молнии в сторону своих отпрысков, которым, если бы они осмелились сбежать со Стефаном, уже была обещана такая порка, какой еще мир не видывал. Однако самые смелые бросались в гущу марширующих групп, и те с привычной неприужденностью смыкались за ними и своими телами загораживали их от родителей.

— О, малoverные! — выкрикнул молодой священник, имевший довольно щуплое телосложение, но вы-

глядевший гигантом среди детей, рядом с которыми он шагал. — Неужели вы запрещаете своим детям следовать за Богом?

Это был трудный вопрос. Все знали, что детской верой можно двигать горы, но собственный ребенок Гуго или Рауль, бесенок с хорошо известными недостатками, требующими исправления, не походил на тех, кто раздвигает воды или заставляет оружие падать из рук неверных. Никто не ответил молодому священнику, хотя многие в страхе перекрестились. Женщины запричитали, когда измученный ребенок рухнул к их ногам, но, шатаясь, поднялся снова, слабым движением отталкивая протянутые к нему руки.

— Бог меня позвал, и с моей верой я смогу идти дальше.

— Откуда вы? — кричали мягкосердечные матери.

Большинство детей не обращали на них внимания, но некоторые молча всхлипывали, и лишь немногие отвечали названиями деревень, которых здесь никто не слышал.

— Куда идете? — выкрикивал высокий священник, указывая вперед.

И детские дисканты, скатываясь вниз по улице, отвечали:

— В Иерусалим!

Боров Вильгельм, стоявший в толпе в первом ряду зевак, потому что всякий, кто его знал, из благоразумия постарался отойти в сторону, уловил ответ высокого священника на вопрос какого-то зеваки и поднялся на цыпочки, чтобы приблизиться к уху Железного Гуго, главного из своих капитанов.

— Пройдут по воде! — воскликнул Вильгельм. — Ты слышал, что он сказал? Они собираются дойти до Иерусалима прямо по морю. Силой веры!

Железный Гуго откинул голову назад и загоготал.

Было и много других, кто посмеивался над ними, хотя, когда на рыночной площади Стефан встал в своей повозке, чтобы всем рассказать, как его позвал Бог, вокруг воцарилось неловкое молчание. Мальчик говорил как посланец Божий, обещая раздвинуть воды с такой уверенностью, что даже в морском порту сумел заронить смутную надежду на свою правоту. В его свите находились священнослужители и благочестивые паломники, обычные люди, сами ни на что не претендовавшие, а просто следовавшие за детьми. От присутствия взрослых речи мальчика воспринимались с еще большим доверием.

Боров Вильгельм и Железный Гуго отправились восвояси, они занимались важным делом, но вынуждены были прерваться из-за прибытия детей. Таким образом, в то время как все добрые горожане распахивали двери своих домов для крестоносцев, Боров Вильгельм с Железным Гуго входили в пивную у причала. Это было захудалое место, отмеченное лишь засохшей веткой плюща, подвешенной на рейке рядом с сигнальным фонарем, который в данный момент не горел, словно заведение было закрыто.

Внутри вместе с одним из своих капитанов ждал Али Сицилиец, у каждого за поясом было по тесаку и паре ножей. Хозяин принес им кувшин пива и тактично отправился заниматься своими делами в подвал. Четверка вела переговоры тихим шепотом, усевшись на табуретах вокруг грязного стола и стараясь держать руки на виду и подальше от оружия. Как и предполагал Вильгельм, Сицилиец хотел слишком многого.

— Мои капитаны не примут этих условий, — сказал Вильгельм, изображая нерешительность, чтобы вызвать собеседника на откровенность.

Сицилиец улыбнулся, и отблеск сальной свечи усилил белизну его зубов.

— Мои люди их быстро убедят.

Вильгельм решил быть осмотрительным и показать, как он обеспокоен. Его огромное тело заколыхалось.

— Мы пришли с охранным свидетельством.

С беспечной уверенностью Сицилиец помахал рукой:

— Поступай как знаешь, но к полудню уговори своих людей.

Вильгельм немного поерзал, стараясь скрыть облегчение. Ему стало ясно, что Сицилиец предпочел договориться, а не драться. А раз так, на него можно было надавить.

— Полдень — срок слишком близкий, — осторожно сказал он. — И я не думаю, что мусульманин поступает мудро, угрожая портовой войной, особенно в то время, когда повсюду говорят о святых чудесах и неверных богохульниках. Пожалуй, если бы один из этих детей был убит, что вполне возможно, — он со значением выдержал паузу, — то никто не спас бы мусульманина от разъяренных горожан.

— Наше соглашение, — сердито, но испуганно возразил Сицилиец, — было твоей идеей.

— Было, было, — спокойно согласился Вильгельм, — на моих условиях.

Сицилиец щелкнул пальцами:

— Вот тебе твои условия! Я дам неделю.

Вильгельм это обдумал и заключил, что Сицилиец, несмотря на всю болтовню, был пешкой для своих людей, которые имели численное превосходство перед людьми Вильгельма. Дело могло закончиться стычкой, но Вильгельм предпочитал драться по-своему. Требовалось потянуть время.

— Одну неделю. Я поговорю с моими капитанами.

Вильгельм и Гуго встали и ухитрились пробраться к двери и выйти на улицу, не поворачиваясь спиной к Али и его капитану. Никто их не подстерегал и не напал на них, когда они вышли, и это ясно показало, что Али рассчитывал на сдачу.

— Дурак! — Вильгельм был немногословен.

Гуго положил руку на короткую дубинку, железная верхушка которой дала ему прозвище.

— Подождем их здесь? — шепотом спросил он.

Вильгельм презрительно хмыкнул:

— Сицилиец слишком хитер, чтобы выходить в ту же дверь, через которую вошел. В подвале есть свободный проход, ведущий через шесть домов в переулок.

— Откуда ты знаешь?

— Хозяин сказал.

Железный Гуго промолчал. У Борова Вильгельма имелись различные способы убеждать людей делать что он хотел. Кроме того, чтобы попасть в нужный переулок, им пришлось довольно долго следовать петляющим маршрутом, и Вильгельм, несмотря на свою массу, двигался быстро. Он хотел занять позицию раньше, чем выйдет Сицилиец.

Они прошмыгнули мимо старого сторожа, описывавшего круги с фонарем и знавшего Вильгельма достаточно хорошо, чтобы смотреть в противоположную сторону. Свет фонаря, однако, обнаружил странную картину. Прижавшись к порогу, для тепла обхватив друг друга руками, скорчились бездомные бродяги, отребье из крестоносцев, увечные, со стертymi ногами, которые прокрались в город, когда закрывали ворота, и завалились спать на улице. Вильгельм пнул одного из них, чьи ноги оказались у него на пути, и злобно выругался:

— Черт бы тебя побрал, отродье... — Он на бегу продолжал бормотать непристойности все тише и тише,

пока не умолк совсем. Дело, предстоявшее им с Гуго, не нуждалось в свидетелях, и требовалось, чтобы переулочек был пуст.

К несчастью для Вильгельма, группа юных крестоносцев выдернула задвижки в лавке поношенной одежды на углу того самого переулка. Они ограбили лавку, выломали доски, разожгли с их помощью огонь, на котором жарили неаппетитные мясные обрезки. Владелец лавки, один из тех мусульман, которые, как и сицилийцы, наводняли порт, решил, что поступит мудро, примирившись с потерями. Таким образом, узенький переулок, в котором предполагалось совершить черное дело, был полон народа, словно пивная, не говоря уже о том, что его освещало прыгающее пламя импровизированных факелов. Боров Вильгельм остановился, не выходя на свет, и с удвоенной энергией выругался:

— Клянусь Богом и всеми святыми, если бы это была любая другая ночь, погрузил бы я вас на корабль и продал в Тунис.

— Какой груз! — согласился Железный Гуго, который по опыту знал, что свеженький мальчик был таким товаром, за который мусульмане всегда давали приличную цену. — Если мы не подберем здесь парочку, значит, наше дело совсем плохо, — добавил он с надеждой.

— Чтобы нас повесили на рыночной площади. — Вильгельм презрительно фыркнул. — Нам сейчас одного врага довольно! У нас война на носу. — Он поспешно удалился, не желая, чтобы его увидели в этом месте: тогда стало бы ясно, что ему известно о тайном выходе и что он явился к нему с дурными намерениями.

На три дня задержался Стефан в городе, пока отряды отставших крестоносцев медленно собирались в примитивном лагере за стенами города; среди них были

больные и умирающие, а были и нагруженные добром, награбленным по пути. Гильдия пекарей установила для них печи, трактирщики давали пиво, богатые купцы — одежду. Даже Боров Вильгельм, чей интерес к крестовому походу изумлял всех, кто его знал, погрузил на тележку пару больших бочек с солониной и лично доставил их высокому священнику, стремясь завоевать своим жестом его полное доверие.

— Его звать Тома, — сообщил он Железному Гуго, — он сын сестры епископа де Бове.

— Значит, сестра епископа родила унылого дурака, — съязвил Гуго, обеспокоенный тем, что Вильгельм не старался свести счеты с Али и даже не обсуждал дело с капитанами. — Надеюсь, он отравится твоей провизией, — добавил он злобно.

За то короткое время, на которое задерживался поход, молодой священник Тома стал заметен в городе своим ростом, энергией, религиозным служением и невиданной набожностью. Крестовый поход сопровождало незначительное число священников, и в основном это были простые крестьяне, не пользующиеся авторитетом. Городское духовенство, получившее инструкции от своего епископа, монахи, послушные своему аббату, и даже святые братья ордена святого Франциска предупреждали, что лишь святые творят чудеса. Несмотря на невинную веру многих из них, практичные горожане скоро обнаружили, что некоторые их гости были бесстыдными ворами. Гуго считал их умнее священника Тома и прямо об этом заявил; но Вильгельм задумчиво почесал рыжую голову и выразил мнение, что иногда вера бывает полезна.

— Вот увидишь, — пообещал он.

На третий день все дети в количестве приблизительно семи тысяч собрались на рыночной площади и веду-

щих к ней улицам; они несли узелки с подарками от любезных хозяев и поднимали деревянные кресты, свое оружие против неверных. На всех лицах сияли улыбки, ибо они ждали, что трудности путешествия закончатся, когда Бог раздвинет море и возьмет их под свою защиту.

Стефан расположился позади алого знамени и повел их в гавань, туда, где пристань уступала место открытому пляжу, на который можно было вытягивать рыболовные баркасы, подложив под днище примитивные катки. В то утро на всем этом участке не было ни одной лодки, поскольку практичным морякам вовсе не хотелось, чтобы их потопила приливная волна, вызванная великим чудом. Стефан остановился у линии высохших водорослей, оставленных последним штормом, остальные дети толпились сзади, растянувшись вдоль той же линии, словно перед оградой. Алые флаги обеспечивали лишь примерный порядок, никаких колонн, шеренг — просто скопление детей, собравшихся на берегу моря.

Это был прекрасный день, свежий ветерок слегка рябил воду, поднимая волны не более фута в высоту; они разбивались в нескольких ярдах от детей и посылали в их сторону завихрения с аккуратной каемкой пены. Тем временем большой мол, городские набережные, крепостные стены и даже крыши тех домов, с которых открывался вид на гавань, потемнели от скопившихся там людей. Прошел час, пока собирались поющие дети, и все это время Стефан стоял неподвижно перед чертой из водорослей. Те, кто стоял сразу же за ним, позднее говорили, что, когда он бормотал незамысловатые молитвы, которые обычно читал в окружении своих овец, у него на лбу выступили капельки пота.

— Сын мой, — сказал священник Тома, наклонившись вперед и коснувшись его плеча, — пойдем вперед во имя Божье.

— Во имя Божье! — закричали мальчики вокруг Стефана, подняв деревянные кресты. Этот жест и крик повторил весь пляж.

— Во имя Божье!

Стефан порывисто запрокинул голову назад и поднял обе руки. Его рот раскрылся, словно он собирался что-то крикнуть, но никакого звука не последовало. Пробежав пять шагов вперед, он остановился у границы отступавшей волны, как бы призывая воду вернуться и намочить ему ноги. Когда вода так и сделала, он стоял, застыв, словно статуя, пока она плескалась вокруг его щиколоток.

Что он мог сделать или сказать, осталось неизвестным, но возбуждение, охватившее детей, превзошло все границы. С визгом, криком, несвязным бормотанием, обезумев от исступленной веры, они хлынули вдоль всего пляжа в воду — по щиколотку, по колено. Те, кто был сзади, толкали передних, застывших в нерешительности, и кричали, что Бог проверяет, боятся ли они утонуть.

Вскоре младшие стали спотыкаться, кричать и цепляться за старших. Другие уже зашли в воду по шею и изо всех сил старались найти ногой опору на постепенно опускавшемся дне. А сзади все скопление детей продолжало напирать и кричать, что их вера вынудит Бога сотворить чудо.

Поскольку море не раздвигалось, паника нарастала. Тех, кто старался выбраться обратно, толкали дальше вперед. Дети стали бросаться друг к другу, крича и задыхаясь, пытаясь карабкаться по телам товарищей. На мелководье несколько счастливицов начали выбирать-

ся на берег, они падали от усталости, их тошнило морской водой. Один из них почувствовал на плече руку и увидел высокого священника, склонившегося над ним в одежде, с которой капала вода.

— Достань лодки! — Он показал на причалы. — Скажи мужчинам, чтобы спустили лодки и принесли на пляж веревки. Дети тонут!

Уже крики и смятение привлекли внимание, в частности в порту, и люди бросились на помощь. Сицилиец Али обогнал толстяка Вильгельма, спешившего через пляж с веревкой на плече. Али ничего не сказал, но поднял четыре растопыренных пальца и потряс ими перед лицом Вильгельма.

— Четыре дня! — пробормотал Гуго.

— Ей-богу, — поклялся Вильгельм, остановившись на мгновение, — месяца не пройдет, как он пожалеет, что мне не удалось перерезать ему глотку у таверны!

Он поспешил дальше, и Гуго, ухмыляясь, побежал за ним.

Случиться самому худшему помешали лодки, веревки и цепи рыбаков, взявшихся за руки. Едва дышащих, не способных двигаться детей клали на берегу прямо на мертвые тела. Приблизительно две сотни из них были навсегда потеряны для всех грядущих крестовых походов. Большинство уцелевших медленно потянулись обратно в город; заплаканные или просто угрюмые, они оставили берег, разбросав повсюду свои кресты, а красные флаги плавали в волнах прибоя, где их выпустили из рук знаменосцы.

Стефан не отступил. Он спас знамя, которое всегда несли перед ним, и установил его на берегу. Стоя под ним с глазами красными то ли от морской воды, то ли от слез, он повторял каждому, кто проходил рядом:

— Бог дал обещание. Дал. Я верил, но остальные испугались.

Мало-помалу сотня детей или около того сгрудилась вокруг него и, тихо плача, выслушивала упреки Стефана.

— Мы все испугались, — согласился священник Тома, посадивший двоих самых маленьких себе на колени, а еще несколько малышей прижались к нему мокрыми головками. — Бог показал нам, как тяжело верить. Он готовит своих воинов ко дню, когда они должны будут встретиться с неверными, еще более злыми, чем это море.

Стефан поднял лицо, засиявшее от счастливой улыбки, которая часто завоевывала публику.

— Ну конечно, вот он какой! И хотя я не сомневался в его могуществе, в этот раз он меня отверг. Теперь моя вера снова стала совершенной. Бог отказал нам в одном чуде для нашего же блага, но он пошлет другое. Если нам не дано пройти по морю... — Он с тоской посмотрел на воду, словно ожидая, что Бог смягчится, но искрящиеся волны нерушимо катились в его сторону и разбивались о берег. — Если нам не дано пройти, мы переплывем. — Он посмотрел на детей и потряс головой. — Бог видит, как вы устали, как у вас стерты ноги. Он пожалел вас и пошлет нам корабли.

Новое обещание Стефана распространилось со скоростью молнии, поскольку он поторопился на рыночную площадь и начал проповедовать с той же самой повозки, которую бросил. Было удивительно, как он сумел приободрить детей; на следующий день создалось такое впечатление, будто жуткой трагедии на пляже вовсе не было. Однако убедить жителей города оказалось труднее. Требовать корабли для явной авантюры и не иметь ни гроша для оплаты — что могло быть абсурднее в

портовом городе? Скорее Бог раздвинул бы воды морские, чем люди предоставили корабли бесплатно.

Священник Тома обошел все причалы, но капитаны лишь качали головами:

— Вам лучше возвращаться домой.

— У нас нет дома, — отзывался священник. — Мы следуем за Богом.

Что можно было на это ответить? Теперь до сознания людей постепенно стало доходить, что для детей, не имевших понятия, где находились их родные деревни, возвращаться назад значило примерно то же, что идти вперед. Между тем ресурсы города, и так уже истощенные, не могли поддерживать детей-крестоносцев до скончания века.

— Господь смягчит ваши сердца, — настаивал священник Тома. — Я спрошу вас завтра.

На второй день вместо ответов он получал злые взгляды и ругательства. Людей возмущало, когда их донимали просьбами, хотя бы во имя Бога, сделать то, что они могли не делать. Каждый добывал средства к существованию, у всех были жены и дети, о которых приходилось заботиться. Кроме того, они постоянно ставили свечи доброму святому Андрею, покровителю рыбаков. Они оплачивали мессы за спасение душ тех, кого забрало море. На самом деле их религия давала человеку добро. Она не требовала от него бросить все ради армии детей, которая хотела все у него забрать и не предлагала ничего взамен.

— Убирайся! — грубо крикнул один из них и так сильно ударил священника, что тот растянулся во весь рост на булыжной набережной.

— Ради Бога! — в отчаянии вскричал священник, поднимаясь на колени. — Неужели ради Бога никто не даст нам корабли?

Боров Вильгельм, оба дня приходивший в порт наблюдать, что там творится, хлопнул в ладоши, выразив этим жестом внезапно принятое решение:

— Ради Бога я дам!

Чудо, происшедшее с Боровом Вильгельмом, произвело в порту почти такую же сенсацию, как жест Бога, которым он должен был открыть дно морское. Когда первое изумление отступило, все согласилось, что Вильгельм, очевидно, просто спятил. Так как он не владел достаточным числом кораблей, чтобы перевезти всех паломников, никто не сомневался, что он не сумеет выполнить обещание. Но скоро Али Сицилиец, о котором все знали, что он мусульманин, пообещал рискнуть своими кораблями. Теперь, если дети соглашались смириться с теснотой на палубах, кораблей набралось достаточно. Вильгельм сказал, что он нанял Али, но никто не мог вообразить, где он достал на это деньги. Железный Гуго, не принимавший участия в переговорах, перехватил Вильгельма, выходившего с мессы, и спросил напрямик, что происходит.

— Наши люди начинают беспокоиться, — заметил он.

Вильгельм нахмурил рыжие брови:

— Они беспокоятся уже месяц. Все как один готовы уступить любым условиям.

— Может, и так, — отозвался Гуго, с трудом сдерживая гнев. — Но каковы условия? Как, не зная их, они могут выйти в море с Али?

Вильгельм осторожно оглянулся вокруг:

— На улице не место для таких разговоров. Пойдем ко мне.

Усадив Гуго в передней гостиной, служившей ему конторой, Вильгельм воспользовался случаем и за-

шел в сарай, где две прачки стирали белье. От них он узнал, что его сестра, ведущая в его доме хозяйство, ушла поболтать к соседке. Вернувшись, Вильгельм разлил вино, отхлебнул из своего стакана и принялся пальцем рисовать узоры на поцарапанном столе, за которым он вел счета и расплачивался с капитанами. Наконец он поднял темно-серые глаза и уставился на Гуго.

— Скажи капитанам, что мы поделим прибыль от этого предприятия в соотношении с числом наших кораблей... две части нам, а пять — Сицилийцу.

— Прибыль? — переспросил, изрядно удивившись, Гуго.

— Али, — неторопливо произнес Вильгельм, — собирается продать детей в рабство в Египте. Не говори капитанам, им это не понравится, но можешь обещать, что, если прибыли не будет, я оплачу им поход.

Большой рот Гуго приоткрылся, отчего его лицо приобрело глупое выражение. Вообще-то его никогда не мучали угрызения совести, но масштаб преступления ошеломил. Продать в рабство весь крестовый поход — такой замысел не приходил ему в голову. Но когда Гуго все обдумал, это ему не понравилось. Однако, поскольку он не привык возражать Вильгельму, то и не знал, с чего начать.

— Но... почему в Египте? — нерешительно спросил он. — Ведь Тунис ближе.

— Али сицилиец, а у них война с Тунисом.

Гуго принял ответ и просто перешел к следующей позиции.

— Али никогда не заплатит нашим людям. Зачем ему делиться, два к пяти?

Сидевший неподвижно Вильгельм только пожал массивными плечами.

— Все это откроется, — запротестовал Гуго, воспользовавшись моментом. — Один из наших моряков обязательно заговорит. Кроме того, что люди подумают, когда корабли вернутся, но о детях никто ничего не услышит? За это нас поджарят на костре! Разорвут на части! Все сокровища Востока того не стоят!

Вильгельм встал, распахнул дверь и выглянул на кухню, находившуюся в задней части дома. Она по-прежнему пустовала. Он снова сел и наклонился вперед так близко к лицу Железного Гуго, как позволял стол.

— Ничего и никогда не откроется, — шепотом объяснил он, — потому что корабли и моряки не вернутся. Станет известно лишь то, что корабли и дети пропали в море. Это ты уладишь в Тунисе.

В смятении Гуго вытаращил глаза:

— В Тунисе? В Египте?

— Али думает, что идет в Египет, где у него есть друзья, а ты тайно продашь Али вместе со всеми кораблями, моряками и грузом эмиру Туниса. Мы назначим место встречи, и эмир пошлет свои корабли, чтобы захватить наши. И ему дадим заработать, и нам останется целое состояние.

Они станут сказочно богаты! Без всякой войны освободятся от Али с его требованиями. До Гуго начал доходить план во всей своей красоте и завершенности, и постепенно его лицо растянулось в усмешке.

— Старая лиса! — восхищенно произнес он. — Как тебе удалось заставить Сицилийца этому поверить?

Боров Вильгельм пожал плечами:

— Все его жадность и... — Он помедлил, подергав кожу на дряблой щеке. — По правде говоря, пришлось согласиться, чтобы молодой Филипп... гм... чтобы молодой Филипп стал одним из моих капитанов.

Гуго промолчал, не зная, что сказать. Молодой Филипп был сыном сестры Вильгельма и самым близким человеком, который мог стать наследником Вильгельма.

— Если бы Али победил нас в этой войне, — горячо продолжил Вильгельм, — они перегрызли бы молодому Филиппу глотку.

— Не сомневаюсь.

— Ему лучше остаться в живых, разве не так? — вскричал Вильгельм, нетерпеливо постукивая кулаком по столу. — Мне нужно, чтобы ты договорился о сделке, пока я здесь буду успокаивать Али. Так ты едешь или нет? Скажу тебе откровенно: если откажешься, я брошу тебя Сицилийцу, как собаке кость. Поедешь в Тунис?

Гуго уже успокоился. Судьба молодого Филиппа его не волновала, как и судьба священника Тома или мальчика-пастуха Стефана, который скоро узнает, насколько это бывает опасно — слышать глас Божий. Гуго и Вильгельм станут так богаты, как им и не снилось! Гуго готов был поклясться мощами святого Андрея, что если бы Боров Вильгельм происходил из знатного рода, то мог стать императором. У этого плана был единственный недостаток — они никогда не узнают, что скажет Али, когда поймет, какая ему уготована судьба. Тем не менее они смогут получить за Али деньги и устроят праздник, который надолго запомнят в порту.

— Когда выезжать? — спросил он.

Поскольку большинство детей, участвовавших в крестовом походе, были выходцами из деревень и их родители всю жизнь не удалялись и на пять миль от того места, где родились, очень немногие отправлялись искать своих пропавших сыновей. Еще меньшее

количество добиралось до Марселя. Своих доверенных следователей прислал епископ де Бове, а также один купец из Лотарингии, отец мальчика, несшего орифламму. К тому времени, как прибыли эти люди, без всяких вестей прошел уже целый год. Вильгельм, или Купец Вильгельм, как он теперь предпочитал, чтобы его называли, оплатил мессы по душам моряков, пропавших в экспедиции, а в память о своем несчастном утонувшем племяннике Филиппе посулил витраж новой францисканской церкви. Наверное, следователи собрали несколько грязных историй о Вильгельме, о котором было известно, что он силой собирал дань со всего порта. Однако духовенство похвалило его как щедрого прихожанина, заботившегося о матери-церкви. Многие грехи можно было простить человеку, чьи деньги делали столько добра. Наконец следователи вернулись к своим хозяевам, зная не больше, чем им было известно в день приезда в Марсель.

Вильгельм построил себе прекрасный дом, подобающий богатому купцу, и добился расположения вдовы члена гильдии, которая помогла ему войти в среду уважаемых старейшин города. Его даме нравилось наблюдать, как много людей почитает Вильгельма, и она гордилась построенным им зданием монашеского капитула.

Таким вот образом много лет процветал Вильгельм, у него появилась слабость к красивой одежде, отороченной мехом, но выглядевшей нелепо на его обширной талии. Железный Гуго тоже разбогател и утвердился в положении судовладельца. Время от времени Вильгельм размышлял о Железном Гуго. Обладание общей тайной вовлекло их в партнерство, имевшее свои опасные стороны. Ни один из них не осмеливался или не желал предать другого, но Гуго пил. Он пил

упрямо и молча, зато постоянно. Кто бы мог подумать?

Вовсе не лень мешала Вильгельму что-либо принять, а его собственная неосторожность. Когда появились посланцы епископа де Бове и взбаламутили всю грязь вокруг тайны, зарытой не слишком глубоко, Вильгельм, придя в смятение, спешно предупредил Гуго, что оставил запечатанное признание, которое будет вскрыто после его смерти. С тех пор его все время мучил вопрос, не вдохновил ли он Гуго принять такие же меры предосторожности.

О Детском крестовом походе почти забыли, и Вильгельм приобрел в городе огромное влияние. Тем не менее его не только боялись, но и ненавидели, что ему было известно. От одного неосторожного слова скверные слухи могли распространиться очень быстро, как подземный огонь. Много лет прошло с тех пор, как Вильгельм пользовался ножом, но он не забыл о местах в человеческом теле, куда его легче всего вонзить. Когда они с Гуго занимались общими делами, Вильгельм, оценивая, приглядывался к нему, поскольку всегда думал об этой проблеме, хотя никогда о ней не говорил.

Вежливый стук в дверь прервал вереницу его мыслей. Личный секретарь Вильгельма просунул голову внутрь и объявил о приходе с улицы человека с посланием для Вильгельма.

— Что за человек, тупица? — резко спросил Вильгельм. — Мы его знаем?

Секретарь колебался.

— Он приехал из другой страны и так выглядит, что сейчас его мать родная не узнает.

Вошедший в комнату человек был весь в шрамах, оставивших от его природного облика лишь жуткую парю-

дию. Огромный шрам, проходивший через все лицо, раздробил кости и собрал кожу неестественными складками. Передние зубы у него были выбиты, и поэтому он говорил шамкая. Вся его фигура согнулась и одновременно съежилась, поэтому он мог бы показаться стариком, если бы не растущая клочками редкая черная бороденка, частично скрывавшая форму подбородка и повреждения губ.

Такие зрелища не были необычными после войн, и Вильгельм взглянул на эти обломки человеческого существа абсолютно равнодушно.

— У тебя есть послание?

Незнакомец наклонился вперед, оперся костлявыми руками о стол и угрюмо уставился единственным уцелевшим глазом на Вильгельма.

— Не послание. Привет. — Он говорил медленно, с трудом заставляя слова появляться на разбитых губах, прикладывая болезненные усилия, чтобы они звучали членораздельно. — Привет из Египта.

— У меня нет дел с Египтом. — Вильгельм был настороже.

— Однако там тебя многие знают, в том числе раб по имени Тома, когда-то бывший священником.

Железный Гуго издал приглушенное фырканье, но Вильгельм сидел так, словно прирос к стулу. Он пытался найти в человеке, стоявшем перед ним, черты священника Тома, но это ему не удавалось. Его рост никогда не был слишком высоким, а глаз казался чересчур темным.

— Тома живет в рабах у купца, с которым наш судовладелец вел дела, — добавил незнакомец, все с тем же тщательным выговором.

Сердце у Вильгельма колотилось, словно хотело выпрыгнуть из грудной клетки, и ему с трудом удавалось

говорить ровным тоном. Случилась беда, которая, бывало, ему снилась, но когда он просыпался, то отказывался об этом думать.

— Теперь скажи, зачем, — спросил он с тягостным спокойствием, — ты пришел сюда со своей историей?

— А кому еще мне ее рассказывать, кто мне поверит? Сам Тома имеет большие связи, и он такой человек, что ему нельзя не верить. Случилось так, что он попал к хорошему хозяину, который освободит Тома за выкуп. Возможно, в Марселе есть много людей, которые смогут его выкупить, но только один человек платит гораздо больше, чтобы удержать его в Египте.

Вильгельм задумчиво потирал рыжую бровь; молчание затянулось.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Ты предлагаешь заключить сделку. Что ж, садись и выпей вина.

Поднявшись из огромного кресла, он прошел вокруг стола к комоду, где держал бокалы. Его движения, когда он хотел, были по-прежнему быстрыми, а рука не утратила ловкости. Нож ударил незнакомца в основание шеи, как Вильгельм и планировал, войдя в плоть легко, словно в масло. Крови вышло немного, и прищелец даже не пикнул.

Железный Гуго в смятении вскочил на ноги:

— Он никогда не пришел бы сюда, не доверив кому-нибудь ради защиты свою историю.

Вильгельм вытер нож о рукав мертвеца:

— Все может быть, но мы должны были использовать шанс. Он не за деньгами пришел, а мстить. Это был Али Сицилиец. Я узнал его по рукам.

В следующие полгода жена Вильгельма надоедала всем рассказами, как ее муж седеет на глазах и как плохо он спит. Однако ничего не случилось, и примерно через год Вильгельм мог вести дела с сицилийца-

ми, не вытирая поминутно пот со лба. Когда трое из них пришли к нему с самым нелепым планом похищения, который ему когда-либо доводилось слышать, он презрительно рассмеялся. Император Фридрих, молодой и энергичный человек, вселял ужас в не подчинявшихся законам граждан своего Сицилийского королевства, как мусульман, так и христиан. Он был бельмом на глазу у могущественных соседей, включая эмира Туниса и даже его святейшество папу, в прошлом опекуна Фридриха, теперь же мрачно сомневающегося, был ли тот вообще христианином. Не удалось точно выяснить, кто из высокопоставленных особ стоял за бессмысленным планом устранения императора, но Вильгельм не стал бы в это вмешиваться даже за все сокровища Востока.

Сицилийцы продолжали его уговаривать. Их главари были слишком известны и не могли заниматься этим делом, а связи Вильгельма тайно протянулись повсюду. Они решили, что никто другой не сумеет им помочь.

Вильгельм только качал головой, не пытаясь спорить и не прельщаясь предложенной суммой, хотя она была огромной.

Главный сицилиец, поняв, что все это его не волнует, пощупал у себя за поясом и отцепил висевший там небольшой кошелек.

— Тогда возьми вот это! — Он бросил кошелек на стол, и из него выкатилось несколько серебряных монет. — Это выкуп за некоего священника по имени Тома, которого содержат в Египте.

Лицо Вильгельма стало почти серым, у него закружилась голова, и сразу стало очевидно, что он глубоко потрясен.

— Кто этот Тома? — спросил он, но его голос звучал не возмущенно, а подавленно.

Глава сицилийцев безразлично пожал плечами:

— Али нам сказал, что ты отдашь все, что есть, лишь бы держать его в Египте... но Али исчез.

Вильгельм понял, что проиграл, по крайней мере на данный момент.

— За эту цену я смогу вам помочь, — согласился он.

Вильгельм послал за Гуго и отдал некоторые распоряжения. Он послал гонцов к своим агентам на Сицилии, в Неаполе, Тунисе и Риме. Пятеро из этих агентов принялись ткать паутину обширного заговора, в то время как Вильгельм приводил в порядок свои дела в Марселе, во всеуслышание рассказывая о деле, требующем его присутствия в Италии. Тем не менее он принял отчаянные меры предосторожности и за три дня до своего предполагаемого отплытия слег с оспой. Для себя он решил, что лучше умрет в своей постели, чем в темнице императора, который радушно принимал преступников, рассматривая каждого как удобный повод для проведения рискованных научных экспериментов.

Как только заговор был подготовлен, Гуго и сицилийцы оставили стонущего Вильгельма и уехали, полные сомнений; они подозревали, что он подцепил инфекцию намеренно, и будущее подтвердило мудрость сделанного им выбора. Через несколько недель, когда Вильгельм, поддерживаемый двумя преданными слугами, вошел в свою контору, ему сообщили, что Гуго и всех остальных повесили на рыночной площади в Сиракузах. В ящике позади его кресла был заперт кожаный кошель с серебряными монетами, предназначенными для освобождения Тома из египетского плена. На полке среди его посуды стоял серебряный кубок, из которого обычно пил Гуго. Вильгельм сделал знак слуге, стоявшему за креслом, и показал на кубок:

— Убери его отсюда!

Жена Вильгельма жаловалась, что он не поправился как следует после оспы. Он потерял в весе, кожа на лице свисала складками, чем сразу воспользовались враги и стали сравнивать его не с боровом, а с жабой. Однако отношение святой церкви к нему было, как никогда, доброжелательным. Он не жалел расходов на благотворительные цели, приобрел индульгенции об отпущении многих тяжких грехов и сложил всю кипу в ящик, где хранил кошелек с серебряными монетами. Эти бумаги защищали его от ада, но не от мести на земле, картины которой преследовали его по ночам.

Только один Вильгельм знал, как угнетало его, что сотканную паутину разорвала залетевшая в нее слишком крупная муха. Потеряв один за другим три корабля в стычках с пиратами, он безотлагательно продал все остальные. Он нанял пару телохранителей, сказав жене, что его беспокоят боли в сердце и он опасается выходить без сопровождения слуг.

В порту Марселя стали пропадать люди. Затем их тела всплывали в гавани с ножевыми ранами в спинах. Подобные знаки тайной войны между бандами не отмечались двенадцать лет со времени... теперь, когда эту тему стали обсуждать, то быстро вспомнили... Детского крестового похода. Конечно, после стольких лет даже родители жертв успели позабыть о том печальном эпизоде, поскольку дети умерли легко, а человеческая жизнь коротка. Один человек о них помнил, поскольку не мог не помнить.

Наконец судьба постучалась к Вильгельму — тихонько. Открывший дверь слуга увидел высокого худого мужчину с загаром как у моряка, немного сутулого, в старой, выцветшей одежде, которую, должно быть, носило несколько человек, прежде чем она попала к нему. Его рот был плотно сжат, щеки высох-

ли и ввалились, глаза смотрели недоверчиво, выдавая в нем человека, привычного к опасностям. На оживленной улице было заметно, как он держался сточной канавы, предоставляя всем остальным двигаться, как они привыкли, по противоположной стороне. Слуга, который посчитал его кем-то вроде нищего, с кислым видом сообщил, что в это время господин никого не принимает, поскольку дремлет, отдыхая.

— Меня твой господин примет, — скромно, но уверенно ответил худой. — Меня зовут Тома, и я прибыл из Египта.

— А, что? — проворчал Боров Вильгельм из-за двери, ведущей в контору, приоткрытой ради свежего воздуха. — Кто меня спрашивает?

Тома повысил голос:

— Семь тысяч детей требуют Божьей кары.

Озадаченный этой необычной ремаркой или, как он сказал позднее, ощущением ужаса, слуга отошел в сторону, позволив Тома переступить порог и оказаться лицом к лицу с Вильгельмом, который вцепился в ручки кресла, словно пытаясь подняться на ноги. На какое-то время воцарилось молчание.

— Так ты процветаешь! — воскликнул Тома, отметивший полированное дерево, турецкий ковер и кресло, обитое кордовской цветной кожей. — Мне говорили, но я хотел увидеть своими глазами. Слышишь ли ты по ночам детские крики?

Вильгельм крепко сжал пальцы, но сердце колотилось слишком сильно и не позволяло ему встать. Он оскалился, словно загнанный в угол зверь:

— Нет, никогда.

— Никогда не лежишь без сна, содрогаясь при мысли о дне, когда одного из них Бог наконец отправит домой?

Нож все так же был у Вильгельма за поясом, но он не сомневался, что история Тома стала известна всему кораблю, на котором он приплыл. Он шел к дому Вильгельма открыто, в разгар дня, а за ним, возможно, следовали другие, знавшие о его планах. Бесполезно продолжать хитрить и путать следы. Правда вышла наружу.

Приложив отчаянное усилие, Вильгельм перевел дыхание и повернулся к слуге:

— Вышвырни этого парня за дверь и оставь меня одного!

Слуга сделал шаг, чтобы выполнить приказание, но Тома, скользнув вокруг скамьи, увернулся от его рук. Он уже собирался закрыть за собой тяжелую парадную дверь, но его отвлекла стая черных дроздов, с шумом сорвавшаяся с крыш и расположившаяся на дереве через дорогу от дома. Тома догадался, что это демоны поджидали предназначенную им душу, и, когда он повернулся еще раз заглянуть во внутреннюю комнату, Вильгельм уже лежал в кресле с перерезанным горлом, выронив из руки нож.

СВЯТОЙ

1298 год

В августе двадцать пятого числа в год 1298-й от Рождества Христова король Филипп Красивый отправился с процессией в Сен-Дени, чтобы выкопать останки Людовика Святого. С большой помпой он препроводил их в Париж, где они были захоронены в ярко расписанной часовне, построенной Людовиком для тернового венца и других святынь, выкупленных за огромную цену в Константинополе. Таким образом, король-святкой снова поселился во дворце, где он жил и трудился на благо своего народа. Для его черепа король Филипп приказал изготовить золотую раку, инкрустированную драгоценными камнями.

Присвоение королю Людовику статуса святого было больше чем просто признанием его достоинств и добродетелей. Это решение символизировало подчинение папства королю Филиппу после долгой борьбы за политическую власть в христианском мире. За двадцать восемь лет, прошедших после кончины Людовика, сила его святости неоднократно творила чудеса исцеления, что проявлялось, главным образом, в излечении больных людей, которым король являлся во сне. Со свойственной

ему внимательностью к бедным и простым людям, он чудодейственным образом осушил затопленный подвал силой, заключенной в одной из его изношенных шляп. Никогда не возникало сомнений в набожности и добродетелях короля, служившего Богу до своего смертного часа. Если при жизни король Людовик на голову возвышался над человеком среднего роста, то после смерти он казался своему народу выше любого смертного.

Доказательств его святости было накоплено множество, но некоторые папы проявляли нежелание канонизировать человека, приходившегося отцом одному, а затем дедом другому правящему королю Франции. В подтверждении подобных духовных притязаний своего политического противника они чувствовали опасность. Таким образом, окончательное признание Людовика святым означало ослабление святого престола и усиление могущества короля Филиппа.

В честь такого небывалого триумфа королевского дома был устроен пир, на котором король Филипп председательствовал, облаченный в сине-алое платье и мантию, усыпанную золотыми звездами и подбитую горностаевым мехом. Рядом с ним за столом сидели два его брата, далее — самые могущественные сеньоры страны, а прислуживали им рыцари в шелковых туниках. Менее знатных баронов удостоила своего стола королева Жанна, жена короля Филиппа и правящая королева Наваррская. Компания собралась веселая, потому что королю с королевой еще не было тридцати лет и королева Жанна любила видеть вокруг себя радостные лица. На красивом лице короля, как всегда невозмутимом, иногда мелькало торжествующее выражение. Придворные, понимавшие настроение своего властелина, оживленно болтая, старались дать ему возможность помолчать и полностью насладиться своим триумфом.

Гуго де Бонвиль, управляющий двором Филиппа, сидел рядом с Иоанном де Жуанвилем, который получил место среди господ высшего ранга благодаря преклонному возрасту и близости к Людовiku Святому. Сьер де Жуанвиль был маленьким, высохшим человечком с лицом, напоминавшим увядшее яблоко; он почти не участвовал в беседе, частично потому, что редко бывал при дворе и окружавшие его люди были ему незнакомы, а также потому, что, стараясь беречь последние зубы, жевал чрезвычайно медленно.

— Клянусь ночным колпаком Бога, он так и сказал! — весело воскликнул управляющий двором. — Я сам это слышал.

Сьер де Жуанвиль учтиво подался вперед и потянул де Бонвиля за рукав.

— Если мне будет дозволено в день нашего святого, — сказал он, со старомодной грацией склонив голову, — осмелюсь напомнить вам, что наш возлюбленный Людовик Святой считал любую божбу оскорбительной для Бога. За все время, которое я его знал, он никогда не сказал ничего более сильного, чем «по правде говоря, это так».

— Пошел к черту! — коротко отозвался сир Гуго, ходивший у короля Филиппа в любимчиках, а потому не привыкший выслушивать выговоры.

Когда старик отвечал, его борода дрожала от гнева.

— Я и сам придерживаюсь манеры нашего благословенного святого. Каждый, кто клянется именем Бога или дьявола в замке Жуанвиль, получает затрещину, кем бы он ни был.

— Избави меня, Боже, от замка Жуанвиля! — вскричал сир Гуго, вызвав взрыв насмешек у своих друзей.

Дальше дело не пошло, поскольку в присутствии короля о ссоре никто не мог и подумать. Память старика,

ясная в том, что касалось прошлого, путалась в настоящем, поэтому он, казалось, позабыл об этом случае. Но сир Гуго не забывал пройтись по поводу старого дурака де Жуанвиля в кругу близких друзей. Один из них, Ангерран де Мартиньи, человек низкого происхождения, но значительного честолюбия, стремился возвыситься, пользуясь покровительством сира Гуго. Поэтому на следующий день он важно вошел в помещение, где этот старик, согласно желанию королевы, собрал ее пажей, чтобы рассказать им несколько историй из жизни Людовика Святого. Послушав минуту-другую, де Мартиньи громким голосом прервал рассказчика:

— С каких это пор у слуг пошла мода одеваться лучше господ?

Старик посмотрел на него, подняв брови:

— Сударь, я вас не знаю, но осмелюсь заметить, что в ваши годы я не перебивал старших.

Сир Ангерран от души расхохотался:

— Времена меняются, старина. В мое время считается, что придворному не подобает носить платье более изысканное, чем у короля. Но хотя Людовик Святой обычно одевался в простое серое сукно без всяких украшений, вы приходите ко двору разодетый в шелка.

Наступила тишина, и все, кто находился в помещении, повернулись и прислушались. Даже граф Людовик, младший брат короля, собиравшийся бросить кости, поднял голову. Сир Иоанн де Жуанвиль поднялся со своего табурета, воспользовавшись лежавшим с ним рядом посохом, и устремил на Ангеррана гневный взгляд:

— Сир рыцарь, когда я, будучи в вашем возрасте, собирался ко двору Людовика Святого, я надевал великолепное зеленое платье, подбитое мехом и очень дорогое. Магистр Робер из Сорбонны, человек хоть и незнатного происхождения, но зато умный и ученый, очень сердил-

ся и упрекал меня за чересчур нарядную одежду. Я сказал магистру Роберу, сударь, что мои родители оставили мне в наследство соответствующий ранг, чтобы носить богатую одежду, и я, поступая так, отдавал им почести. А вот он, надевая хорошее платье, унижал достоинство своих родителей, носивших бумазею.

Граф Людовик расхохотался, и многие к нему присоединились, поскольку родители сира Ангеррана, люди скромного происхождения, из мелких провинциальных землевладельцев, никогда не стремились наряжаться в шелка, которые теперь носил их сын. И хотя сир Ангерран нахмурился, он продолжал стоять на своем.

— И что же ответил Людовик Святой?

— Он принял сторону магистра Робера, и я разозлился, поскольку считал, что говорил хорошо. Но чуть позже он уселся на ступени своей часовни и позвал своего сына, отца нашего доброго короля: «Садись сюда поближе ко мне». Молодому Тибо, королю Наварры, он тоже сказал: «Садись и ты рядом». Молодые люди попросили извинения, ведь сесть рядом с королем и коснуться его они считали проявлением неуважения к нему. Мне он также приказал сесть рядом с ним, и я был вынужден так поступить, а молодые люди присели ступенькой ниже. Король наклонил голову вперед, чтобы мы, все четверо, оказались совсем близко друг к другу, и сказал: «Должен сделать признание. Я встал на сторону магистра Робера, потому что видел его затруднения, но на то, что я сказал, вы не должны обращать никакого внимания. Сир Иоанн де Жуанвиль прав: вы должны одеваться так, как подобает вашему положению, тогда старшие никогда вам не скажут, что вы тратите слишком много, а младшие не заявят, что вы тратите слишком мало».

— У этого старика память, — зловредным тоном произнес сир Ангерран, — как кувшин с маслом, ко-

торый питал Елисея. Всякий раз, когда нужно, там что-то находится.

— Сир Иоанн служил верой и правдой, — возразил граф Людовик, поднявшись, подходя ближе и по-прежнему держа в руке шкатулку с игральными костями.

— С вашего разрешения, сударь! — крикнул Гуго де Бонвиль. — Отчего же, когда наш святой король вторично принял крест, этот верный слуга, любивший его так долго, отказался за ним последовать? Когда Людовик Святой умирал, что он думал о сире Иоанне, который повернулся к нему спиной в час величайшей нужды?

Полная тишина наступила после этого замечания; глаза старика наполнились слезами, и струйка покати-лась по щеке. Он был настолько поражен, что хотя и шевелил губами, но не смог издать ни звука. Пожалев его, граф Людовик поспешил вступиться:

— Всем известно участие сира Иоанна в первом крестовом походе короля Людовика. Ему нет нужды оправдываться, почему он не пошел в поход снова.

Тыльной стороной руки старик смахнул с глаз слезы и изобразил неглубокий старомодный поклон в сторону графа Людовика:

— Благодарю вас за любезность, прекрасный господин, но я, с вашего позволения, отвечу, ибо вопрос сира Гуго затрагивает мою честь.

— Тогда мы рассядемся вокруг вашего табурета, буд-то мальчики-пажи, — вскричал граф и бросился на пол, показывая пример. — Не сказал бы, что ваша честь под вопросом, но вы можете дать нам урок на примере Людовика Святого.

Поскольку ни сир Ангерран, ни сир Гуго не посме-ли спорить с братом короля, они тоже сели на пол, но, демонстрируя свое неодобрение, привалились спинами к стене и слушали рассказ, прикрыв глаза.

— Когда король Людовик отправился в свой первый крестовый поход, сеньоры мои, — начал старик, — ему исполнилось тридцать четыре года, а я был на десять лет моложе. Мой дед ходил в крестовый поход с королем Ричардом. Тот поход сохранил несколько прибрежных городов и имел незначительный успех, пока не начались ссоры между королями и знатными сеньорами, принимавшими в нем участие. В результате создалось мнение, что мелкая знать, не преследовавшая собственных политических целей, лучше выполнит порученную Богом работу. В такой поход с большими надеждами отправились два моих дяди, но его достижением стало лишь взятие Константинополя и открытие легких для завоевания территорий в павшей империи, что отвлекло энергию крестоносцев от Палестины. Позднее Иоанн Бриеннский, широко известный как добрый и храбрый рыцарь, был избран королем Иерусалима и главой нового крестового похода, направленного против Египта, поскольку никто не мог контролировать Святую Землю, не победив мусульман в том месте, где заключалась их сила. Как мне часто говорил отец, этот поход был почти успешным, но в конце концов и он увяз в серой грязи Нила.

После всех этих неудач пришел император Фридрих, однако Бог запретил всем Жуанвилям служить этому человеку. Его святейшество папа клеймил его почти так же, как неверного, и объявил в Европе крестовый поход против него со всем отпущением грехов, которое обычно предоставляется. Тогда то ли дьявол помог ему из злобы, то ли Бог осудил нас за наши грехи, но только император Фридрих по соглашению получил Иерусалим, и в течение следующих десяти лет Святой Город оставался христианским. В конце этого периода неверные протянули руку и забрали его обратно. Пос-

ле этого принял крест наш святой король Людовик Девятый, чтобы еще раз вернуть Иерусалим.

Судите сами, как я стремился последовать за ним, ведь я был молод, жаждал приключений и вырос на рассказах о крестовых походах, в которых храбро служили мои предки. Мое поместье в то время не стоило и тысячи ливров, но я заложил все, что мог, нанял одиннадцать рыцарей, не считая их слуг, и намеревался на одном корабле с моим кузеном д'Апремоном переправиться в Святую Землю. Из замка Жуанвиль я вышел пешком, босой, с посохом паломника в руке, чтобы подготовиться к обязанностям, которые я на себя принял, и справить обряды в нескольких местах, где хранились священные реликвии. И хотя очень часто мое сердце оборачивалось к Жуанвиллю, моей жене и новорожденному сыну, я никогда не оглядывался назад, помня о данной Богу клятве.

Никогда еще ни один крестовый поход не был подготовлен так хорошо. Ведь на Кипре, где мы все собрались, король закупал продовольствие в течение двух лет, и построенные там огромные пирамиды из бочек служили амбарами, в которых на обширном пространстве хранилось зерно, укрытое и защищенное проросшим внешним слоем, будто соломой. Там не было места для колебаний в выборе цели, поскольку наш безгрешный господин в первую очередь всегда думал о Боге, а во вторую — о своем народе, и никогда у него не возникало никаких себялюбивых побуждений.

Мы поплыли в Египет, как вы все знаете, чтобы победить неверных там, где они были особенно сильны. Все море, насколько мог видеть глаз, покрылось парусами наших судов, а большие корабли сверкали золотом и были расцвечены флагами и гербами храбрейших рыцарей Франции. Никогда после не видел я столь великолепного зрелища.

При высадке на сушу, когда король спрыгнул в воду и, погрузившись в волны по шею, показал нам пример, Бог даровал нам победу. Он позволил нам войти в город Дамиетту, откуда неверные бежали так быстро, что не успели ничего разрушить. Однако нельзя не сказать, что в городе некоторые воины забыли о своей святой задаче и с жадностью предались грабежам, но это происходило не по вине короля, решительно и стойко противостоявшего этим действиям.

Отчего же, в таком случае, после Дамиетты у нас не было ни одной удачи? Оборванные, полуголодные, страдающая от цинги, продвигались мы по заболоченной низине дельты Нила. Наш король так ослаб от дизентерии, что приходилось на руках снимать его с коня и таким же образом сажать обратно.

Нас окружили, победили, разгромили и ограбили донага. Даже королю нечего было надеть, кроме халата без рукавов, взятого у бедняка. О себе могу сказать, что те, кто захватил меня, оставили мне накидку, из которой позднее мы с моим маленьким пажом сделали себе короткие туники.

Всем вам известно, как нашему королю угрожали пытками, а он, каким бы ослабевшим ни казался, не поддавался на уговоры принять позорные условия и заплатить выкуп за себя одного или лишь за часть армии. Я припоминаю, что на взвешивание ровно половины выкупа, которую мы были вынуждены заплатить вперед, ушло два дня. В конце Филипп Немурский похвастался королю, что мы обманули сарацинов на десять тысяч ливров. Король был настолько щепетилен в отношении данного им слова, что наверняка повелел бы все перевесить заново. Но я крепко наступил на ногу сеньору Филиппу и быстро сказал, что он просто пошутил. Король, все еще встревоженный, взял с сень-

ора Немурского честное слово, что вся положенная сумма будет заплачена полностью.

Таким образом, мы смогли отбыть из Египта — король и основная часть знати, выжившая после постигшей нас беды. Но сержанты, простые рыцари и простолюдины остались в плену ждать полной выплаты выкупа.

Когда мы пришли в Акру, король собрал своих сенюров на совет — решить, что следует делать. Королева-мать писала о затруднениях, возникших в отношениях с Англией, и торопила его с возвращением во Францию. После поражения он был недостаточно силен, чтобы побеждать, и самое лучшее, что мог сделать, — перейти к обороне. Братья короля и вся остальная знать проголосовали за возвращение домой, заявив, что там, где они находились, бесполезно пытаться что-либо проводить в жизнь. Лишь я один просил короля остаться. Я сказал, что он мог быть полезен тому, что сохранилось от Божьего королевства, а пленников никогда не отпустят без его вмешательства. К тому времени мусульмане уже нарушили исполнение своей части соглашения.

За такой совет я был награжден злобными взглядами и бранью, поэтому не мог больше оставаться со всеми, а отошел к амбразуре и стал спиной к остальным, взявшись за решетку окна. Сзади ко мне кто-то приблизился и, наклонясь, возложил руки мне на голову.

— Не мешайте мне, Филипп! — сказал я, подумав, что то был Филипп Немурский. Но когда я нетерпеливо дернулся, его рука оказалась у меня перед глазами, и я увидел на ней королевский перстень. Тогда я замер на месте, а король произнес:

— Хочу спросить, почему такой юнец, как ты, осмелился дать мне совет вопреки мнению величайших и мудрейших людей Франции?

— Ваше величество, — отозвался я, — не мог я дать вам плохой совет.

— Иначе говоря, ты считаешь, что мне нельзя уезжать?

— Помогите мне Бог, да, считаю, — ответил я.

Тогда король спросил:

— Если я не поеду, ты тоже останешься?

Мы остались на четыре года, а когда уезжали, оставляли священное королевство лучше защищенным и в лучшем состоянии, чем оно было, когда мы там появились. Правда, бароны королевства просили короля не укреплять замок, которым они когда-то владели, дальше пяти лье в глубь страны. «Ведь мы никогда не сможем его снабжать, — говорили они, — учитывая, что мы контролируем не более одного ярда этой страны за пределами наших стен и кораблей».

Мы уехали через четыре полных года, исполнив наш долг и вернув пленников из Египта. С огромной радостью возвращался я в свой замок Жуанвиль, который оставил так давно, но нашел его в печальном состоянии. У моих бедных людей, обложенных сначала налогом на крестовый поход, а затем новым налогом на выкуп, затравленных не только чиновниками короля, но и чиновниками графа Шампанского, моего сюзерена, не было никого, кто встал бы на их сторону. В остальных частях королевства дела обстояли не лучше, и управление страной находилось в опасной близости от полного краха.

Все это король понял так же хорошо, как я, а все мы знаем, как он долгие годы заботился о благосостоянии своего народа. Он не часто вспоминал о крестовом походе, но именно в это время перестал носить алое платье и отделанную мехом одежду, как подобало сеньору его ранга. Я думаю, он никогда не забывал историю, расска-

занную человеком, приехавшим в Дамаск покупать рога и клей для наших луков. На базаре он встретил старика, который с издевкой выкрикивал: «Когда-то давно я видел, как прокаженный король Балдуин Иерусалимский разбил Саладина, хотя за Балдуином было лишь три сотни человек против трех тысяч у Саладина. А теперь вы дошли то того, что вас можно брать голыми руками, как домашний скот». Несомненно, святой король держался не как подобало витязю Бога, и он винил себя, считая свои ошибки причиной гибели многих людей.

Со своей стороны, узнав, какая судьба была дарована величайшему королю и святейшему из всех живущих людей, я засомневался, давал ли Бог благословение хоть одному крестовому походу. Кроме того, видя, как мы были нужны во Франции, пока отсутствовали, я подумал, что Бог хочет, чтобы я посвятил остаток моих дней поместью в Жуанвиле, куда он меня поставил править прежде всего.

Когда король снова принял крест, господа мои, ему уже было более пятидесяти лет и его здоровье находилось в таком расстроенном состоянии, что обычно он не ходил сам, а позволял мне носить его на руках. Кто ему посоветовал, я не знаю, как и не могу понять, кто советовал самым разным папам объявлять крестовые походы против христианских императоров, стран или городов, с которыми им случалось поссориться. Наш святой король не всегда бывал прав, мои сеньоры, я так и говорил ему, когда он спрашивал моего совета. И в тот раз я сказал ему все, что думал, и ему это не понравилось.

Он отправился в путь и не вернулся. Половина французского рыцарства погибла с ним в том крестовом походе, в основном от чумы. В результате мы потеряли лучшего короля, равного которому не было в целом мире, и не достигли ничего. Когда я узнал о его смерти, у меня

заболело сердце, потому что нас разлучила разность в наших мнениях. Однако, понимая, что наш добрый король уже пребывал в раю, я верил, что он сумел меня понять.

В прошлом году, когда папа объявил его святым, что, на мой взгляд, было всего лишь давно ожидаемым признанием, я помолился ему в моей часовне в Жуанвиле, так как долгие годы желал, чтобы церковь разрешила мне ему молиться. Той самой ночью милостью Божьей мне приснился король, стоящий напротив входа в мою часовню, в своем скромном сером платье, черном плаще и простой шляпе. Он удивительно мне обрадовался, а я был счастлив его увидеть.

«Мой господин, — сказал я, ибо речь во снах часто бывает такой глупой, — когда вы уйдете из Жуанвиля, я приготовлю для вас место в доме, которым владею в деревне Шевильон».

«Мой сеньор де Жуанвиль, — ответил король со смехом, — у меня нет намерения уходить так скоро».

При этих словах я проснулся, сердце мое успокоилось и перестало болеть из-за нашей последней разлуки на земле. Так как он пожелал остаться в Жуанвиле, я соорудил ему алтарь во славу Божью в моей часовне, чтобы служить мессы в его память. Если Людовик Святой меня простил, то разве есть здесь кто-либо, имеющий право порочить мою честь?

— Не думаю, что таковые найдутся, — серьезно согласился граф. Какая-то мысль, видимо, поразила его, и он повернулся к сиру Гуго де Бонвилю. — Скажи мне, сеньор управляющий, если бы король Филипп принял крест, о чем он уже говорил, ты последовал бы за ним в дальние страны или нет?

— Сомневаться в этом — значит сомневаться в моей чести! — вскричал управляющий двором.

Граф Людовик улыбнулся:

— Ты последуешь за своим господином, но сделаешь ли ты это из верности ему или из любви к Богу? Отправишься ли ты на Восток как придворный короля Филиппа или потому, что считаешь эту войну святой?

Сеньор де Бонвиль помедлил, но у Ангеррана де Мартиньи ум был более быстрым.

— Я отправлюсь за королем, моим сеньором, — произнес он, оглядываясь вокруг с видом человека, собирающегося сказать нечто умное. — Но сначала задам несколько вопросов тем, кто посоветует ему принять крест. — Он прислонился спиной к стене и протяжно выговаривал слова, наблюдая за их действием. — Мои сеньоры епископы, красноречивые проповедники и кем бы еще вы ни были, подсчитали ли вы, как часто папы призывали к святой войне по совсем не святым поводам и погружали христианский мир в пучину бедствий, стремясь достичь собственных целей? Видели ли вы посланцев святой церкви, ради денег продающих освобождение от обета крестоносца на улицах, у самого собора Святого Петра? Замечали ли вы, как епископы разъезжают будто принцы, а жирные аббаты откармливают себя словно свиней, и в то же самое время церковь жалуется на бедность? Считаетесь ли вы с тем, как мало заботился Бог о своем королевстве, которое даже Людовик Святой не смог спасти? Вот уже семь лет, как те, кто был когда-то бароном Святой Земли, трудятся как рабы в Египте или голодают, бежав в Кипрское королевство. Огромный город Акра, бывший их столицей, превратился в грудку руин и в развалинах своих подвалов укрывает нескольких несчастных крестьян. Тогда ради Бога, мои сеньоры епископы и проповедники, объясните мне, по какой причине вы по-прежнему настаиваете, будто существует такое понятие, как святая война?

ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОНОСЕЦ

1464 год

Порывы к великим крестовым походам умерли вместе с Людовиком Святым. Король Филипп Красивый говорил об экспедиции, но потому лишь, что нуждался в предлоге обложить налогами церковь. Правители были слишком заняты своим соперничеством в Европе. Папы утратили влияние, а умные головы разочаровались. Однако вера умирала трудно. Многим нравилось оглядываться назад, вспоминать идею папы Урбана о христианском мире, прекратившем все внутренние распри и привлеченном под Божье знамя. Крестовые походы продолжали обсуждаться, и сеньоры давали клятвы, терявшие значение перед лицом действительности.

Неверные, чувствуя себя в безопасности в своих владениях, становились все сильнее и сильнее. В течение одного века турки заняли всю Малую Азию и стали стучаться в ворота Константинополя, в прошлом Царьграда. Здесь через пятьдесят лет владычества латинян греческие императоры вернули себе трон. Константинополь оставался самым культурным городом мира, давшим пристанище искусствам и знаниям Римской империи, хранившимся в нем тысячу лет. Но, несмотря на все

свое видимое великолепие, Константинополь умирал, его население сокращалось, его империя понесла ощутимый урон от дожа Дандоло и никогда уже не смогла восстановить былое могущество. Последним достижением великих крестовых походов оказалось разрушение империи, служившей оплотом христианского мира.

Пал Царьград, и Святая София, тысячу лет бывшая христианской церковью, превратилась в мечеть. Захватчики, промчавшись через город, вырвались на просторы Европы, и факел знаний погас.

Именно в это время последний крестоносец отправился на помощь. Он не годился для этой цели, этот папа Пий, носивший раньше имя Энеа Сильвио, автор светских книг, политик-интриган, который лишь в середине жизни стал священником — из одного честолюбия. Никогда полностью не выяснилось, выросла ли его решимость освободить Константинополь из любви к классическому наследию, страха государственного мужа перед завоеванием Европы или из его — святого отца — понимания религии. Возможно, Пий II сам принял крест по всем этим причинам, дабы устыдившиеся правители Европы последовали его примеру.

Он отправился от собора Святого Петра в Анкону, принадлежавший ему порт, в котором на собственные деньги собрал флотилию транспортных кораблей. Двигался он медленно, хотя отчасти военным порядком, с отрядом всадников впереди и пешими солдатами в арьергарде. В середине колонны шли мулы с его багажом; личная свита, в основном духовные лица, также за счет папы ехали верхом на хорошо откормленных лошадах. Хотя Пию еще не исполнилось шестидесяти лет, его силы убывали, путешествие так истощило его, что это вызывало тревогу у сопровождающих. Поскольку он требовал продолжать путь, его уложили в паланкин,

и процессия двинулись дальше по пыльным дорогам в сторону Анконы.

Приблизительно в пятнадцати милях от порта врач, постоянно ехавший подле паланкина, сделал рукой знак, по которому кавалькада замедлила ход и остановилась. Врач спустился с мула, чтобы смешать стимулирующее средство из принесенных слугой вина и воды и еще добавить пару капель из бутылочки, подвешенной у него на шее. Один из тех, кто шел рядом с паланкином, обмахивал больного, отгоняя мух, наклонился и приподнял папу, чтобы он мог попить. Жидкость стекала из уголков рта больного, и ее вытирали салфеткой. Папе умыли лицо и руки, поправили занавески, чтобы они загораживали солнце.

— Ваше святейшество, — сказал врач, осторожно укладывая руку больного, — не угодно ли вам отдохнуть, пока не спадет дневная жара... здесь есть гостиница.

Больной дышал неровно и хрипло. Врач наклонился, приблизив ухо к бледным губам.

— Долгая дорога, — прошептал умирающий папа. — Король Венгрии... император... король Франции. Я устыдил их, и они явились, но как долго они смогут ждать? Как далеко еще до Анконы?

— Около пятнадцати миль, — ответил врач.

— Поехали! Поехали! Мы должны туда попасть до темноты.

Врач снова сел в седло, покачивая головой.

— Капитан спросил в гостинице, грузится ли армия на корабли, но хозяин не понял, о какой армии речь, — заметил личный секретарь папы, ехавший рядом с врачом.

— Странно, ведь до армии отсюда не более пятнадцати миль, — удивился врач.

— Очень странно.

— Можно было бы предположить, что они очистили все окрестности, запасая продовольствие.

— В самом деле.

— Гм! — хмыкнул врач, обрывая разговор, и повернулся взглянуть на своего пациента.

— Доживет он до Анконы? — шепотом спросил секретарь.

Врач пожал плечами:

— Если на то будет воля Божья.

Анкона лежала в долине меж двух гор, соединенных кряжем, вдоль которого пролежала дорога. Через несколько часов перед ними открылась долина. Секретарь, прикрывая глаза от солнца, посмотрел вниз на аккуратную маленькую гавань, где теснились корабли, и на синие воды Адриатики за ней. Ехавшие впереди всадники закрывали от него вид на город, лепившийся по склонам, с виноградниками и кипарисовыми деревьями перед городскими стенами.

Капитан всадников, развернув коня, подскакал к секретарю и наклонился, чтобы шепнуть на ухо:

— Никаких палаток!

— Что?

— За городом нет армейских палаток. Совсем нет.

Секретарь вытянул шею, пытаясь что-то увидеть за всадниками, но он был маленьким, полным человечком и ехал на маленьком, толстеньком пони, поэтому его попытка оказалась неудачной.

— Лучше еще раз остановиться, — предложил он врачу, — прежде чем начнем спускаться в Анкону.

Врач велел остановиться, и, пока он ухаживал за своим пациентом, секретарь проехал к голове колонны. Сияющий на солнце город представлял собой беспорядочное смешение серых стен и черепичных крыш. На склонах гор не было ни намека на лагерь, но по доро-

ге, идущей в гору вдоль ручья, снабжавшего город водой, двигалась толпа.

— Должно быть, они погрузились, — предположил озадаченный секретарь. — Погрузились и отослали домой носильщиков.

— Наверное, так, — неуверенно согласился капитан. Секретарь нервно рассмеялся.

— Знаете, — объяснил он капитану, — я никогда еще не был с армией, и меня удивляет, как много людей остается, когда она уходит.

— Гм, да, — сказал капитан, глядя на людской поток, вытекающий из городских ворот. — Нищие, разносчики, знахари, прачки... за армией всегда тянется разный сброд.

— Как далеко до Анконы? — пролепетал больной, когда секретарь вернулся.

Секретарь наклонился над ним:

— Всего лишь пять миль. Город уже отчетливо виден.

— Тогда подними меня. Подопри подушками! — Он прикладывал титанические усилия, чтобы приподняться. — Мне лучше... это просто слабость. Ты уже смог различить гербы?

— Гербы? — На мгновение секретарь смеялся. — О, знамена армии! Их не видно, поскольку они только что погрузились. Нищие и разносчики с мулами возвращаются домой.

Папа улыбнулся:

— Король Франции... король Венгрии... король Испании... Им стало стыдно. Из-за моей слабости мы опаздываем на встречу с ними. Поспешите!

Процессия неуклюже тронулась вперед. Здесь были люди, ведущие лошадей с паланкином, и другие, кто держал привязанные к нему шесты, чтобы придать ему дополнительную устойчивость и удержать от чрезмер-

но резких движений. Они направились с гребня вниз, потеряв из виду Анкону и идущую вразброд по дороге толпу.

Когда эти люди снова попали в поле их зрения, они были уже гораздо ближе. Секретарь пришпорил свою лошадку, поскакал по дороге и нагнал капитана, который показал на ближайшую группу в полумиле от них:

— Это не калеки, не женщины, не сброд какой-нибудь. Это мужчины!

— Погонщики мулов, возможно, — невпопад предположил секретарь. — Им пришлось перевезти очень много грузов.

Капитан посмотрел на него презрительно:

— Где же мулы?

Следуя внезапному порыву, он пустил лошадь рысью. Секретарь погнался за ним на коротконогом пони, которого никогда еще за всю его уютную жизнь так сильно не били шпорами.

Грубого вида мужчины, поднимавшиеся по дороге, тащили мешки различных размеров, и у большинства из них из-за поясов торчали ножи.

— Почему вы уходите? — крикнул капитан первому из них.

Чернобородый головорез не обратил внимания на оклик и прошел мимо, бросив злой взгляд на всадников.

— Тебе-то что? — крикнул кто-то из остальных.

Задышавшийся секретарь натянул поводья.

— Его святейшество... — начал он.

Один из мужчин намеренно остановился прямо перед ним и плюнул.

Этот жест был настолько ясен, что у секретаря буквально отвисла челюсть. Грубость подействовала на него так же, как открытое богохульство, и ему нечем было на нее ответить. Капитан, на что уж привыкший к гру-

бости, и то побагровел от возмущения и наполовину вытянул меч из ножен. Заметив, однако, что по дороге спешат еще люди и в руках у некоторых уже сверкают ножи, он с лязгом бросил меч обратно в ножны и, встав на стремянах, помахал своим всадникам, оставшим на несколько сот ярдов.

— Теперь слушайте, ребята, — резким тоном обратился он к толпе, — ведь вы моряки? Что случилось?

В ответ раздался взрыв ругательств и гневных криков, к этому времени на дороге насчитывалось пятьдесят, если не больше, мужчин, а новые группы продолжали показываться из-за поворота и ускоряли шаг, спеша узнать, что происходит.

— Эй, ты! — крикнул капитан, внезапным движением снова вытянув из ножен меч и указывая им на седого гиганта с перебитым кривым носом и изуродованной ушной раковиной. — Говори! В чем дело?

— Дело? Видно, Бог совсем тебе ума не дал! Нет поездки — нет платы. Вот в чем дело! А я из Генуи! К тому времени как я вернусь к себе, сезон почти закончится, и мне придется голодать на берегу. Его святейшество, — передразнил он секретаря. — Он-то может позволить себе любые глупости. Человек не бедный!

— Но я не понимаю! — пронзительно выкрикнул секретарь, пытаясь перекрыть шум, поднявшийся после красноречивого выступления великана. — Кто эти люди?

— Моряки, — сурово произнес капитан. — Они направляются по домам.

— Но как же мы поплывем через море? А короли? А император?

— Я знал это, — сказал капитан. — Я все понял, когда увидел, что палаток нет. Даже раньше, когда выяснилось, что хозяин гостиницы ничего не слышал об армии. Я...

Он замолчал, обнаружив, что говорит в пространстве. Секретарь неуклюже развернул пони и помчался назад по дороге.

Папа немного приподнялся на подушках:

— Мне сказали, что идут люди, посланные нам на встречу. Короли... император?

Секретарь сделал глубокий вдох, затем медленно выдохнул, пытаясь восстановить дыхание и говорить спокойно:

— Короли готовятся к вашему приему в Анконе. А это просто толпа жителей города, вышедших поприветствовать вас. Если позволите, я задерну занавески вашего паланкина, — как бы они не вообразили, что вы слишком слабы и не можете сесть на корабль. В любом случае, было бы лучше, чтобы вы заснули и отдохнули как следует, прежде чем встретитесь с сильными мира сего.

Он осторожно потянул занавеску паланкина, но врач наклонился, чтобы остановить его руку.

— Без ветра внутри станет жарко, как в печи. Как он это вынесет?

— Должен вынести, — ответил секретарь, стараясь говорить тише, чтобы уши умирающего не уловили его слов. — Никто из королей и принцев не явился — ни один из тех, кого он думал пристыдить своим примером. Флот расформирован, и все моряки, нанятые для плавания, идут домой. Задержите занавески, не то он их увидит! Будет лучше, если он задохнется, продолжая думать, что все правители готовятся его встретить в Анконе.

Врач задернул занавески и закрепил их, чтобы они не приоткрылись от случайного движения воздуха. Медленно, мучительно, кренясь то в одну, то в другую сторону, паланкин поплыл вниз по дороге.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Император. 1094 год	11
Папа. 1095 год	18
Проповедник. 1095 год	22
Мечтатели. 1096—1097 годы	29
Завоеватели. 1096—1099 годы	51
Наследник. 1170 год	83
Обладатели. 1183 год	93
Политики. 1192—1193 годы	123
Стяжатели. 1204 год	148
Невинные. 1218 год	172
Святой. 1298 год	198
Последний крестоносец. 1464 год	213

Оливия Кулидж
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ

Ответственный редактор Л.И. Глебовская

Художественный редактор И.А. Озеров

Технический редактор Н.В. Травкина

Корректор Д.Б. Соловьев

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 30.04.2002
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,02
Уч.-изд. л. 10,48. Тираж 7 000 экз. Заказ № 1187

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

ООО Издательство «Внешторгпресс»
103051, Москва, ул. Трунная, 24, корп. 3

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЦЕНТРОЛИГРАФ

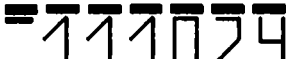
Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 РХСЗБ
Куда _____ г. Москва, а/я 18		
Кому _____ «ЦЕНТРОЛИГРАФ»		
 111024	Название издательства, серия и адрес получателя 680011 г.Хабаровск, ул. Мира, д. 10, кв. 5. Ивановой Г.П.	
	<small>Чл. союза России. Издательство «Марш». 1992. г. 111020 ЦПО Голосов 12 85 н.</small>	

Полноту выдачи издательства можно проверить по каталогу

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенного платежа оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на Ваше понимание.

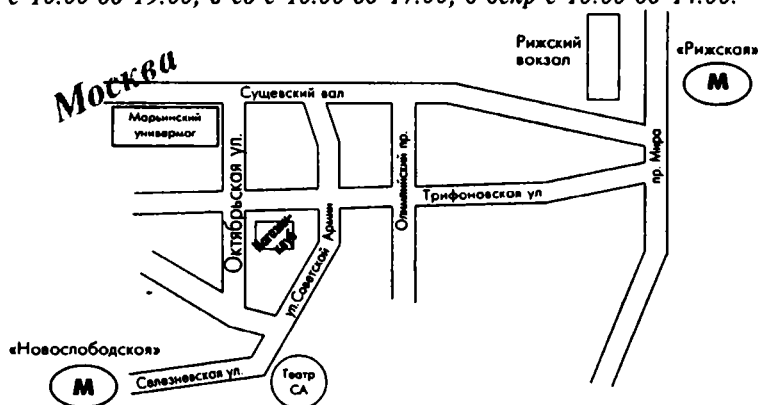
МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

**Действительно низкие цены! Регулярные распродажи!
Предварительные заказы и оповещение по телефону о
поступлении новинок!**

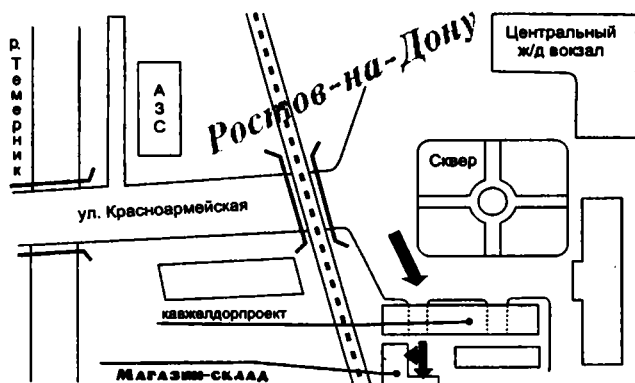
**Фирменные магазины издательства «Центрполиграф»
в Москве и Ростове-на-Дону**

предлагают более 1000 наименований книг различных жанров зарубежных и отечественных авторов: детектив, исторический, любовный, приключенческий роман, фантастика, фэнтези, научно-популярная, биографическая, документально-криминальная литература, издания для детей и юношества, филателистические каталоги, книги по кулинарии, кинологии, о звездах театра, кино, эстрады, а также энциклопедии, словари, решебники.

Звоните и приезжайте! **Москва — ул. Октябрьская, д. 18, тел. для справок: 284-49-89, мелкооптовый отдел тел. 284-49-68; в пн—пт с 10.00 до 19.00, в сб с 10.00 до 17.00, в вскр с 10.00 до 14.00.**

Ростов-на-Дону — Привокзальная пл., д. 1/2, тел. (8632) 38-38-02; в пн—пт с 9.00 до 18.00.

ОЛИВИЯ КУЛИДЖ Крестовые походы

Известная американская писательница Оливия Кулидж приглашает вас совершить увлекательное путешествие в Средние века.

Перед вами предстанет противоречивый мир религиозного Средневековья. Вы узнаете о чудесах и жестокой реальности того времени и поймете, почему крестовые походы, начавшиеся тысячу лет назад, продлились целых четыре века. Познакомьтесь с Маленьким Петром, пророком нищих мечтателей, которые отправились вызволять Гроб Господень из власти неверных в далекий Иерусалим, и с королем Балдуином Иерусалимским, чье отважное маленькое войско сумело одолеть всемогущего султана Саладина.

Книги Оливии Кулидж — это познавательные рассказы о традициях, быте и верованиях народов мира.

ПОПУЛЯРНАЯ
ИСТОРИЯ

ISBN 5-227-01854-5

9 785227 018540

ЦЕНТРОЛИГРАФ®